И. Л. ФЕЙНБЕРГ

АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ ПРАДЕД ПУШКИНА

~~169~~

Abraham

Petrowitz

... Moscou

~~176~~

1711.

И. Л. ФЕЙНБЕРГ

АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ ПРАДЕД ПУШКИНА

Разыскания и материалы

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА
1983

ББК 83. Р. 1
Ф 36

Ответственный редактор
А. Б. ДАВИДСОН

Составление, подготовка текста,
вступительная статья
и подбор иллюстраций
М. И. ФЕЙНБЕРГ

Фейнберг И. Л.
Ф 36 Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. Сост., подгот. текста, вступит. ст. и подбор ил. М. И. Фейнберг. Худ. В. Локшин. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1983 г.
128 с. с ил.

Книга известного советского литературоведа Ильи Львовича Фейнберга (1905—1979) представляет собой сборник работ разных лет. Открывает книгу работа, рассказывающая о жизни прадеда Пушкина — знаменитого арапа Петра Великого.

Ф $\frac{4603010101\text{-}229}{013(02)\text{-}83}$ 176-83 ББК 83. Р 1

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

«Я прожил счастливую жизнь — потому что прожил ее с Пушкиным», — сказал в конце жизни на одном из своих публичных выступлений Илья Львович Фейнберг.

И это было правдой. Со студенческих лет и до последнего дня — в буквальном смысле этого слова — Пушкин оставался для него не предметом профессиональной деятельности, а жизнью.

Первая большая работа Ильи Львовича — статья о «Памятнике» Пушкина — появилась в 1933 году.

В 1934 году к 20-летию с начала первой мировой войны вышла книга (совместно с художником С. Телингатером) «1914 год» (документальный памфлет), цель которой, по словам авторов, — «содействовать разоблачению „тайны рождения войны“» [1].

Сделанная на основе «композиции документального материала» и «органического сочетания текста с фото» [2], эта работа отразила широкий интерес Ильи Львовича к истории, так присущий и его последующим работам, понимание значения документа в широком смысле этого слова и возможностей его разнообразного использования, понимание изобразительного ряда и законов монтажа.

В эти же годы Илья Львович опубликовал несколько статей о Пушкине, много позже вошедших в его книги.

В 1940 году была закончена статья «Работа над Онегиным», где впервые так широко рассматривались черновики романа. 4 июня 1941 года она была принята в 8-й выпуск «Пушкинского временника» [3], но через во-

---

[1] Илья Фейнберг. 1914 год. М., 1934, с. 1.

[2] Там же, с. 2.

[3] Письмо Б. В. Томашевского от 4 июня 1941 г. И. Л. Фейнбергу (Архив И. Л. Фейнберга). Некоторые наблюдения и выводы этой работы были позже, в 1947—1957 гг., опубликованы в периодике. Полностью статья эта была включена И. Л. Фейнбергом в книгу «Читая тетради Пушкина» (М., 1976).

семнадцать дней началась Великая Отечественная война, и Илья Львович ушел добровольцем во флот.

Но повседневное общение с Пушкиным продолжалось даже в годы Великой Отечественной войны, когда, выполняя свои обязанности военного корреспондента — сначала в осажденных Одессе и Севастополе, а потом на Северном флоте, — он начал читать лекции о Пушкине на базах и кораблях, научился читать для любой аудитории, тогда как до войны читал в основном научные доклады [1].

«Я прожил не только кабинетную жизнь, — записал Илья Львович впоследствии, — Великая Отечественная война и первые слушатели — матросы и первая лекция на крейсере „Красный Крым"... Мы шли из Тавриды до Колхиды. На пушках — „Пермь"» [2].

В Полярном он начал писать работу «Море в поэзии Пушкина», увидевшую свет уже после смерти автора [3].

В послевоенные годы Ильей Львовичем были опубликованы исследования о пушкинской «Истории Петра I», начатые еще до войны, и о судьбе Автобиографических записок поэта.

Они печатались в 1949—1958 годах в «Вестнике Академии наук СССР» и вошли в его книгу «Незавершенные работы Пушкина», первое издание которой появилось в 1955 году. В 1963 году вышла книга «История одной рукописи» [4]. В 1976 году — книга «Читая тетради Пушкина», включившая в себя ряд новых работ.

Многолетние занятия историей «Петра I» позволили также И. Л. Фейнбергу заново подготовить ее текст, внеся в него существенные уточнения и поправки [5].

---

[1] Писатель Владимир Рудный записал в своем дневнике 25 апреля 1943 г. «Полярное... Пришел Илья Львович Фейнберг, пушкинист. Он может часами наизусть читать Пушкина. Читает матросам на кораблях и на берегу, много работает... Его здесь ценят и любят» (Владимир Рудный. Действующий флот. Рассказы, очерки, дневники. М., 1965, с. 327).

[2] Запись от 9 ноября 1975 г. (Архив И. Л. Фейнберга). Текст этого выступления в апреле 1942 г. также сохранился в его архиве. Далее материалы, цитируемые по записям И. Л. Фейнберга, специально не оговариваются.

[3] Илья Фейнберг. Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е. М., 1981.

[4] Второе, дополненное издание ее — в 1967 г.

[5] См.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 8. М., 1962 и т. 8, М., 1977.

Оставшийся архив И. Л. Фейнберга полностью отражает круг его научных интересов. Сохранилась и первая работа — «Прозерпина», доложенная молодым человеком в Обществе любителей Российской словесности, заседавшем под председательством П. Н. Сакулина, и листок, написанный за день до смерти почерком тяжелобольного человека.

Помимо всевозможных записей к опубликованным работам — многочисленные папки с материалами для будущих книг.

Одной из них должна была быть новая книга о пушкинской «Истории Петра», которую для себя И. Л. Фейнберг называл «Незавершенные работы Пушкина — 2» и над которой работал много лет. В ней он собирался показать, что Пушкин соединил достижения литературы нового времени с достоинствами античной исторической прозы.

Андрей Белый когда-то говорил: «Между поэзией и прозой Пушкина есть-таки грань: не ищите в ней лирики и драматики». И. Л. Фейнберг считал, что А. Белый был не прав, и главным образом потому, что не знал *этой* исторической прозы Пушкина. «И лирика и драматика налицо в пушкинском Петре, — говорил он. — Достаточно перечитать сцену смерти Петра, чтобы убедиться в этом.

Эта проза рассчитана на звучание, она подобна в этом античной прозе. Недаром Белинский уже сказал об „Истории Пугачева“, что она написана по-тацитовски» [1]. Этот новый этап работы нашел свое отражение в публикуемой ниже статье об истории Петра I.

Второй книгой, которую Илья Львович хотел написать, были «Черновики Пушкина». Многочисленные папки свидетельствуют, что материал накапливался многие годы и черновики стихов представлялись ему необычайно важными для понимания пушкинской поэзии.

«Изучение черновиков Пушкина, — писал И. Л. Фейнберг, — в гораздо большей мере, чем это можно утверждать, говоря о рукописях других наших поэтов, позволяет раскрыть творческую историю целого ряда важнейших его произведений. Возможность эта связана с особым характером пушкинских черновиков, которые

---

[1] См.: «Наука и жизнь». 1974, № 12; Л. Аннинский. Звучащая проза Пушкина. Беседа с И. Л. Фейнбергом.

недаром называют стенограммами его творческого процесса»[1].

Некоторые из наблюдений над природой пушкинских черновиков читатель найдет в этом издании.

Третьей книгой, над которой он вплотную работал с 1964 года, должна была стать книга о замечательном человеке XVIII века — Арапе Петра Великого, Ганнибале, прадеде поэта. Написать такую книгу, по-видимому, было давней мечтой Ильи Львовича, так как первые записи относятся к 1954 году.

Странная и сказочная жизнь Ганнибала, как в фокусе, скрестила три темы: Петр, Пушкин, Ганнибал — тема, над которыми И. Л. Фейнберг работал всю свою жизнь.

В архиве И. Л. Фейнберга сохранились 23 папки с материалами для будущей книги об Арапе. Обладая прекрасной памятью, Илья Львович записывал все только для себя, но сокращенно, так, чтобы одна фраза в дальнейшем могла восстановить для него весь ход мысли и круг ассоциаций. О своем способе работать, объясняющем характер делаемых им записей, о типе своей памяти он сам заметил: «...может быть, это вызывается обширностью и, смею сказать, точностью моей памяти. И кроме того, играет роль степень мобильности, т. е. когда надо что-нибудь вспомнить и что-нибудь понять, то мне сразу вспоминается если не все, то *очень многое* и разное — из того, что может относиться к вопросу так или иначе. И в этом числе, что далеко от него и, казалось бы, к сему не близко! А между тем, оказывается, позволяет сообразить — и тем самым раскрывает вопрос. NB А сопряжение далековатых идей (я же говорил прежде всего о фактах — о данных, а затем уж об идеях)»[2].

Листки, собранные в папках, представляют в совокупности записную книжку или дневник пушкиниста — мысли, догадки, помеченные точными датами[3]. Здесь же указаны страницы нужной книги или сделаны необходимые выписки с обозначением источника, иностранный текст дается на языке оригинала и с параллель-

---

[1] И. Л. Фейнберг. О новых страницах Пушкина (К выходу академического издания сочинений поэта).— «Вестник Академии наук СССР». 1950, № 4, с. 61.

[2] Запись от 26 июля 1969 г.

[3] В настоящее время эти записи И. Л. Фейнберга готовятся мною к печати.

ным переводом. Если факт или сведения были услышаны от кого-то другого в разговоре, то обязательно сделана помета: сказал такой-то. Если разговор велся по телефону, то записан номер телефона с именем, отчеством и фамилией. Эта точность и уважение к чужому мнению были так велики, что я с удивлением находила записанными с указанием на источник даже мои беглые замечания, высказанные в минутном разговоре[1].

Свои листки Илья Львович складывал по темам в папки. Так, например, на одной из них, озаглавленной «Арап — начало книги», поставлена дата 10.I — 78, но в папке собраны записи разных лет (1970—1978), а дата на папке означает, что все пересмотрено и собрано вместе 10.I — 78. Есть папки и с неразложенными листками. Например: «Арап — оч. нужное — разложить по папкам. 30.II — 68». Следовательно, многочисленные листки и выписки, собранные в этой папке, должны были быть заново просмотрены и разложены по темам. В этих же папках собраны вырезки из газет и журналов, содержащие какие-либо сведения о Ганнибале, с подчеркиваниями и заметками на полях, записи с шифрами необходимых архивных фондов.

Нужно добавить, что книги в рабочей библиотеке Ильи Львовича были одновременно и своего рода такими же листками, так как все форзацы их покрыты записями, сделанными во время чтения, а в тексте подчеркнуто нужное и также снабжено замечаниями. «Записи на форзацах книг — это те же мои листки», — записал он. Очень хорошо зная и любя книгу, Илья Львович был лишен чисто библиофильского к ней отношения, покупал только нужные ему книги и необычайно свободно с ними обращался.

Собранный материал по Ганнибалу, указывает на большую степень готовности этой будущей книги. Пред-

---

[1] Приведу один из примеров такой точности. В 1977 г. в Московском музее А. С. Пушкина была выставка портретов неизвестных художников. Мы осматривали ее вместе. На одном из портретов были изображены очень смуглые люди со странными, необычными лицами. Под ними стояла подпись: «Псковские помещики». Я обратила внимание Ильи Львовича на этот портрет. «Да ведь это, по-видимому, Ганнибалы»,— сказала я. И, конечно, забыла об этом. Сейчас в папке я нашла аккуратный листок, на котором написано: «Догадка Маэль, что портреты „Псковские помещики“ в Московском музее Пушкина — это Ганнибалы» (запись от 16 октября 1977 г.).

варительная работа была уже закончена, составлен план по главам с расположением в них материала, четко обозначены границы книги. Сохранившиеся папки, послужившие ему для написания «Незавершенных работ Пушкина» и исследований, опубликованных в книге «Читая тетради Пушкина», подготовленные таким же методом, содержат гораздо менее разработанный материал.

Какова же должна была быть эта книга об Арапе? Прежде всего нужно сказать, что Илья Львович вообще не собирался писать «полную биографию» Ибрагима Ганнибала. Черный прадед поэта интересовал его как сподвижник Петра, «неотлучно», по слову самого Арапа, «при нем бывший». Илья Львович хотел в основном ограничить свое повествование только петровским временем. «„Страна чудес“ — петровская Россия стала его родиной», — записал он на одном из листков. А на другом заметил, что «жизнь Арапа после Петра все же представляет для нас *относительно* меньший интерес» [1].

Последние годы жизни Арапа он считал и более изученными. Так, например, внимательнейшим образом прочитав в 1976 году в шестом номере журнала «Ангара» документальную повесть Марка Сергеева «Сибирские злоключения Арапа Петра Великого» и расчертив принадлежащий ему экземпляр, он записал: «Но о Сибирском периоде есть содержательный документальный очерк М. Сергеева, о Прибалтике — в работах Д. Благого, Н. Малеванова и эстонского исследователя Лееца» [2].

В небольшой статье нет возможности даже кратко рассказать об оставшихся материалах, подготовленных для будущей книги. Поэтому мы остановимся лишь на нескольких моментах.

Большой раздел будущей книги должен был быть посвящен «немецкой биографии» Ганнибала. Биография эта, написанная готическими буквами, мелким, тонким, аккуратным почерком, без помарок, сохранилась в бу-

---

[1] Запись от 16 октября 1977 г.

[2] Запись от 16 октября 1977 г. Речь идет о следующих работах Н. Малеванова: «К биографии А. П. Ганнибала». — Пушкин. Исследования и материалы. Л., т. IV, 1962; «Петра питомец — А. П. Ганнибал».— «Нева». 1972, № 2, «Абрам Ганнибал — герой Полтавы».— «Неделя». 1976, № 6; «Прадед поэта».— «Звезда». 1974, № 6. И. Л. Фейнберг имел в виду работу Лееца, опубликованную в эстонском журнале «Язык и литература» (1974, № 6).

магах Пушкина и была впервые опубликована в 1935 году. Тогда же был сделан и полный ее перевод [1].

Биографию эту И. Л. Фейнберг считал важнейшим документом в числе тех немногих письменных источников, которыми располагал Пушкин. Писанный, как считал он, со слов самого Абрама Петровича, этот документ являлся литературным памятником своего рода — как бы жизнью замечательных людей, — написанным человеком екатерининской эпохи о выдающемся человеке Петровской эпохи.

Именно жаром, а не просто хвастливым желанием украсить свою биографию объясняются, как считал И. Л. Фейнберг, многие места ее.

Написанные по-французски и уничтоженные им, записки Абрама Петровича, воспроизведенные в какой-то мере автором «немецкой биографии», без сомнения, свидетельствуют, что и сам Ганнибал считал себя лицом историческим, лицом, обязанным поведать о своей удивительной судьбе.

Недаром П. Вяземский, знаток XVIII века, внимательнейшим образом читавший книгу Анненкова «Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху» (о чем свидетельствуют его отчеркивания в ряде страниц), к странице 13, где Анненков уничижительным образом характеризует записки сына Абрама Петровича — Петра Абрамовича Ганнибала [2] — и дает отрывок из них, сделал важное обобщающее замечание, выражая свое несогласие с Анненковым. «Ведение записок, — замечает Вяземский, — или же одна мысль вести их уже признак в то время, что он был недюжинный человек. Безграмотность или кривописание были тоже признак века, например, у французов, не говоря уже о русских» [3].

Это в полной мере относится ко многим запискам того времени и к «немецкой биографии» Ганнибала.

[1] Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Публикация и перевод Н. Зенгер. М.—Л., 1935.

[2] «...Этот листок, сохраненный Пушкиным в своих бумагах, служит печальным образчиком тех познаний в русской грамоте и той способности к логическому мышлению вообще, каким обладал генерал от артиллерии и родной брат исторического лица Иван Абрамович Ганнибал».

[3] П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 12, 13. Книга с дарственной надписью Анненкова: «Его сиятельству Петру Андреевичу Вяземскому от автора в Баден-Бадене, 1876 г., декабря 31 дня». Экземпляр этот хранится в рукописном отделе Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).

И. Л. Фейнберг считал, что «биографию эту грубо недооценивают и даже пренебрегают ею, а между тем в ней много верного (важного, особенно для понимания взаимоотношения Арапа с Петром)» [1], и что к ней применимо знаменитое замечание Страбона — «даже чудесное основано на правдивом».

«Немецкая биография» была необычайно важным документом для Пушкина, хотя он и рассматривал ее как биографию Ганнибала, то есть литературное произведение, как он все время и подчеркивает.

Несколько папок посвящены были И. Л. Фейнбергом ее переводу, сделанному Пушкиным.

«Шляпкин заметил „перефразировку“, — записал Илья Львович, — чью? — „переводчика“? Но переводчиком-то был, чего не понимали, сам Пушкин, то есть перед нами его (Пушкина) творческий перевод — преобразование „неметчины“, то есть специфического стиля немецкой биографии, и превращение важнейших мест немецкой биографии в пушкинскую прозу. Прозу, характерную для стиля Пушкина (столь отличного от стиля немецкого оригинала). Сравни с Моро-де-Бразе» [2]. Илья Львович имел в виду перевод Пушкиным отрывка из записок Моро-де-Бразе, его рассказ о Прутском походе — «лучшее место из всей книги», по словам Пушкина.

Перевод этот по стилю также существенно отличается от подлинника. Еще Анненков, говоря о переводческой манере Пушкина, заметил, что у него даже «близкий перевод уже делается нисколько непохожим на свой оригинал. Тут все дело в обороте речи, в постановке мысли и образа, словом, в том неуловимом проявлении творчества. . .» [3].

В пушкинском неполном переводе «немецкой биографии» обращают на себя внимание пропуски некоторых мест ее. Пушкин оставил для какого-то текста чистые пол-листа и поставил волнистые черты, указывающие также на пропуск в тексте. Комментируя этот пушкинский перевод, Н. Зенгер писал, что «два куска остались непереведенными с сохранением для них места в рукописи, очевидно, в силу трудности понимания» [4].

---

[1] Запись от 9 января 1978 г.

[2] Запись от 9 января 1978 г.

[3] П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855, с. 377.

[4] Рукою Пушкина, с. 41.

Илья Львович придерживался прямо противоположного мнения. Он считал, что пропуск и волнистые черты в переводе означают, что Пушкин прекрасно знал, чем они будут восполнены. И мы имеем возможность «раскрыть их значение и содержание». «Две волнистые черты в переводе Пушкиным немецкой биографии, — записал он, — обозначающие пропуск, подлежащий восполнению, и у нас есть возможность раскрыть их. Арап — „ночные мысли“ Петра. Аспидная доска etc. и они подтверждают, что это уже полутекст к биографии Арапа в начале биографии и в „Арапе Петра Великого“» [1].

По его мнению, пропуски эти подлежали восполнению воспроизведением внешней картины этой ночной ситуации (аспидная доска, ночные мысли, Арап-секретарь) и «внутренней картиной этой ночной ситуации, данной в подлинной немецкой биографии „по вдохновении в темноте, без свечей“» [2].

Для своих работ И. Л. Фейнберг всегда обращался и к архивным документам, но он никогда не работал в архивах без совершенно ясного представления, что же он хочет там найти, и приступал к занятиям, когда круг печатных источников был им тщательно изучен.

Найденный и обнаруженный в архиве новый документ или факт никогда не имел для него только самостоятельного значения в том смысле, что совершено открытие нового материала. Они всегда входили в контекст общего исследования, подкрепляя и уточняя уже сложившееся представление.

Случайных находок в архиве, не высчитанных заранее, у него практически не было. Так, в 1964 и в 1970 годы в связи с работой над книгой об Арапе он обследовал Тартуский архив и просмотрел там все бумаги, относящиеся к прадеду поэта.

Позднее он записал: «В Тарту, где я работал в Архиве Эст. ССР, сохранилось множество бумаг, писанные Арапом на немецком языке по судебным тяжбам его, а также другие официальные бумаги. Но этого рода официальные бумаги не представляют общего интереса для биографии и разве что свидетельствуют, что Арап часто судился с соседями по усадьбе и вел с ними межевые споры» [3].

---

[1] Запись от 30 декабря 1977 г.
[2] Запись от 30 декабря 1977 г.
[3] Запись от 23 декабря 1977 г.

Однако обнаруженные там документы занимают целую папку: фотографии этих документов, микрофильм их и краткое описание каждого документа. Среди них — копия подлинного прошения Ганнибала на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой о закреплении за ним, как за «обер-комендантом», казенной мызы «Тайбель». Прошение это поступило в канцелярию генерал-губернатора 15 марта 1742 года. Приводим здесь копию указа о пожаловании Ганнибала деревней Рагола около Таллина 28 сентября 1743 года (деревня эта упоминается в «немецкой биографии» Ганнибала и у Пушкина в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов». Название Рагола подчеркнуто Пушкиным):

«Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из Правительствующего сената в Ревельской губернской канцелярии. Ее императорское величество в присутствии в Правительствующем сенате минувшего сентября 28 дня сего 1743 года имянным указом, подписанным собственною ее императорского величества рукою на челобитное генерал маеора и ревельского обер каменданта Абрама Ганибала всемилостивейше пожаловала в Ревельском уезде, деревне Рагола, ему Ганибалу в вечное потомственное владение и во исполнение оного ее императорского величества всемилостивейшего указа. Правительствующий сенат приказали в Ревельскую губернию послать указ, в Ревельской губернской канцелярии о том ведать и учинить по вышеозначенному ее императорскому величеству указу. А в камор кантору лифляндских и эстляндских дел указ из Сената послан октября 6 дня 1743 году.

У подлинного подписано Обер секретарь

Павел Севергин

секретарь Иван Крок

У подлинного ее императорского величества печать

печатных 25 ко<п> 1/4 взято.

Канцелярист Алексей Правицкой

№ 2882 Ганибала.

(На полях: Правительствующего сената

печатной канторы

секретарь Дмитрей Александров № 6616»[1].

Тщательно работал он также в Библиотеке Академии наук (Ленинград), где хранится рукописная «Гео-

[1] ЦГИА ЭССР, ф. 3., оп. I, д. 286, л. 799. Копия.

метрия и фортификация» с текстами посвящения Арапа Екатерине I, важнейшим биографическим документом, подписанным Арапом [1]. Это посвящение дано было Петру, но тот умер, и оно обращено Арапом к Екатерине, которая также знала его с детства. Обнародование полностью этого документа и было сделано И. Л. Фейнбергом в ноябре 1970 года [2].

Далеко не все найденное им в архиве и изученное нашло бы свое место в будущей книге об Арапе. Очень многое, как это всегда бывало, осталось бы неиспользованным. Но по возможности доскональное знание предмета своих занятий Илья Львович считал для себя обязательным.

Примером такой работы могут служить два противоположных по своим результатам случая.

В своей известной книге «А. С. Пушкин. Антропологический эскиз» Д. Н. Анучин пишет: «Желая выяснить подробности пребывания Ганнибала во Франции, я пытался при любезном содействии М. М. Ковалевского разыскать о нем какие-нибудь данные во французских архивах...» [3]. И хотя Анучин тут же добавляет, что письмо Ковалевского не содержит ответа на поставленные вопросы, но не приводит текста письма, Илья Львович все же обратился к подлинным письмам М. М. Ковалевского, копии которых и сохранились в его архиве.

---

[1] Т. I — ПБ 24/1 и т. II ПБ 24/2 (новый шифр). Тексты посвящений I и II томов одинаковы, за исключением только одного разночтения в I томе — «циркулярными приемами», во II — «циркулярными примерами». Страницы посвящения не нумерованы, пагинация начинается с «Реестро» в обоих томах рукописи. Счет страниц у посвящения, как у рукописей — лист и оборот (в т. I, в т. II 3—6).

Сравнивая традиционные посвящения того времени, в частности очень близкое по стилю и тону посвящение переводчика, одного из первых русских адъюнктов в Академии наук Ивана Горлецкого (учившегося вместе с арапом во Франции и преподнесшего впоследствии Екатерине I французскую грамматику), Илья Львович записал, что «посвящение арапа много содержательнее, сильнее и сердечнее» (18 февраля 1970 г.).

[2] Доклад, прочитанный в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва) 3 ноября 1970 г. См.: «Временник Пушкинской комиссии. 1970». Л., 1972, с. 125: «Государственный музей А. С. Пушкина в 1970 г. В минувшем году состоялись два расширенных заседания Ученого совета (с привлечением музейных работников, деятелей науки, литературы, искусства, представителей прессы), на которых была заслушана и обсуждена новая работа И. Л. Фейнберга „Арап Петра Великого (новое об А. П. Ганнибале)“...».

[3] Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., 1899, с. 9.

«11 марта 99 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич.

По получении Вашего письма, я обратился за справками к двум наиболее занимающимся XVIII веком историкам-библиографам — Tuctey и Chuquet. Оказалось, что справки, Вам нужные, могут быть сделаны только в архиве военного Министерства. Доступ к нему затруднен, а для иностранцев совершенно немыслим. Но из двух моих собеседников один Chuquet, автор Jeunesse de Napoléon, Napoléon a Tulon, получил разрешение производить поиски в этом архиве. Так как он мой старый знакомый и сотрудник Критического обозрения, то он обязательно взялся за поиски, прося в то же время не торопить его ими. Не скрою от Вас, что он не надеется найти в архиве много данных об Ибрагиме. Но уже из его сообщения следует, что в Меце действительно существовала школа артиллерии, и в ней профессор, отвечающий фамилии Bellneur или Bellnteur. Я дал Chuquet свой адрес, и он обещал написать о результатах своих поисков, который я, разумеется, тотчас же сообщу Вам.

Искренне уважающий и преданный

Максим Ковалевский.

6 Avenue Victor Hugo (Paris) »

«17 марта 99 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич,

Вот ответ Chuquet, как видите, не оправдавший наших надежд.

С истинным уважением М. Ковалевский

Поклон Соболевскому, Чупрову, Джаншееву и прочим членам редакции».

В конце копии сделана приписка И. Л. Фейнберга: «Это письмо М. М. Ковалевского написано на том же листе, что и ответ ему Chuquet. Письмо Chuquet написано мелким, трудночитаемым почерком».

В то же время для доказательства, что Пушкин знал знаменитые мемуары Сен-Симона, видевшего Петра в Париже и оставившего его превосходный портрет, И. Л. Фейнберг изучил все издания, которые могли быть известны поэту, и отметил, что по выходе из печати XV тома Полного издания (1829—1830) и «Северная пчела» (№ 93, 94, 95 от 3, 6 и 8 августа 1829 г.), и «Санкт-Петербургские ведомости» поместили на своих страницах сокращенный перевод главы о пребывании

Петра I в Париже, что не могло быть неизвестно Пушкину.

Пушкин же опубликовал в 1936 году в «Современнике» и статью Александра Ивановича Тургенева «Париж. Хроника русского». В ней он говорит и о записках Сен-Симона.

Знание мемуаров Сен-Симона было важно для Пушкина еще и потому, что Сен-Симон подробно говорит в них о русско-французских переговорах, для которых Петр I прибыл в Париж, и осуждает, как кратко заметил для себя Илья Львович, «антирусскую (проанглийскую) политику правительства Регента (Кардинала Дюбуа), которая и привела к неудаче миссии Петра, что Сен-Симон считал тем самым ошибкой и неудачей Франции, которая еще скажется» [1].

Отдельную главу в будущей книге Илья Львович собирался посвятить библиотеке Ганнибала. В ней он хотел показать, какое место занимала книга в жизни Арапа Петра Великого, и попытаться раскрыть характер этого человека через круг его чтения. Выписки и заметки по этой теме составляют несколько папок.

До нас дошел, без сомнения, неполный список книг библиотеки Арапа, так как каталог его книг, проданных в библиотеку Академии наук в 1726 году, вскоре после смерти Петра I, не сохранился. И когда после возвращения из ссылки Ганнибал начал хлопотать о возврате ему его книг, то список их пришлось составлять в 1742 году по памяти.

Сохранилось несколько вариантов списка книг, возвращенных Ганнибалу.

Общее число книг, указанных в них, равняется примерно четыремстам томам. Известный исследователь книг петровского времени И. С. Луппов указывает, что книжное собрание Ганнибала по тому времени было очень значительным и среди частных библиотек первой половины XVIII века занимало видное место [2].

Такое книжное собрание для XVIII века было действительно большим не только для России, если мы вспомним, что в библиотеке Свифта, например, сохранилось 657 томов.

Среди книг Ганнибала мы находим книги, посвященные истории, путешествиям, философии. Обращают на

---

[1] Запись от 6 ноября 1970 г.

[2] С. П. Луппов. Книга в России первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 271.

себя внимание книги Мальбранша «Разыскание истины» (1721) и «Беседы о метафизике» (1711), а также книги по политической истории — «Государь» Маккиавелли, «Придворный» Грасиана, «Политическое Евангелие» Кольбера и Левуа. Особый интерес представляет «Путешествие в Московию» Стрюйса (1719), голландского парусного мастера и путешественника, приехавшего в 1668 году в Россию и описавшего Москву почти такой, какой позже увидел ее юный Ганнибал (книга Стрюйса была тогда же переведена на русский язык).

Если еще учесть, что Ганнибал заведовал кабинетом Петра, куда входила и библиотека царя, которой он мог свободно пользоваться, то нет сомнений в том, что прадед поэта был одним из образованнейших людей своего времени.

Подробно рассматривал И. Л. Фейнберг в своих заметках и вопрос о происхождении Арапа; кем же он был: негром или абиссинцем? Разделяя полностью выводы Д. Анучина, что Абрам Петрович был выходцем из Абиссинии [1], Илья Львович считал необходимым найти подлинное изображение Ганнибала, так как достоверный портрет его сразу ответил бы на несколько важнейших вопросов — дал бы представление об этническом типе и о личности Арапа.

В 1978 году нам стал известен портрет молодого нарядного африканца, находящийся в павильоне Сулли во Франции (около города Ля Фер); полагали, что это портрет молодого Ганнибала. Но Илья Львович считал его недостоверным [2]. Поэтому очень важным свидетельством абиссинского происхождения Арапа был для него портрет Ивана Абрамовича Ганнибала работы Л. Левицкого, а также автопортреты Пушкина. Особое внимание Ильи Львовича привлекал так называемый «большой» автопортрет поэта. И он видел явное противоречие между словесным описанием — «Потомок негров безобразный» — и изображением. «Они важнее словесных признаний Пушкина... — записал он. — Большой автопортрет Пушкина — вот лучшее доказательство, что Арап — прадед поэта был абиссинец, а не негр. Для ответа на этот вопрос Анучин обратился и к автопортретам Пушкина, но не обратил должного внимания на этот боль-

---

[1] Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз.

[2] Г. Леец. Портрет Ганнибала. — «Знание — сила», 1978, № 4. Впоследствии подтвердилось, что портрет этот изображает другое лицо.

шой автопортрет, значение коего лишь позднее раскрыл Абрам Эфрос»[1].

И. Л. Фейнберг находил очень интересной в этой связи скульптуру А. Матвеева, который, изучив всю иконографию, также пришел к выводу, что черный прадед Пушкина был абиссинцем. Поэтому в основу своей работы помимо небольшой (425 мм) статуэтки А. И. Теребенева (1836), в которой современники находили много сходства, А. Матвеев положил скульптурные наброски, сделанные с абиссинцев, которые ему позировали.

Илья Львович считал, что нужно искать рисунки с восковой персоны Арапа, заказанной Петром для кунсткамеры.

К сожалению, пропала и табакерка с миниатюрой Арапа, как об этом писал Э. Гард: «Была в семье<раздел о потомстве О. С. Павлищевой>еще одна ценная реликвия — старинная черепаховая табакерка с миниатюрой Абрама Петровича Ганнибала. Но табакерка погибла вместе с внуком Ольги Сергеевны — Умбертом (Гумберт-Николай) Пане<сын дочери О. С. — Надежды Николаевны, художницы, вышедшей замуж за певца и профессора пения Джузеппе Пане (Иосифа Рафаиловича Пане)>в эпоху гражданской войны в Херсоне во время прихода белых»[2].

Интересовался И. Л. Фейнберг и другими личными вещами Ганнибала. Так, 28 февраля 1972 года он записал рассказ Натальи Сергеевны Шепелевой, правнучки Пушкина, о золотой табакерке, подаренной Петром I

---

[1] Запись от 14 марта 1971 г. Рассматривая некоторые автопортреты Пушкина, Анучин пришел к обратному выводу: он считал, что Пушкин сознательно в своих автопортретах придает себе сходство с неграми. Но Анучин же приводит слова Смирновой, которая видела «портрет Ганнибала в Петергофе и могла убедиться, что у него были правильные черты, лицо длинное и сухое» («А. С. Пушкин. Антропологический эскиз», с. 15).

В своей книге А. Эфрос пишет об этом автопортрете Пушкина: «...высота формально-художественной выразительности соединена с жизненной убедительностью лица и психологической углубленностью, делающими это изображение более «пушкинским», чем даже знаменитые, капитально разработанные портреты Тропинина и Кипренского, выдающие свою условность и поверхностность при сравнении с этим вдохновенным наброском» (Абрам Эфрос. Рисунки поэта. М., 1933, с. 406).

[2] Э. Гард (Николай Александрович Гард). Потомки. Гранки невышедшей книги Изд. писателей в Ленинграде. 1934, гранка 12 (Архив И. Л. Фейнберга). Н. А. Гард — автор ряда популярных статей о потомках Пушкина. См. «30 дней». 1936, № 6; «Смена». 1936, № 9, и др.

А. Ганнибалу: «Эта золотая табакерка принадлежала матери Натальи Сергеевны — родной внучке А. С. Пушкина (дочери старшего сына поэта). Она была большая, размером с папиросный коробок, и вмещала целый фунт (?) табаку. Крышка была чеканной работы. На ней была изображена женщина в легкой одежде, повергающая темного воина-галла, на другой стороне изображен был цветочек. Никакой надписи на ней не было [1]. Эта табакерка была подарена Абраму Петровичу Ганнибалу Петром I. В семье (т.е. по фамильному преданию) это было твердо известно. Отец Натальи Сергеевны в 1918 году, когда было очень голодно, вынужден был продать табакерку в обмен на муку московским огородникам. Наталья Сергеевна помнит, как он жалел тогда об этом».

Существовал и перстень работы Петра I. Петр I выточил его из слоновой кости с изображением своей головы, белой, и черной головы Арапа. Им владела жена актера Плакида, актриса Динарова — потомок Ганнибала.

К сожалению, собранный И. Л. Фейнбергом обширный материал об Арапе не стал той книгой, которую он хотел написать. Этому помешала его многолетняя болезнь. Но, обдумывая последнюю главу этой своей работы, он записал об Арапе: «Судьба его в потомстве оказалась еще более необычайной и счастливой, волшебной, чем судьба его при жизни: правнуку его суждено было стать величайшим русским поэтом. „Последний — посмертный — *бес*смертный || Подарок России — Петра“» [2].

М. И. Фейнберг

---

[1] В отличие, как заметил Илья Львович, от табакерки, подаренной Петром I маршалу Адаму Вейде. Ее помнят его потомки. «До самой революции сохранялась в семье золотая табакерка с выгравированными словами „Адаму — Piter“» (письмо от 15 мая 1964 г. Т. Б. Вейде — И. Л. Фейнбергу) (Архив И. Л. Фейнберга).

[2] Запись от 9 декабря 1977 г.

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Замечательный человек XVIII столетия

Абрам Петрович Ганнибал, воспитанник Петра Великого, прадед Пушкина со стороны матери, принадлежал, по словам поэта, к числу замечательных людей XVIII столетия. Считая его лицом историческим, Пушкин не только изобразил его в «Арапе Петра Великого», впервые в русской литературе сделав африканца главным героем классического романа. Поэт писал о нем в начале своей Автобиографии, собирал материал о нем и, стремясь стать биографом его, заявил в печати, что со временем надеется «издать полную его биографию» [1].

Между тем, несмотря на то что первый биографический очерк об А. П. Ганнибале (если не считать статей и заметок о нем в энциклопедических словарях), написанный М. Д. Хмыровым, появился в печати уже век назад [2], многое в биографии А. П. Ганнибала остается до сих пор неясным и даже загадочным. «Не вполне ясным представляется и весь вообще образ Ганнибала» [3], — справедливо замечает автор книги о предках Пушкина М. Вегнер. Все еще вызывает споры происхождение А. П. Ганнибала: спор идет о том, был ли он, как сообщал сам, эфиопом, притом княжеского происхождения, или негром (как думал Пушкин). Колебания продолжаются и в вопросе о времени его рождения, причем расхождения в датах довольно значительны. Объясняются эти колебания, на наш взгляд, тем, что будущий прадед Пушкина был не единственным «Аврамом-арапом» при Петре, у которого были и другие

---

[1] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. 1937—1949. Т. VI, с. 655.

[2] М. Д. Хмыров. Генерал-аншеф Авраам Петрович Ганнибал. «Арап Петра Великого» (Биографический очерк по документам).— Исторические статьи М. Д. Хмырова. СПб., 1873.

[3] М. Вегнер. Предки Пушкина. <М.>, 1937, с. 128.

черные крестники, по крайней мере один из них назывался Абрамом (или Авраамом).

Недостаточно ясен нам даже внешний облик Абрама Петровича, поскольку достоверность портрета, который принято считать его изображением, вызывает сомнения [1].

Судьба Ганнибала действительно легендарна.

Африканец, по рассказам его, в детстве похищенный или проданный и посланный в подарок турецкому султану, оказавшийся затем в России при Петре I, он стал, как известно, воспитанником царя и лицом, близким к Петру, исполнял при нем секретарские обязанности, стал хранителем чертежей, карт и книг «Кабинета» Петра Великого, неотлучно находился при нем в путешествиях, боевых походах и сражениях. Получил военно-инженерное образование во Франции и впоследствии, по словам рукописной немецкой биографии его, стал «первым и лучшим инженером России» — «генерал-инженером» [2], главой инженерного ведомства и генерал-аншефом.

Став по смерти Петра Великого учителем будущего Петра II, Абрам Петрович удален был Меншиковым в Сибирь, на границу с Китаем, где проектировал и строил крепости как военный инженер. Возвратившись в Европейскую Россию, много лет служил в Прибалтике, где стал обер-комендантом готического Ревеля.

По возвращении из Франции (то есть еще при жизни Петра I) Абрам Петрович был, как мы знаем, зачислен офицером в Преображенский полк (где сам Петр был командиром Бомбардирской роты), преподавал математику и написал двухтомный учебник геометрии и фортификации.

Не дошел до нас важнейший источник для биографии А. П. Ганнибала — его автобиографические записки, написанные им по возвращении из Сибири, которые он, по сообщению Пушкина, сжег «в припадке панического страха» [3], опасаясь нового ареста и ссылки. Биографии его, таким образом, с самого начала не посчаст-

---

[1] Но достоверен великолепный портрет его сына Ивана Абрамовича Ганнибала «Наваринского» работы Левицкого, на которого Пушкин не похож, но он может дать представление об этническом типе (и происхождении) русских Ганнибалов и самого Пушкина.

[2] См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 54, 56.

[3] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XII. с. 313.

ливилось. Зато биографом его пожелал стать великий поэт.

Хотя сохранилось множество документов, писанных или подписанных Арапом, знаем мы о нем очень мало. Достаточно сказать, что лишь относительно недавно был опубликован документ, из которого мы впервые узнали, что у Абрама Петровича был брат, Алексей Петрович, что Алексея Петровича, так же как и Абрама, крестил Петр, что он был взят на службу гобоистом в тот же Преображенский полк, куда взяли пушкинского Арапа барабанщиком.

Удивительно, что о нем нигде не упомянуто, даже в так называемой немецкой рукописной биографии Ибрагима Ганнибала[1]. Не знал о существовании брата Абрама Петровича и Пушкин.

Что за человек был Абрам Петрович? Верно ли понял его как человека Пушкин, верно ли изобразил его в своем романе? Существуют до сих пор большие разногласия в оценке личности Абрама Петровича. Так как Пушкин несколько прикрасил изображение его в своем историческом романе, в особенности жизнь его во Франции, то, как это бывает, из духа противоречия, начиная уж с умнейшего Анненкова, первого биографа Пушкина[2], пошла традиция, точней, тенденция развенчивать Арапа, указывать, что он в жизни был совсем не то, что в романе; он и скуп, что, по-видимому, отвечало действительности, он и трус, подверженный припадкам панического страха, он и ревнив и необыкновенно жесток, он искатель чинов и награждений денежных и прочих.

Неясность многих страниц жизни А. П. Ганнибала (а примеры таких неясностей можно было бы умножить) привела к резким расхождениям биографов, пытавшихся охарактеризовать и оценить в целом его личность.

В результате изучения биографии А. П. Ганнибала нельзя не убедиться, что в споре о нем, по существу, был прав Пушкин. Изучение по первоисточникам биографии Ганнибала приводит к выводу, что представление о нем (я имею в виду не только «Арапа Петра Великого», где поэт воспользовался, конечно, правами романиста) — представление, создавшееся в процессе

[1] В. Козлов. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? — «Неделя». 1969, № 44, с. 19.

[2] См.: П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху, с. 4—6.

предпринятых Пушкиным биографических изучений,— много ближе к истине, чем мнения позднейших биографов Ганнибала.

Рассмотрение и анализ не привлекшего раньше внимания документального материала позволяет нам ответить на некоторые неясные вопросы биографии «черного деда» Пушкина, как называл его сам поэт. Изучение неопубликованных автобиографических страниц, вышедших из-под пера А. П. Ганнибала, позволяет не только определить, скажем, дату его рождения, документально установить, что Петр Великий взял с собою «Абрама-арапа» во Францию, и выяснить, кому из первых лиц королевства он был рекомендован Петром (что дало Абраму возможность вступить во французскую службу и получить отличное военно-инженерное образование). Автобиографический документ, о котором мы говорим, дает нам вместе с тем возможность представить себе конкретно личные отношения его с Петром (наперсником которого, как мы убеждаемся, не случайно называл его Пушкин), а главное, позволяет нам лучше представить себе человеческие качества, то есть черты личности Арапа Петра Великого.

Ганнибал был прежде всего человеком Петровской эпохи, человеком, как и сам Петр, и многие из ближайших сподвижников его, противоречивым. Вспомним, что Пушкин с глубокой проницательностью увидел и раскрыл природу этой противоречивости, различив в Петре — вместе! — и великого человека, и «самовластного помещика», который, по словам поэта, кажется, писал свои жестокие указы кнутом. Как видим, возвысившись до диалектического подхода, Пушкин-историк раскрывает характер Петра как характер социальный.

Жестоким помещиком был и Абрам Петрович Ганнибал. Архивные данные свидетельствуют, что крестьяне бежали поэтому из его поместий во множестве. Жесток он был и по отношению к первой своей жене, как жесток был к своей первой жене и сам Петр (по приказу которого она была заключена в монастырь, а потом «бичевана»).

Многое в характере Ганнибала определялось к тому же его «чернотой» и вызываемым ею враждебным отношением к нему окружающих, особенно после смерти его покровителя, Петра Великого. Причину этой враждебности Арап сознавал и сам писал о ней. Уже первая жена его не хотела идти за него замуж и враждебно

отнеслась к нему, «понеже арап и не нашей породы»[1]. Эту сторону вопроса, касаясь трудного характера Ганнибала, верно подчеркивает в своем труде о Пушкине Д. Д. Благой[2].

Несмотря на некоторые отрицательные стороны его характера, Пушкин с полным основанием видел в Ганнибале человека «замечательного», но, добавим, конечно же, человека петровского времени.

Мы не ставим задачей изложить целиком биографию А. П. Ганнибала. Задача очерка — осветить некоторые неясные до сих пор вопросы его биографии и способствовать этим выяснению его образа.

Крайней степени низкая оценка личности Абрама Петровича достигла в наше время под пером Владимира Набокова, который в комментарии к своему переводу «Евгения Онегина» на английский язык пишет:

«И хотя Абрам Ганнибал в своих униженных письмах к высокопоставленным лицам называл себя „бедным негром", а Пушкин видел в нем негра „с африканскими страстями", человека блестящего, с врожденным чувством собственного достоинства, — на самом деле Петр Петрович Петров — он же Абрам Ганнибал, был человек угрюмый, раздражительный, низкопоклонный, робкий, честолюбивый и жестокий. Возможно, он был хорошим инженером. Но человек — ничтожный, ничем не отличавшийся от типичных русских карьеристов того времени, образованных весьма поверхностно, грубых, из тех, что били жен, живших и действовавших в грубом скучном мире политических интриг, фаворитизма, немецкой военной муштры, страшной русской нищеты — под властью грудастых императриц, сменявших одна другую на бесславных Тронах»[3].

Этот тенденциозный, страдающий не только односторонностью, но и попросту ложный взгляд возник у Набокова, поскольку ему как биографу чужд историзм, и

---

[1] С. И. Опатович. Евдокия Андреевна Ганнибал.— «Русская старина». 1877, январь, с. 70. Статья эта написана на основании бракоразводного архивного дела Ганнибала в Петербургской духовной консистории, № 2, 466. Евдокия Андреевна была отправлена в Староладожский монастырь, а не в Тихвинский, как считал Пушкин.

[2] Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 269—270.

[3] Eugene Onegin. A novel in verse by Alexander Pushkin translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 3. N.Y., 1964, p. 433.

потому в поверхностном суждении его о Ганнибале нет ни исторической, ни психологической правды. Набоков, конечно, очень талантлив, но высокомерен и очень субъективен. То, что он пишет, однако, всегда интересно. Но как он характеризует Арапа — это даже удивительно. Набоков упрекает Ганнибала даже за то, что, по его мнению, он вывез из Франции «маленькую библиотеку».

«Ганнибал привез из Франции маленькую библиотеку (69 названий), состоящую в основном из исторических сочинений, военных руководств, путешествий с вкраплением модной экзотики. Все эти книги он продал (в 1726) в Императорскую библиотеку за 200 рублей, а в 1742 году выкупил их. Список вполне обычен, литературная часть представлена Боссю, Мальбраншем, Фонтенелем, Корнелем, Расином, очевиден повышенный интерес к литературе путешествий» [1].

Библиотека Арапа, как мы знаем, насчитывала 400 томов, а если учесть страшную бедность Ганнибала во Франции (о чем свидетельствуют его письма) и дороговизну того времени, то прав был Пушкин, который считал эту библиотеку свидетельством высокого уровня культуры Арапа.

Вот вы переходите на другую сторону Невы, проходите мимо здания 12 петровских коллегий, где ныне университет, идете в Библиотеку Академии наук, в Отдел редкой книги, и там вы видите реконструированную библиотеку Петра Великого. Это великолепная библиотека. Она поражает числом книг и многообразием специальностей, по которым эти книги собраны. И внешним видом их.

Еще недавно двухтомный рукописный учебник геометрии и фортификации, написанный Абрамом Петровичем Ганнибалом (он в то время подписывался еще «Абрам Петров») и преподнесенный им после сметри Петра в 1726 году императрице Екатерине I, «яко во всех делех Петра Великого наследнице», считался утраченным. Мы знали, что существовала такая рукописная книга, потому что об этом сохранилось в Государственном архиве письмо, в котором Арап, поднося свою книгу императрице, просит призреть его, как иностранца, не имеющего иной защиты и опоры, кроме как в лице государы-

[1] Eugene Onegin. A novel in verse by Alexander Pushkin translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov, Vol. 3. N. Y., 1964, p. 431.

ни, знавшей его с детства. Но самая рукопись еще в 1937 году считалась утраченной. Так, Д. Д. Благой писал тогда, что математическая рукопись, составленная Арапом, к сожалению, не сохранилась [1].

Оказывается, не пропала эта рукописная «Геометрия и фортификация», и лежит она в Библиотеке Академии Наук в Ленинграде [2]. Книга эта вид имеет великолепный. Текст в ней начертан каллиграфически, в ней превосходнейшие, первоклассные по уровню чертежи, выполненные, по-видимому, самим Арапом, и предпослано этой книге посвящение. Книга рукописная попала даже в историческое описание Библиотеки Академии наук, но дана там только краткая аннотация [3]. Особенно же огорчительно то, что в этой аннотации сообщены все те данные, какие мы уже знали из других источников. А между тем в предпосланном книге автором посвящении Екатерине I — этом новом для нас документе — содержатся данные, представляющие, мне кажется, немалый интерес. Правда, там есть места, которые далеко не сразу мне удалось раскрыть, то есть, попросту говоря, понять, о чем там говорится. Арап и искажает кое-что, конечно.

Начнем с чтения этого своеобразного документа:

«Всепресветлейшая Императрица
Государыня

Ежели мое дерзновение нынешнее будет простительно, то есть тому притчина. Его Величество, блаженныя высокодостохвальныя памяти Петр Великий, Отец Отечествия, Ваш Государыня любезный супруг, потому что всегда имел свои принципиальные труды марсовы, чему и Ваше Величество последствуете; и я не возмогу лутче оная славная учения поднести, токмо неусыпно и неутруждаемо по нем во всех делех наследнице.

---

[1] Д. Д. Благой. Абрам Петрович Ганнибал — Арап Петра Великого.— «Молодая гвардия». 1937, № 3, с. 80.

В описании рукописного отделения библиотеки Императорской Академии наук, составленном В. И. Срезневским и Ф. И. Пазовским (т. I.— СПб., 1910; т. II.— Пг., 1915; т. III.— Л., 1930), нет упоминаний об учебнике Абрама Ганнибала.

[2] Труд «Геометрия и фортификация» составляет два тома. Библиотека Академии наук СССР. Рукописный отдел. Шифр: 17. 14.4, т. I.— ПБ 24/1, т. II.— ПБ 24/2.

[3] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 66, 399—400.

Вся Еуропа удивлялася его императорскому величеству. И уверена была чрез некую фабулу, которую сказавали прежде сего о трудах марса короля траскаго, которого и обоготворили. . .» (л. 3).

Стало быть, первыми важнейшими трудами Петра были труды военные.

«. . .нынешния же истории скажут истинную правду о трудах Петра Великаго. Его Величество никогда не делал, чтоб не было полезно к услуге и к покою своему народу и к славе своего владения. Тако и Ваше Величество во всем том Его Величеству подражаете» (л. 3).

Что же это такое за «король траский»? «Чрез некую фабулу, которую сказывали прежде сего»? То есть какое-то сочинение, «фабулу». «О трудах Марса короля траскаго».

Не стану утруждать вас всеми теми неверными догадками, которые сначала приходили в голову мне и тем, с кем я советовался. Например, думал я, не идет ли речь об «истории Троянской», книге, знаменитой в течение нескольких столетий, известной еще в допетровское время в России. В слове «траскаго» в рукописи есть перенос: в конце строки написано «тра», а в начале следующей строки: «скаго». При переносе, как известно, пишущий часто пропускает слог. Так вот, не идет ли речь о Троянской войне? И про короля «(троян) ского»? Нет, не выходит, и вот почему. «Королем Троянским» называли Приама, но победителем он не был; не был он и обоготворен. Были и другие предположения, на первый взгляд правдоподобные. И в конце концов появилось, как всегда, простейшее понимание. «Траскаго» — это «фраского», то есть короля фракийского. Речь идет об Александре Македонском. Причем если вы начнете осмотр библиотеки Петра Великого, то увидите, что там стоят книги из его детского чтения, из детской его библиотеки, еще книги его отца, Алексея Михайловича, и там видное место занимает большого формата рукописная книга «Александрия», это роман об Александре Македонском, где ясно и просто сказано, что траский король — это фракийский, это Александр. Стало быть, вот в этой фабуле, которую знал Петр с детства, знал, конечно, и Арап, а в библиотеке Арапа была и жизнь Александра Македонского Квинта Курция, переведенная на русский язык и изданная по распоряжению Петра. Надо сказать, что Карл XII малое издание Квинта Курция всегда носил в кармане и читал его в походах. Но

и Петр ценил книгу Квинта Курция, и она в превосходном виде сохранилась до наших дней и находится в библиотеке Петра.

Идем далее: «. . .нынешния же истории скажут истинную правду», уже не «фабулу», то есть не вымысел о трудах Марсовых Петра Великого, и поясняет («Его Величество никогда не делал. . .»).

И вот начинается автобиографическая часть, где он вспоминает: «Тогда я всеподданнейший имел честь служить с самого моего младенчества, а именно лет седми или осми от возраста моего при стопах Его Величества, такожде и Вашего величества, и был мне восприемником от святые купели Его Величества в Литве в городе Вилне 1705-м году; а в 1717-м году изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел» (л. 3об.).

Здесь Ганнибал, то есть он еще не Ганнибал — Абрам Петров (он только потом добился того, что стал именоваться Ганнибалом), говорит, что служить он имел честь при Петре с самого младенчества, а именно лет с семи или восьми возраста своего. А в том обращении, где он просил его призреть, посылая эту книгу, этот труд, было сказано, что он 22 года служит уже при стопах его величества. Значит, в 1726 году — году написания рассматриваемого нами документа. 22 года вы отнимаете. В посвящении он говорит, в полном соответствии с этим, что начал службу, когда ему было 7—8 лет. Выходит, что год его рождения 1696—1697. Как и считал, публикуя служебный формуляр Ганнибала, век назад М. Н. Лонгинов, сопоставляя другие даты его формуляра, в котором год рождения Арапа прямо указан не был [1].

Но вот Арап пишет в своем посвящении Екатерине I, что Петр «в 1717-м году изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел». Этим окончательно разъясняется вопрос о том, был ли он послан в чужие края, как писал сам Ганнибал — и сам Пушкин, основываясь на рукописной немецкой биографии Арапа, или же был в Париже вместе с Петром во время заграничного путешествия царя. Да, был. Этот вопрос я постарался исследовать и убедился, что он почти неотлучно был при

---

[1] М. Н. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал.— «Русский архив». 1864. Изд. 2-е, стб. 223—224.

Петре в Голландии с декабря 1716 года до апреля 1917-го. И с Петром же был в Париже и в Версале. Кстати сказать, Пушкин не знал обо всем этом, а между тем это прекрасный материал для его романа.

Теперь о записях в расходных книгах, которые давно опубликованы, но на которые почему-то совсем не обратили внимания, поскольку они теряются среди множества других записей о расходах Кабинета Его Величества и царского двора. Я потом скажу подробнее об этих записях, поскольку они содержат интереснейшие подробности о Петре, и об Арапе, состоявшем при Петре во время пребывания его за границей, в Голландии и во Франции, где Арап был оставлен Петром «для обучения военных дел».

«Того ради сам монарх великий Отец Отечеству изустно меня рекомендовать соизволил Дюку Дюмену принцу Домберу и великому генералу фелть цейх мейстеру Франци сыну натуральному славного короля французского Людвика Великаго; где я имел честь быть в службе от 1717 году, и дослужился до капитанскаго рангу, на которыя ранги имею патенты за рукою его королевского величества Людвика 15 от начала моей службы» (л. 3об.).

У Пушкина в романе Петр рекомендует Арапа регенту Франции герцогу Филиппу Орлеанскому. Письмо, в котором Петр зовет Арапа в Россию и вместе разрешает ему остаться во Франции, в романе передает Арапу сам регент.

Итак, оставляя Арапа во Франции, Петр, как мы теперь только узнаем со слов самого Арапа, рекомендовал его «изустно» (то есть сам, лично) «Дюку Дюмену принцу Домберу и великому генералу — фелть цейх мейстеру Франции сыну натуральному славного короля французского Людвика Великого».

Кто же такой дюк Дюмен?

Это герцог Дю Мен (Арап пишет слитно — «Дюмен»), действительно «натуральный» сын Людовика XIV, которого Людовик узаконил, сделал принцем крови. Затем он стал членом Регентства, был главным соперником герцога Орлеанского, регента Франции. И впоследствии участником заговора против него, где особенно деятельной была герцогиня Дю Мен (его жена), которая даже подверглась за это тюремному заключению. Герцог Дю Мен был действительно генерал-фельдцейхмейстером, то есть главой всей артиллерии Фран-

ции. Естественно, что ему по принадлежности Петр и рекомендовал Арапа.

Теперь небольшое отступление, мне кажется — нужное. В мемуарах Сен-Симона, которые являются, как принято считать, важнейшим источником для истории того времени, описана встреча, визит малолетнего короля Людовика XV. Мальчика привезли к Петру, который перебрался из Лувра, где ему не понравилось, в отель «Ледигьер». Тут Петр, желая преодолеть церемонии и проявить внимание — он любил детей, — взял на руки, принял из кареты короля Людовика XV и сказал ставшие знаменитыми слова: «Всю Францию на себе несу». Слова эти Пушкин знал. Об этом Петр писал Екатерине: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний каролище, который палца на два более Луки нашева, дитя зело изрядная образом и станом и по возрасту своему довольно разумен, которому седмь лет» [1].

Этого письма к Екатерине Пушкин, по-видимому, не читал, поскольку оно появилось в печати в сборнике «Письма русских государей» уже после его смерти. Но он знал письмо Петра Меншикову, написанное в тот же день, 2 мая 1717 года, о визите маленького короля — так, как оно было приведено Голиковым: «Объявляю вам, что я прибыл сюда апреля 26 благополучно, и три дни с двора не съезжал для визитов, а ныне начал что надобно смотреть. Едучи дорогою до Парижа видели в подлом народе бедность немалую; Король матерой человек и гораздо стар летами, а именно семи лет, который был у меня, а я у него» [2].

С Петром кроме Арапа путешествовал карлик Лука. Может статься, маленький король видел их, когда посетил Петра. А на обратном пути Петр вывез из Франции великана по имени Николай, о чем Пушкин пишет в своей «Истории Петра» [3].

Когда «каролище» посетил Петра, сопровождал короля, как мы можем прочесть в мемуарах Сен-Симона, герцог Дю Мен, тот самый, которому Петр рекомендовал Арапа (как сообщает тот в своем посвящении, обращенном к Екатерине I).

[1] Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. I. М., 1861, с. 67 (письмо от 2 мая 1717 г.).

[2] Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. XI. СПб., 1794, с. 396—397. Королю было восемь лет.— *И. Ф.*

[3] А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 8. М., 1977, с. 278.

Нужно сказать, что имя Сен-Симона ни разу не упоминается у Пушкина: нет его ни в печатных сочинениях, ни в рукописях поэта. И поэтому в обширном алфавитном указателе к Большому академическому изданию сочинений Пушкина также нет имени Сен-Симона[1]. В связи с этим, вероятно, в известной книге Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция»[2] автор не упоминает о теме «Пушкин и Сен-Симон».

Между тем Сен-Симон, удивительный писатель, сочинения которого печатаются в известной серии «Великие писатели Франции», — главный источник для истории Франции его времени. Необыкновенно высоко оценил он Петра, которого имел возможность близко видеть при французском дворе. Я хочу привести здесь портрет Петра, как его изображает Сен-Симон. Но прежде скажу, что в знаменитом сборнике анекдотов о Петре Великом Штелина[3] пребывание Петра в Париже написано по Сен-Симону, это его переработка. И там есть, но испорченный в переводе и сокращенный, портрет Петра, писанный Сен-Симоном.

Пушкин это все знал.

А. О. Смирнова в своей настоящей, не фальсифицированной автобиографии пишет, что, когда Пушкин уговаривал ее писать свои воспоминания, она также была при дворе (как Сен-Симон при французском). И вписал ей в альбом известные стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

И тогда же, то есть в 1832 году, Пушкин ей посоветовал «писать свои мемуары. . . в роде (т. е. в жанре. — *И.Ф.*) Сен-Симона»[4].

---

[1] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-и томах. Справочный том. М.—Л., 1959.

[2] Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960.

[3] Подлинные анекдоты собранные Яковом Штелином в четырех частях. Ч. I. М., 1830, с. 254.

[4] А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. Неизданные мемуары. М., 1931, с. 207.

Вигеля именовали иногда — без достаточных оснований — русским Сен-Симоном.

Когда я захотел ознакомиться как следует с экземпляром мемуаров Сен-Симона в 6-ти томах, который сохранился в библиотеке Пушкина, я посмотрел сначала в каталог, то есть в описание библиотеки Пушкина Модзалевского. Там сказано, что разрезан только первый том, да и то частично, а остальные тома не разрезаны (следовательно, и тот том, который относится к 1717 году — времени пребывания Петра в Париже)[1]. Известно, как точен и надежен обычно Модзалевский. Но я все-таки поехал в Пушкинский Дом, взял этот том и убедился, что Б. Л. Модзалевский ошибся. В томе пятом те страницы мемуаров, где Сен-Симон изображает пребывание Петра в Париже, разрезаны, только они одни из всего тома[2]. Пушкин их перечел, как я полагаю, далеко не в первый раз, убедился, что это 6-томное издание малое, сравнительно сокращенное (я обследовал, какие существовали в то время издания мемуаров Сен-Симона и какие из них были доступны Пушкину). Но вот что он мог прочесть в более полном издании Сен-Симона о Петре в Париже. (Перевод страниц Сен-Симона о Петре в Париже — много более полный, чем в кратком переложении Штелина.)

Не могу не привести, что пишет Марсель Пруст о своем любимом писателе Сен-Симоне, что нам очень важно для оценки портрета Петра у Сен-Симона.

«Современный мемуарист, желающий писать под Сен-Симона, но так, чтобы это не слишком бросалось в глаза, может быть, в крайнем случае и напишет первую строку портрета Виллара: „То был довольно высокого роста крупный мужчина с лицом живым, открытым, выпяченным“, но где возьмет он тот детерминизм, который позволил бы ему найти вторую строку, начинающуюся словами: „И право, немного шальным“? Настоящее разнообразие — в этой полноте реальных и неожиданных элементов. . .»[3].

Сен-Симон был, в частности, мастером динамического портрета, умевшим передавать контрастные черты и

---

[1] Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910, с. 328, № 1345 (Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 9—10).

[2] См.: Saint-Simon Louis, duc. Mémoires du duc de Saint-Simon... Vol. 5. P., 1826, p. 274—275.

[3] Перевод Андрея Федорова.

создавать таким образом того, о ком пишет. Вот что писал он о Петре в Париже: «Петр I, царь Московии, как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии приобрел такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво сего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Исключительность путешествия сего государя во Францию по своей необычайности, мне кажется, стоит того, чтобы не забыть ни малейших его подробностей и рассказать об нем без перерывов...

Петр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав; лицо имел круглое, большой лоб, красивые брови, нос довольно короткий, но не слишком и на конце кругловатый, губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый, прекрасные черные глаза, большие, живые, проницательные и хорошо очерченные, взор величественный и приятный, когда он владел собой; в противном случае — строгий и суровый, сопровождавшийся конвульсивным движением, которое искажало его глаза и всю физиономию и придавало ей грозный вид. Это повторялось, впрочем, не часто; притом блуждающий и страшный взгляд царя длился лишь одно мгновение, он тотчас оправлялся.

Вся его наружность обличала в нем ум, глубокомыслие, величие и не лишена была грации. Он носил круглый темно-каштановый парик без пудры, не достававший до плеч; темный камзол в обтяжку, гладкий, с золотыми пуговицами, чулки того же цвета, но не носил ни перчаток, ни манжет, — на груди поверх платья была орденская звезда, а под платьем лента. Платье было часто совсем расстегнуто; шляпа была всегда на столе, он не носил ее даже на улице. При всей этой простоте, иногда в дурной карете и почти без провожатых, нельзя было не узнать его по величественному виду, который был ему свойствен.

Сколько он пил и ел за обедом и ужином, непостижимо... Свита за его столом пила и ела еще больше, и в 11 утра точно так же, как в 8 вечера.

Царь понимал хорошо по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; но, для большего величия, он имел переводчика; по-латыни и на других языках он говорил очень хорошо...»[1].

[1] Mémoires Complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la Régence... P., Vol. XV (1829), p. 74, 82—84.

Я думаю, что не будет преувеличением сказать, что нет другого столь же великолепного словесного портрета Петра, какой мы сейчас привели. И Пушкин все это прекрасно знал — и помнил. И это было для него не менее важным источником, скажем, чем какие-нибудь сведения о тогдашних дипломатических переговорах.

Читаю дальше посвящение:

«А когда мир славной которой Его Величество соблаговолил дать короне Шведцской с таким авантажем, что едва можно изобрести в историях всего света, впользу своим верным подданным российской импери, что все четыре части земли были наполнены от звону трубы Фамы о славе Героической Его Императорского Величества, то мне было сатис-факция слышеть при армии сочиненной почитай всеми славными народами Эвропскими, где реномея распустила славу нашего пресветлого Российского Марса труды; что ненадобно было вопрошать, понеже сила самая истинная исторгала из уст многих, которыя натурално имели ненависть к распространению славы Империи Россйскиа» (л. 3об.).

Тут Абрам Петрович несколько зарапортовался в своей риторике — от полноты чувств. Но была искренней эта его сердечная сатисфакция, то есть удовлетворение, когда он услышал, чем окончилась Северная война. А нужно сказать, и это не всегда помнят, что в формуляре Арапа говорится, что он находился при государе, при Петре «неотлучно» — во всех походах и кампаниях, в которых участвовал сам Петр. То есть он был и на Полтавском поле, и при Пруте, и на кораблях. Известно, что Пушкин, в Михайловском услышав, что Рылеев пишет поэму «Войнаровский», просит брата: присоветуй ему вывести нашего дедушку в полтавском сражении. «Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы»[1]. То есть Пушкин прекрасно сознавал и значение и эффект колорита.

Нетрудно понять, что сделал бы художник «Мира искусства» в этом плане. Но Пушкин не ограничился этим, потому что он был гениальный, а не просто талантливый писатель.

«Тогда я указ Его Величества о моем возвраще-

---

[1] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XIII, с. 143.

нии получил, и себя дегажировал честным маниром из службы короля французскаго, и поехал в Россию в таком намерени, чтоб принести мой живот на жертву для интересу моего государя, который мне дал свет и учение. . .» (л. 3об. — 4).

Сказано с глубокой сердечностью.

«. . .я имел честь по моем возвращении в Россию обнять стопы Вашего Величества в 1723-м году, и Его Императорское Величество соизволил своею обыкновенною милостию к сиротам меня определить в свою роту бомбардирскую лейтенантом, а изустным указом повелел мне обучать молодых ундер-офицеров и салдат лейб-гвардии архитектуре милитарис (то есть военно-инженерному искусству. — *И. Ф.*). Неусыпным тщанием и радением Его Величество отеческим желая в Российской Импери всякое учение в совершенство привести Петр Великий денно и нощно попечения имея о сей науке милосердуя о народе своем особливо указал, чтоб российской народ обучался всяким наукам нетокмо в главных академиях, но и в войске при полках указал быть школам для обучения некоторых частей инженерства.

Того ради сия книга Фортификация и геометрия практика переведена с французскаго на росийскиа, выбрана из книг славных разных авторов и искусных инженеров в которой находится все части геометрии и фортификации, какова есть при сем; с показанием практики со всеми циркулными приемами и с некотараю частию вымеривания партикулярнаго действуемаго к строению фортификаций, и иных пропорциев» (л. 4).

Тут замечу, что Болотов в своих известных записках упоминает «прекрасную геометрию и фортификацию», которую он видел у своего дяди, учившегося у Абрама Петровича. Вероятно, это был конспект лекций, прочитанных Арапом ученикам [1].

Свое посвящение он заканчивает так:

«Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше подношу сии мои малыя труды под протекцию августейшим Вашим стопам надеяся что Ваше Величество как во всех делех наследствуете мужу славному Петру Великому, славная и великая государыня Екатерина, тако соблаговолит Ваше Величество усмот-

[1] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738—1795. Т. I. СПб., 1875, с. 237.

рит сию книгу колика потребна быть может молодым людям, желающим учения но и совершенным инженерам.

вашего императорского величества
нижайший раб
Абрам Петров» (л. 4об.).

Пушкин в одном месте своей «Истории Петра», рассуждая о слове «раб» (известно, что Екатерина II впоследствии отменила, запретила употреблять его в бумагах), пишет: «Вольтер совершенно прав, см. в Священном писании: слово „раб“ означает „подданный“»[1]. Это не очень соответствует пушкинским стихам, но это полемика с Булгариным:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал...
Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Он же написал в не менее прекрасных стихах в Михайловском:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб,
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой Арап,
Где позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты;
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей...

Пушкин сближал себя с Арапом зеркально. Сравним:

Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей...

И о себе:

Чтоб средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России.

Все это очень правдиво, верно, потому что он был неподкупен — в отличие от окружавших Петра людей («Царю наперсник, а не раб».) Это видно и из его посвящения.

---

[1] А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 8. М., 1977, с. 81.

Я читал раньше служебные бумаги и кляузы Арапа, и его куртуазные письма — его жестокие бракоразводные прошения, его униженные письма из Франции. Его «Апологию» — немецкую биографию для потомства. Но все это был язык условный, искажающий личность. Тут не скажешь: «стиль — это человек». Но вот в посвящении я услышал впервые живой голос Арапа сквозь условность обращения к императрице, сквозь мифологию и риторику. Это его «Памятник» при монументе Петра Великого.

По воцарении Елизаветы Петровны Абрам Петрович, находившийся в опале, послал ей евангельские слова: «Помяни меня, когда приидешь во царствие твое». И она осыпала его наградами и чинами.

В царствование Екатерины I Арап учил математике будущего Петра II — внука Петра I. Едва ли по этому учебнику. Это слишком было квалифицированно для царевича. И тут вспоминается древний, еще опричный рассказ: когда царь приказал мудрецу научить его геометрии, только поскорей, тот ответил ему: царь, в геометрии нет царского пути. Арап («Царей, цариц любимый раб», по слову Пушкина) был и оставался в семье Петра Великого самым близким человеком. Потому его и выслал в Сибирь Меншиков на другой же день по воцарении Петра II.

И вот из письма Екатерины II мы узнаем, что Арап «имел в смотрении кабинет Петра Великого» (где хранились чертежи и библиотека Петра).

Так вот, я хочу сказать, что посвящение Арапа (конечно, это не единственное основание к тому) подтверждает, что Пушкин вернее, глубже, чем позднейшие исследователи, понял личность и характер Арапа. В «Арапе Петра Великого» мы читаем, что «Ибрагим видел Петра в сенате, оспариваемого Бутурлиным и Долгоруким». (Известный «анекдот» о разорванном князем Долгоруким указе Петра, по словам Голикова, подтвержден был Абрамом Петровичем.) Пушкин пишет далее, что Ибрагим видел Петра в Адмиралтействе, утверждающем морское величие России. И когда мы знакомимся с каталогом библиотеки Абрама Петровича Ганнибала — а там есть все, там драматурги — Корнель, Расин, там историки древние и новые, то видим его широкую гуманитарную культуру, не говоря уже о военно-инженерных, математических сочинениях, специально интересовавших Арапа.

К этому добавим, что «немецкая биография» называет Абрама Петровича «первым и лучшим инженером России» [1], что он был директором Ладожского и Кронштадтского каналов, что стал «генерал-инженером», то есть ведал всей инженерной службой в России. Если вы раскроете труды по истории инженерного ведомства, по истории артиллерийского ведомства, вы там не раз встретите его имя [2]. Известно, Пушкин этим гордился. Екатерина II, замыслив прорыть канал Москва — Петербург, написала Абраму Петровичу, когда он был уже в отставке, письмо, спрашивая, не знает ли он, не было ли в петровские времени такого проекта, поскольку Абрам Петрович «имел в смотрении» Кабинет Петра Великого, где и ведал в нем чертежами, картами (и книги также находились в его ведении). С большим уважением она писала Ибрагиму.

Письмо императрицы Екатерины II А. П. Ганнибалу от 2 сентября 1765 г.

Абрам Петрович. Мне не безъизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находилися в то время, когда блаженныя памяти Государь Петр Великий, по способности вашей, употреблял вас по многим делам; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги. И как мне известно же, что он помышлял о строении канала от Москвы до Петербурга и к тому уже и проект сделан был, то вы мне особливую благодарность сделаете, ежели, чертеж тому отыскав (когда он у вас был), пришлете ко мне со всеми принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он вчерне только был сделан. Но ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то по крайней мере укажите мне, где оный отыскать можно, который я с нетерпеливостью видеть хочу.

---

[1] Рукою Пушкина, с. 54.

[2] См.: А. Савельев. Исторический очерк Инженерного Управления в России. СПб., 1879, с. 100; Д. П. Струков. Главное Артиллерийское управление. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902, с. 217, 222, 228; Н. Г. Фабрициус. Главное Инженерное Управление. Ч. I. СПб., 1902, с. XXXVI, XL, XLIII, XLV; Ф. Нестерчук. Предки А. С. Пушкина — выдающиеся инженеры и деятели водного хозяйства.— «Речной транспорт». 1962, № 2, с. 57—61, и др.

Собственноручно { Также есть ль вы о сем проекте от Его Величества рассуждении слышали, прошу, сколь вы о том вспомните, ко мне описать. Остаюсь вам доброжелательная

Екатерина

2 сентября 1765 г., Царское Село [1].

И Пушкин на это письмо Екатерины ссылается. Государыня (Екатерина II) говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом? И почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано» [2]. Также он с гордостью вспоминал, как настоящий ученый, историк, о заслугах старшего сына Абрама Петровича, Ивана Абрамовича «Наваринского Ганнибала», «что плыл в пожаре средь пучин», уцелевшего на брандере, взлетавшем на воздух. Пушкин с детства знал колонну в Царском Селе и надпись на ней: «Крепость Наваринская сдалась бригадиру Ганнибалу. Войск российских было числом 600 человек, кои не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он; в плен турок взято 6 тысяч».

То есть Пушкин ссылался не только на письменные, бумажные источники, а и на эпиграфику.

Все, что я сейчас привожу, мне кажется, подтверждает, что не случайно Пушкин писал в «Арапе Петра Великого» об Ибрагиме: «. . .следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» [3]. Ибрагим и был таким человеком, который способен был следовать за мыслями великого человека. Это и неудивительно. Петр воспитывал его с малолетства. А жил он при Петре и спал, как известно, в токарне, которую «немецкая биография» верно называет «дополнительным кабинетом Петра» [4]; даже дверей не было между спаль-

---

[1] Рукою Пушкина, с. 863. Печатается по копии, сделанной Пушкиным. Впервые по копии см.: П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855, с. 301—302. Анненков пишет: «...отметка „собственноручно" и скобка при ней сделана рукой Пушкина».

[2] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XII, с. 168.

[3] Там же, т. XVII, с. 13.

[4] Там же, с. 51.

ней Петра и токарней, только проем. Он был ночным секретарем. То есть, как рассказывает Голиков, по ночам Петр не мог спать, мысли тревожили его. А над его кроватью висело всегда несколько аспидных досок. И по ночам он будил Ибрагима, отличавшегося необыкновенной чуткостью. Для разных дел нужна была в ближайших служителях чуткость. Например, у Елизаветы Петровны, которая боялась, как бы не произошел переворот и как бы с ней так же не поступили, как она поступила со своей предшественницей, всегда сидел на стуле в спальне — и проводил так ночь за ночью — очень чуткий некий Чулков. Так что он был даже молчаливым свидетелем ночного времяпрепровождения Елизаветы. Но она так ценила его бдительность, чуткость, что не стеснялась, и Чулков сделал при Елизавете большую карьеру.

Петру бдительность нужна была для другого. Он говорил ему: Абрам, подай свечу. Или же: дай огня и доску. Тот подавал аспидную доску. И Петр сам на ней записывал, что нужно на другой день сделать, какие разослать кому указы. Либо он диктовал Арапу, и тот записывал. А утром обрабатывал и рассылал. То есть Петр при нем думал вслух.

В «немецкой биографии» очень точно, несмотря на ее недостатки, сказано про это. В ней говорится, что Петр, «как бы он ни был утомлен от дневных трудов и как бы ни нуждался в покое, его великий дух, вечно деятельный во благо подданных, этот почти никогда не отдыхающий дух часто будил его и поддерживал его в бодрствующем состоянии», и Петр сам «по вдохновению» записывал важные мысли и проекты. Наутро его питомец, то есть арап Абрам, должен был эти его заметки переписать начисто и потом, по надлежащем подписании, рассылать по коллегиям [1].

Здесь прямо сказано верное слово — вдохновение, творческие мысли, рождающиеся ночью в темноте, без света. Пушкин все это знал и понимал по собственному опыту.

Удивительно ли, что такой одаренный, талантливый мальчик, «Петра питомец», воспитанный гениальным человеком, проводя многие годы в непосредственной близости к нему, стал тем, кем он стал? И не случайно в «опровержении на критики» Пушкин назвал его крестником

[1] Рукою Пушкина, с. 51—52.

и «воспитанником Петра Великого», «наперсником его» [1].

Теперь о «немецкой биографии» Абрама Петровича Ганнибала. Набоков очень резко критикует ее, называя «идиотским документом» и «бурлескной комической и напыщенной немецкой биографией» [2]. Резко критикует он особенно начальную часть, где говорится об африканском периоде жизни Абрама: «...анонимная биография Абрама Ганнибала написана готическими буквами, бойким, хотя не совсем грамотным, немецким языком. Все, что мы знаем об этой „немецкой биографии", сводится к следующему: она написана после смерти Абрама Ганнибала (1781); в ней содержится несколько фактов, имен и дат, которые могли быть известны только Ганнибалу. Но в ней много и такого, что противоречит историческим документам, например собственному прошению Ганнибала и простой логике... Кто бы ни был автором этой фабрикации он (или она) имел перед глазами собственноручные автобиографические записки Ганнибала. Немецкий язык, мне кажется, принадлежит жителю Риги или Ревеля, быть может, кому-нибудь из ревельских или скандинавских родственников г-жи Ганнибал (урожденная Шоберг). Скверная грамматика, по-видимому, исключает возможность авторства профессионального генеалога» [3].

Пушкин, возражая критикам «Бориса Годунова», иронически замечает, что эти критики разбирали политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми. Но почему-то не только литературоведы, но и писатель Набоков, говоря о «немецкой биографии», не замечает важной стороны дела. Биография эта представляет собой литературное произведение своего времени. Очень талантливое, хотя отчасти и тенденциозное. Сам Абрам Петрович написал, как сообщает Пушкин, автобиографические записки. Написал и, продолжает Пушкин, сжег их в припадке панического страха, ожидая фельдъегерского колокольчика. Неудивительно, что он был вместе и храбр и пуглив. Особенно после своей сибирской ссылки. Ведь если он действительно был дважды похищен, сначала в детстве у отца, а потом из сераля

---

[1] Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XI. с. 153.

[2] Eugene Onegin. A novel in verse by Alexander Pushkin translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 3, p. 425.

[3] Там же, с. 392—393.

турецкого султана, а потом уже взрослым человеком был сослан в Сибирь на китайскую границу с поручением, как пишет Пушкин, измерить Китайскую стену, то вполне понятно, что у него мог создаться подобный комплекс. Вспомним строки «Бахчисарайского фонтана», где:

Я помню только море
И человека в вышине
Над парусами, страх и горе
Доселе (дотоле) чужды были мне.

Оттого, может быть, и Арап уже взрослым человеком так боялся морского путешествия, что он решился написать из Франции Петру, столь не любившему подобных страхов, что он готов на что угодно — пойду в Россию из Парижа хоть пешком, только не заставляйте морем плыть. Может быть, тут снова сказалась детская травма его — похищение (а раньше преодолевал эту свою боязнь, бывая с Петром на кораблях). Есть у Штелина знаменитый анекдот, как кто-то помешал Петру отдыхать после адмиральского часа в каюте, на корабле. И, не разобравшись, он повелел, считая его виновным в этом, выпороть Абрама. Это и было сделано. А потом оказалось, что это была хитрость другого молодого матроса. И тогда Петр приказал зачесть эту порку Абраму, сказавши: когда еще придется тебя наказывать за новую какую-нибудь вину, ты мне напомни, я тебе прежнюю порку зачту. Анекдот этот Пушкин знал, как и некоторые другие [1].

Лев Толстой 22 раза начинал писать роман из времен Петра Великого и отказался наконец потому, сказал он, что «души этих людей для меня уже непонятны».

Так как мне пришлось по следам Пушкина лет 30 заниматься Петром, то я имел возможность убедиться в одной аберрации, которую надо учитывать.

Архаический язык петровского времени, точнее, язык исторических источников того времени заставляет нас часто представлять себе эту эпоху много более архаичной, чем она в действительности была.

Но вот приходишь хотя бы в Летний дворец — и видишь чрезвычайно передовые для своего времени станки, изобретенные Нартовым. Это великолепные и не-

---

[1] Подлинные анекдоты о Петре Великом собранные Яковом Штелином в четырех частях. Ч. I, с. 197—199.

обыкновенно изящные станки, и когда видишь книги, изданные в Петровскую эпоху, то убеждаешься, что это великолепные книги, которые не так уж сильно отличаются по своему виду от книг екатерининского времени.

Когда приходишь в Кронштадт на корабле и видишь: в доке на канале, задуманном Петром, директором которого стал Абрам Петрович Ганнибал, стоит пароход и там ремонтируется — и это очень хороший, неустаревший док и канал, по очень новой технической идее осуществленный. Мысль была Петра. То же, когда видишь план Петербурга, которым не могут нахвалиться водители машин в отличие от Москвы.

Я уже упоминал о том, что Пушкин в своих исторических произведениях увлекается задачей колорита. Почему, например, так архаически, не по-пушкински звучат в «Полтаве» стихи — характеристика Мазепы.

Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижным льдом?..

А дело в том, что Пушкин здесь воспользовался красками времени. Это все он у Феофана Прокоповича взял вместе с феофановской характеристикой Мазепы. Все это стилевые средства, краски барокко. Пушкин хотел, чтобы здесь в его поэме прозвучал голос — и стиль эпохи. И у Ломоносова:

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел.

Это как бы два стиха из ломоносовской оды «Из Иова».

Но когда Пушкин захотел разрешить более высокую задачу, когда речь шла не о Мазепе, а о гении всемирно-историческом, то он свое Вступление к «Медному всаднику» написал совсем иначе:

Стоял *он,* дум великих полн...

а дальше петровской речи нет. (Между прочим, я нашел, откуда почерпнул Пушкин во Вступлении к «Медному всаднику» мысли Петра. Из одного его же, Петра, прекрасного сочинения.) Но мысли Петра он перевел на язык современный, хотя речь, точней внутренний монолог, Петра могла бы быть очень колоритной. Пушкин же речениями Петра воспользовался только чуть-чуть — в стихе: «назло надменному соседу». Так, в «Борисе

Годунове», что давно известно, герои «Годунова» не говорят же старинным, своего времени языком.

И вот я хочу отметить, что и в «Арапе Петра Великого» Пушкин, изображая Ибрагима, довольствовался контрастом, определяемым необычной судьбой и характером героя. А все герои пушкинского романа говорят общепонятным и неустарелым до нашего времени языком.

Я уже указывал, что Д. Д. Благой несправедливо нападает на «немецкую биографию». Но нужно отдать ему должное: он первым (как ни странно, ведь это так часто бывает, что самые очевидные вещи отнюдь не сразу осознаются), говоря о характере Абрама Петровича — все знали, что у него был трудный характер, — указывает, что причиной тут была расовая трагедия его. И цитирует выразительное письмо его из Ревеля, где Абрам Петрович был обер-комендантом, в котором тот объясняет, что он и честен и усерден, а почему же к нему так плохо относятся окружающие, служащие, чиновники.

«Я бы желал, — пишет он в одном из писем Меншикову, — чтобы все так были, как я: радетелен и верен по крайней мере моей возможности (токмо кроме моей черноты). Ах, батюшка, не прогневайся, что я так молвил — истинно от печали и от горести сердца, или меня бросить, как негодного урода, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить, яко бог, а не по злым вымыслам человеков» [1].

Конечно, мы как-то на это не обращали внимания, а Ибрагим не подчеркивал, а как бы старался смягчить необычность, особенность своего положения. И Благой верно говорит, что Арап Петра Великого, когда речь идет о человеческих отношениях, не государственных — роман его с графиней, отношение к нему общества, а потом его трагедия женитьбы (не описанная в «Арапе Петра Великого»), — был в трагическом положении.

Известно, что он был необыкновенно жесток со своей первой, неверной женой. Он ее пытал, подвешивал на кольцах к стене. Настоящая пытка. Но она также отвергла его по причине его «черноты» и потому, что не хотела идти за него замуж. И была неверна ему. Вообще же она была женщиной не столь строгих правил. Но он был ей, как инородный, чужд.

---

[1] «Молодая гвардия». 1937, № 3, с. 87—88.

Можно напомнить, что и сам Петр отнюдь не мягче поступил со своей первой женой. Она была, как известно, бичевана двумя монахинями по его приказанию. Не менее жестоко он поступил со своим сыном, его пытали по приказанию Петра, который сам присутствовал при пытке, кончившейся смертью Алексея. Так что и это было в духе того жестокого века, хотя усложнено было африканским характером Абрама, «чернотой» его. У самого Пушкина, конечно, был к теме этой особый интерес. Известно, что у матери поэта — Надежды Осиповны, женщины красивой, — были темные пятна, о чем рассказывала, по свидетельству Бартенева, вдова брата поэта Льва Сергеевича Пушкина. И он с детства, конечно, запомнил это. Так что, когда он с жадным интересом поехал к своему двоюродному деду, называя его негром, то он испытал сильное впечатление, ибо тот, как передавали знавшие его, был *совсем* арап, то есть выделялся среди детей Абрама Петровича вот этими признаками, чернотой. Ведь доселе, строго говоря, неизвестно, кто был этнически Абрам Петрович Ганнибал.

Анучин доказывал, и это принято всеми, в частности и мною, что он был все-таки абиссинец[1]. Благой пылко доказывает, что он был негр, как его и называл сам Пушкин. Но дело в том, что абиссинцев, или эфиопов, считают теперь ветвью семито-хамитской. Там образовалась сложная смесь. Различны типы абиссинцев в разных районах этой большой страны: некоторые из них сравнительно светлые, то есть лишь смуглые, другие — черные настолько, что всякий неспециалист назовет их неграми. Кроме того, мы ведь ничего не знаем, кто была мать Абрама Петровича Ганнибала. Ведь там было тридцать жен, как пишут в «немецкой биографии».

Теперь о загадках, с которыми связана, в частности, и дата рождения Абрама. Д. Д. Благой обратил внимание на то, что в дворцовых книгах опубликованы расходные записи, в которых фигурирует очень рано запись о выдаче сукна малинового на мундир Абраму-арапу; в связи с этим он склонен считать его родившимся гораздо раньше, чем считалось[2]. Но более внимательное рассмотрение приводит вот к чему. Оказывается,

---

[1] Д. М. Анучин. А. С. Пушкин. Антропологический эскиз. М., Типография «Русских ведомостей», 1899.

[2] «Молодая гвардия». 1937, № 3, с. 74.

арапов, арапчат было много. Абрамом назывался не один из них. Были Абрамы-арапы разные. Мало того, были Абрамы Петровичи, потому что их имел обыкновение крестить сам Петр и давал им свое имя в качестве отчества. Ведь и «пушкинский» арап был Петром Петровичем Петровым. Его нарекли Петром в Вильне при крещении. А так как он плакал и не хотел зваться новым именем, то ему разрешили называться не Петром, а по-прежнему Абрамом, что является вариантом Ибрагима. По отцу он получил, по крестному, Петровича, а отчество, как это часто бывало, затем превратилось в фамилию. И он назывался Абрам Петрович Петров.

И лишь впоследствии, лет через десять после смерти Петра Великого, он стал Ганнибалом.

Вот и еще одна загадка. Как мы уже упоминали, не существует достоверного портрета Абрама Петровича. Тот портрет, который был известен как портрет Ганнибала, недостоверен. И вот в этой связи каждая даже частность, я сказал бы, приобретает свое значение. Например, из расходных записей, которые велись во время заграничного путешествия Петра в 1716—1717 годах, когда Арап сопровождал его, оказывается, что Петр приказал в Голландии сделать восковую персону Арапа. Это стоило дорого. Восковая персона была изготовлена тогда и с карлика Луки. А так как именно в это самое время в одном из писем Петр сообщал из Голландии, что он набирает кунсткамеру и для того заказывает и покупает всякие раритеты, я думаю, что эти дорогостоящие восковые персоны Петр заказывал не для самих же Абрама-арапа и карлика Луки, а для кунсткамеры. Ибо, как отметил, в частности, Пушкин, скульптуру Бухвостова, сделанную Растрелли, Петр поместил в кунсткамеру. Но кунсткамера 5 декабря 1747 г. горела, и надо полагать, что не сохранилась и восковая персона Арапа. Интересно бы посмотреть в старых инвентарях кунсткамеры (они сохранились), нет ли там сведений об этой восковой персоне, не было ли ее там?

(Восковую персону Петра, стоявшую в первом этаже кунсткамеры, вынесли из нее во время пожара[1].)

---

[1] «В этот день сгорели все почти вещи, хранившиеся во 2-м и 3-м этажах кунсткамеры». См.: В. И. Семевский. Слово и дело. Изд. 3-е. СПб., 1885, с. 266.

Зарисовки экспонатов кунсткамеры также сохранились — в Русском музее. Нет ли среди них зарисовок восковой персоны Арапа?

Из расходных записей выясняется, что в 1717 году жалованье Арапу, кроме одежды и обуви, — это он все получал — было сто рублей в год. Это довольно много при тогдашней цене денег. Вот запись: тогда-то вот заплатили 50 рублей, тогда-то остальные 50.

В тех же записях значится, какие расходы были возмещены Абраму-арапу: отдать ему деньги за веревки, которые он покупал, когда Петр с ним восходил в Антверпене на высочайшую башню-колокольню.

Сохранился подробный путевой «Журнал» Петра, называется он «Обстоятельный журнал о вояже или о путешествии Его Царского Величества...». Под 2 апреля 1717 года в нем рассказывается, как Петр «во второй день поутру о семи часах» поднимался на башню-колокольню.

Поднимались они с веревкой и намерили 82 сажени. Это их измерение пригодится для Петербурга. Петр ничего не хотел пропустить. Наконец, сохранилась запись вернуть Арапу деньги, которые он истратил, съездив «в Версалию». Стало быть, был арап и в Версале.

Тема «Арапа Петра Великого в Париже» известна. Пушкину предстояла большая тема «Петр I в Париже». Скажу заранее, я много занимался этой темой. Она в высшей степени увлекательна. Совсем, к сожалению, доселе не затронута. Пушкин все знал о Петре в Париже, ибо источники обширны и интересны.

В заключение немного про «абиссинский период» биографии Арапа.

И Благой и Набоков (Благой раньше) пишут, что это все фантазия, выдумка, сочинения с практической целью — создать легенду о знатном происхождении Арапа. И верно указывает тут же Благой, что Пушкин критически отнесся к преданию об африканском периоде биографии Арапа. Пушкин упоминал Арапа уже в первых своих автобиографических записках (я убежден, что так называемое примечание Пушкина к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» является отрывком из этих записок Пушкина, вскоре после 14-го декабря сожженных им). И действительно, ведь он повторил свой рассказ об Арапе в своих новых записках (когда начал возобновлять их в начале 30-х годов) с некоторой эволюцией стиля, ибо в этом «первом Ара-

пе», так назовем этот отрывок, он возвратился из Франции с разрубленной головой и чином французского лейтенанта. А уже во второй раз Пушкин переписывает. Он говорит о том, что есть сообщение, он тут и юмора не терял, что Арап был послан к границам империи с поручением «измерить Китайскую стену». Но если вы заглянете в черновики этих первых записок, откуда взято примечание к первой главе «Онегина», там к стихам:

Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России —

есть примечание Пушкина: «Автор со стороны матери происхождения африканского». Сначала в черновике было сказано, как и в «немецкой биографии», что старый Арап (в глубокой старости, говорится в «немецкой биографии») вспоминал, как его сестра Лагань, плывя за кораблем, на котором увозили похищенного Ибрагима, утонула. В старости, замечает Пушкин, тут Ганнибал плакал, но поэт даже в первых Записках, в примечании к «Онегину», это оставил в черновике, заметив только, что она плыла за удаляющимся кораблем. Уже во вторых Записках Пушкина было сказано: отец Абрама был негр, сын негритянского князька, в то время как в «немецкой биографии» подчеркивается роскошь и знатность положения отца Ганнибала. Так что Пушкин был критичен.

Но весь рассказ не производит впечатления вымысла, ибо записан со слов самого Ганнибала, больше некому было рассказать. А он помнил роскошную жизнь отца, помнил, как приводили к отцу старших братьев его со связанными руками.

Это обычное на Востоке дело, что один из сыновей убивает отца-эмира. В то время было таких случаев немало. И он один плавал под фонтанами отеческого дома. Это не похоже на выдумку.

Набоков пошел научным путем, стал читать Анучина (которого, правда, ругает, как почти всех, писавших об Абраме Ганнибале[1]), книги путешественников по Абиссинии того времени, записки послов, старинные и современные сочинения по истории этой страны.

---

[1] «...В сочинении, которое с исторической, этнографической и географической (номенклатурной) стороны сто́ит лишь всякой критики, Дмитрий Анучин, журналист, занимающийся антропологией» (с. 399).

Ничего в этих источниках Набоков не нашел о том, как похищали Арапа. Но он хочет выяснить обстановку действия и тут он ссылается на путешественника Понсэ — это был врач или аптекарь, который приехал из Каира лечить негусу глаза. Так вот этот Понсэ рассказывает, что он сопровождал молодого армянина Мурада, которого император Абиссинии Исус I послал послом к французскому королю с подарками — в виде слона, коней и мальчиков эфиопских. И по времени совпадает, что туда, может быть, попали дети знатных эфиопов, мог попасть в их число Ибрагим. Но король Мекки, как пишет Понсэ, отобрал у Мурада высокородных детей, и попали они в подарок не французскому королю, а султану турецкому Мустафе. Может быть, во всяком случае, эта тема показывает обстановку, в которой могло совершиться такое похищение. Это как раз развлекательный материал. Но Набоков правильно говорит, что критики эфиопско-африканской версии происхождения Абрама Петровича не правы. Потом они предложат контрверсию.

Я же склонен думать, что в рассказах Ганнибала могли быть просто преувеличения. Но едва ли имеются основания подвергать сомнению его происхождение из Эфиопии, из Абиссинии. Сами эфиопы постоянно этим гордятся. Интерес к нему велик не только в Советском Союзе, но и за рубежом, и прежде всего в Африке. Журнал «Эфиопиа обсервер», например, посвятил Пушкину специальный номер («Ethiopia observer». 1957, vol. 1, № 8).

Н. Хохлов, наш известный журналист-африканист, предпринял поиски места рождения Ганнибала в Эфиопии и посетил те селения, где тот, по-видимому, родился. Он говорит, что архивы того времени, к сожалению, сгорели в итало-абиссинскую войну. Может быть, уцелело в монастырях что-нибудь, в провинциальных хранилищах. Но тут нужны уже новые поиски. Есть и не книжные аргументы. В тех местах, где, по-видимому, родился Абрам Петрович Ганнибал, там целые деревни ходят Пушкиных, очень похожих [1]. Но для этого не нужно ездить в Абиссинию, потому что через двор, в котором я живу, ходят десятки африканцев, которые учатся русскому языку в Автодорожном институте. Они так по-

---

[1] Письмо ко мне из Аддис-Абебы от 12.VIII.1968 г. (Архив И. Л. Фейнберга). См. также: «Неделя». 1969, № 44.

хожи на Пушкина, похожи не только внешне, но и движениями, сменой выражения лица, причем мне объяснили, не знаю, верно ли, что походка их, которая всегда описывается как индивидуальная особенность Пушкина, — не индивидуальна, поскольку у них несколько иное строение мускулатуры ног. Те черты в Пушкине, о которых всегда пишут его современники, — как он быстро переходил от одного настроения к другому, — и другие черты душевной динамики, также характерны для тех африканцев, которых видел Хохлов. Есть и другие не книжные аргументы.

Удивительна сказочная судьба Ганнибала, но, по верному слову Ключевского, сказка бродит по русской истории [1].

1970

---

[1] Доклад, прочитанный в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва) 3 ноября 1970 г.

«ИСТОРИЯ ПЕТРА I»

«История Петра I» — незавершенный труд Пушкина — дошла до нас в виде обширного подготовительного текста, в котором Пушкин закрепил результаты изучения им Петровской эпохи. На основе этого текста (или так называемых «Материалов для Истории Петра Великого»), охватывающего в хронологическом порядке события петровского времени, Пушкин предполагал, как он сам сказал незадолго до смерти, написать свою «Историю Петра» «в год или в течение полугода» и затем «исправлять по документам». Таким образом, поэт считал задуманную им «Историю» подготовленной уже в такой степени, что надеялся в короткий срок закончить всю работу. Однако выполнить эту задачу и написать окончательный текст «Истории Петра» он не успел.

Бóльшая часть обширной пушкинской рукописи стала известна читателю лишь столетие спустя после смерти поэта, когда она была опубликована в 1938 году в большом советском академическом издании его сочинений. Объясняется это тем, что после смерти Пушкина рукопись была запрещена Николаем I, затем затеряна и обнаружена только после революции — в 1917 году. До 1938 года из нее известны были в печати лишь отдельные отрывки, составлявшие около одной четверти рукописи.

I

«Историю Петра» Пушкин задумал уже во второй половине 20-х годов. «Я непременно напишу историю Петра I. . .» — сказал он в сентябре 1827 года [1], поэтому, прося в июле 1831 года о дозволении заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и

[1] А. Н. Вульф. Из «Дневника».— А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Т. I. М., 1974, с. 416.

библиотеках», Пушкин сообщал о «давнишнем» своем «желании написать Историю Петра Великого». Разрешение было дано, и 21 июля 1831 года поэт извещал П. В. Нащокина: «...зимою зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем».

Вскоре он приступил к работе; уже в декабре того же, 1831 года Н. М. Языков писал брату: «Пушкин только и говорит что о Петре... Он мне, дескать, собрал и еще соберет новых сведений для своей истории, открыл, сообразил, осветил и проч.» [1].

С начала 1832 года Пушкин, не ограничиваясь изучением печатных исторических источников, стал много времени уделять работе в архивах. Нессельроде — министр, которому подчинен был Государственный архив, впоследствии извещал Бенкендорфа, что «Пушкин занимался... прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве; для чего отведена была ему особая комната. По мере прочитывания он возвращал даванные ему бумаги...» [2].

12 января 1832 года Нессельроде запрашивал, «благоугодно ли будет» царю, чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I», «как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии [3]. Царь распорядился, чтобы подобные исторические документы выдавались Пушкину «по назначению», то есть под контролем Д. Н. Блудова, ведавшего секретными архивными делами, относившимися к скрываемым в то время событиям политической истории петровского и послепетровского времени.

В том же, 1832 году Пушкин через Бенкендорфа обратился к царю с просьбой «о дозволении» ему «рассмотреть» купленную Екатериной II и «находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями», которые доставлялись Вольтеру в период его работы над «Историей России при Петре Великом». Доступ в библиотеку Вольтера в царствование Николая I был строго запрещен, но для Пушкина сделано было исключение, и он

---

[1] «Вестник Европы». 1897, № 12, с. 603.

[2] Дела III Отделения... об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906, с. 199.

[3] Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов. Сост. Н. А. Гастфрейнд. СПб., 1900, с. 17—18.

получил возможность ознакомиться с собранными Вольтером историческими материалами, составляющими пять рукописных томов (которые сохранились до нашего времени).

Рассказывая осенью 1833 года В. И. Далю о трудностях своей работы над «Историей Петра», Пушкин заметил: «Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься...»[1]. Наконец в мае 1834 года поэт сообщал жене: «Ты спрашиваешь меня о „Петре"? Идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник...» 11 июня 1834 года он писал ей же: «Петр I идет; того и гляди, напечатаю 1-й том к зиме».

Но затем, отказавшись, по-видимому, от мысли издавать «Историю Петра» отдельными томами — по мере окончания работы над каждым томом, Пушкин решил создать сначала подготовительный текст, целиком охватывающий события петровского времени — год за годом — от рождения до смерти Петра. И за время с января по декабрь 1835 года выполнил эту задачу, положив в основу своего рукописного труда изучение многотомного свода исторических материалов, изданного в конце XVIII века И. И. Голиковым под названием «Деяния Петра Великого, собранные из достоверных источников и расположенные по годам». При этом Пушкин использовал и другие, в том числе неопубликованные и запретные тогда, русские и иностранные исторические источники.

Закончив 15 декабря 1835 года подготовительный текст «Истории Петра», Пушкин продолжал работу над ней. В мае 1836 года он приезжал в Москву и побывал в архивах, предполагая «опять в них зарыться месяцев на шесть». П. Я. Чаадаев 25 мая 1836 года писал из Москвы А. И. Тургеневу, что Пушкин «очень занят своим Петром Великим»[2]. В конце декабря 1836 года сам Пушкин сообщал, что «Петр Великий» отнимает у него «много времени». Изучать материалы Петровской эпохи он продолжал до последних дней жизни: в январе 1837 года А. И. Тургенев ознакомил Пушкина с извлеченными из парижских архивов и привезенными им — в копиях — донесениями французских послов при дворе Пет-

---

[1] В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2, с. 224.

[2] Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. II. М., 1914, с. 205.

ра I и его преемников. С этими архивными материалами Пушкин знакомился в последний раз накануне дуэли.

Работа над «Историей Петра» была в эти годы, по свидетельству современников поэта, его важнейшим трудом. «В последние годы... Петр Великий занимал все его внимание. С усердием перечитал он, — вспоминал историк М. П. Погодин, близко стоявший к этой работе Пушкина, — все документы, относящиеся к жизни великого нашего преобразователя, все сочинения, о нем написанные» [1]. «...Я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные», — писал тесно связанный с поэтом знаток исторических источников XVIII века А. И. Тургенев, поясняя: «Никто так хорошо», как Пушкин, «не судил русскую новейшую историю...» [2].

За неделю до смерти поэт в разговоре с П. А. Плетневым сознавался, однако, что «Историю Петра пока нельзя писать, то есть, — пояснял он, — ее не позволят печатать». Тем не менее Пушкин, по свидетельству упомянутого уже А. Н. Вульфа, «располагал поплатиться за это (дуэль. — *И.Ф.*) лишь новой ссылкою в Михайловское... и там-то, на свободе предполагал заняться составлением истории Петра Великого» [3].

* * *

Ознакомившись после смерти Пушкина с его незавершенным трудом, Николай I указал: «Сия рукопись издана быть не может...» Понимание Петра и суждения о нем, отраженные в пушкинской рукописи, оказались запретными, так как Пушкин смело осветил не только положительные, но и отрицательные стороны исторической деятельности и личности Петра I.

Брат царя, Михаил, который беседовал с поэтом о Петре еще при жизни его, в декабре 1836 года, утверждал, что «Пушкин недостаточно воздает должное Петру Великому, что его точка зрения ложна, что он рассматривает его скорее как сильного человека, чем как творческого гения...» [4].

---

1 «Русский архив». 1865, с. 1260.
2 «Русский архив». 1903, кн. I, с. 143.
3 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I, с. 415.
4 Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 372.

Стремясь тем не менее опубликовать запрещенный исторический труд Пушкина, друзья поэта решили изъять из него все, что могло быть признано царем нецензурным. Подлинная рукопись Пушкина, составившая после сшивки ее листов тридцать одну тетрадь, была переписана. И копия, занявшая шесть рукописных томов, перед представлением ее в официальную цензуру передана была — для предварительного «очищения» под углом зрения цензурных требований — К. С. Сербиновичу, отставному цензору, обладавшему известной исторической подготовкой и разбиравшему в Государственном архиве дела петровского времени.

Сербинович не ограничился изъятием из пушкинской рукописи отдельных выражений, резко характеризующих Петра: он исказил либо исключил из нее строки, в которых нашла выражение неприемлемая для самодержавия историческая концепция Пушкина. Все отмеченные Сербиновичем места рукописи были переписаны им в сводный реестр, и против каждой выписки было помечено: следует ли исключить из «Истории Петра» данные строки или только смягчить. В последнем случае приводилась и предлагаемая Сербиновичем новая редакция, придающая цензурный вид историческим суждениям Пушкина о Петре.

После рассмотрения рукописи в 1840 году официальной цензурой, которая произвела сверх предложенных Сербиновичем пятидесяти изменений и изъятий еще некоторые изъятия, рукопись была наконец разрешена к печати, но осталась неизданной, так как черновой, незавершенный труд Пушкина не нашел издателя. «. . .В рукописи остаются еще, — писал в то время Белинский, — материалы к истории Петра Великого, предпринятой Пушкиным. . . и только одному богу известно, когда русская публика дождется этого тома. . .» [1].

Действительно, в собрании сочинений Пушкина, изданном П. В. Анненковым в 1855—1857 годах, опубликовано было — под названием «Материалы для первой главы истории Петра Великого» — только начало пушкинского труда, охватывающее период от рождения Петра до начала его единовластного царствования (1672—1689), и приведены еще два отрывка, посвященные основанию Петербурга и смерти Петра.

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1955, с. 100.

Впоследствии Анненков напечатал в «Вестнике Европы» (1880, кн. 6) статью, в которой привел ряд мест, изъятых в 1840 году из «Истории Петра» цензурой и скопированных по его указанию до того, как пушкинская рукопись — вместе с цензурной копией ее — была затеряна.

Когда рукопись «Истории Петра» была в 1917 году найдена, оказалось, что из тридцати одной пушкинской тетради уцелели двадцать две, а из шести томов цензурной копии сохранилась половина — три тома. Но начальная часть «Истории Петра» (1672—1689), рукопись которой пропала, известна благодаря упомянутой анненковской публикации 1857 года, а текст некоторых других пропавших тетрадей Пушкина восполняется найденной вместе с пушкинской рукописью частью цензурной копии. Недостает в настоящее время поэтому только текста тетрадей, охватывающих 1690—1694 и 1719—1721 годы.

Из пропавших тетрадей, однако, известны строки, запрещенные в 1840 году цензурой, ибо почти все они, как уже сказано, были в свое время скопированы Анненковым и потом публиковались (сначала им самим, а затем Ефремовым в Сочинениях Пушкина, изд. 1903 года, т. VI). Наконец в 1950 году в Центральном Государственном историческом архиве обнаружен был нами цензурный реестр Сербиновича, позволяющий уточнить основные для понимания пушкинской концепции строки «Истории Петра» («Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами...») и включить в подготовительный текст «Истории» два кратких замечания Пушкина, также существенные для понимания его исторической концепции (они были опубликованы нами в статье «Неизвестные строки Пушкина») [1].

Таким образом, бóльшая часть «Истории Петра», включая важнейшие, запрещенные места из пропавших тетрадей ее, которые царская цензура стремилась скрыть от читателей, ныне известна.

* * *

Несмотря на черновое состояние подготовительного текста «Истории Петра», писанного Пушкиным большей частью для себя, сжатым образом, изучение ее, а также

---

[1] См. «Вестник Академии наук СССР». 1950, № 8, с. 49—55.

некоторых других, примыкающих к ней пушкинских текстов дает возможность раскрыть исторический замысел Пушкина и концепцию, в свете которой он создавал свою «учено-художественную историю», какой должна была, по словам Белинского, явиться задуманная поэтом книга о Петре.

Сохранившийся «Очерк введения» показывает, как широко понимал Пушкин предмет и границы своей «Истории». В плане, предпосланном им «Очерку введения», мы читаем: «Россия извне — Россия внутри — Подати — Торговля — Военная сила — Дворянство — Народ — Законы — Просвещение — Дух времени» [1]. «История Петра» должна была, таким образом, многосторонне осветить предпринятое Петром преобразование России.

В незаконченной статье 1834 года, начинающейся словами «Долго Россия оставалась чуждою Европе» (историческая часть которой была тесно связана с работой Пушкина над «Историей Петра»), он писал, что и в предшествующую петровскому царствованию «эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были... в необходимости сблизить Россию с Европой... Наконец явился Петр». Преобразования, совершенные Петром, Пушкин признавал, таким образом, подготовленными предшествующим историческим развитием России.

Вместе с тем уже в самом начале своей «Истории» он отмечал препятствия, какие ставились допетровской России западноевропейскими государствами, стремившимися помешать ее укреплению. Войной Петра со Швецией решался, как не однажды указывал Пушкин, вопрос о государственном существовании России: в подготовительном тексте своей «Истории» он подчеркивал, что в ответ на мирные предложения Петра — за полтора года до Полтавы — «министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное (русское) войско и разделить Россию на малые княжества». В стихотворении «Пир Петра Первого», написанном в том же, 1835 году, что и подготовительный текст его «Истории», поэт сказал, что Полтавской победою Петр спас жизнь своей державы.

Уже в предисловии к первому изданию «Полтавы» Пушкин заметил, что Полтавская битва «доказала государству успех и необходимость преобразования, со-

---

[1] Текст «История Петра I» дан по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 8. М., 1977.

вершаемого царем». Но, повторяя в упомянутой уже статье 1834 года, что «войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны» и что «европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы», Пушкин писал также о «крутом и кровавом перевороте, совершенном мощным самодержавием Петра». Таким образом, Пушкин видел, как сильно было внутри страны сопротивление петровским преобразованиям, и сознавал неизбежность осуществления их насильственным путем.

Совершенный Петром переворот Пушкин называл «революцией»; в своих исторических заметках, относящихся к началу 1830-х годов, он писал: «Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)». «Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления», — проницательно пояснял он при этом. Робеспьера назвал он в одной из своих рукописей «сентиментальным тигром», якобинского террора Пушкин-историк не одобрял; в Наполеоне видел великого человека, но вместе с тем оценивал его, как известно, чрезвычайно критически. Сравнивая Петра не только с Робеспьером, но и с Наполеоном, Пушкин считал, по-видимому, что в последние годы царствования Петр, подобно Наполеону, закреплял с помощью новых средств результаты совершенного им ранее «по-робеспьеровски» кровавого переворота. Царствование Петра Пушкин делил, таким образом, на два периода.

Оценивая в подготовительном тексте своей «Истории» один из указов, изданных Петром в 1719 году, Пушкин характеризует его как «указ весьма благоразумный, с малой примесью самовластия и, — обобщает здесь Пушкин, — с тою вольною системою, коей ознаменовано последнее время царствования Петра». Однако, по мнению Пушкина, и в этот последний период, отличавшийся «вольною системою», Петр применял необходимые для закрепления «революции» новые средства недостаточно последовательно, так как наряду и в противоречии с ними продолжал по-прежнему применять средства, отличавшиеся большой, а отнюдь не только «малой примесью самовластия». «До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того чтобы ее упрочить», — заметил Пушкин 19 октября 1836 года в письме к Чаадаеву.

В том же программном письме Пушкин объясняет, против кого была, на его взгляд, направлена совершен-

ная Петром «революция»: он считал, что Петр «укротил» дворянство, издав «Табель о рангах», и духовенство, отменив патриаршество (под дворянством Пушкин разумеет здесь наследственную земельную аристократию). Поэтому он и видел в Петре «воплощение революции», сравнивая «переворот», совершенный царем, с французской буржуазной революцией, сломившей эти два первых привилегированных сословия (то есть землевладельческое дворянство и духовенство), и, характеризуя деятельность Петра, вспоминал о методах якобинской диктатуры.

Но французская революция 1789 года уничтожила тяготевшие над крестьянами феодальные повинности. Ничего подобного, как известно, Петр I не совершил, хотя в результате его преобразований дворянами становились действительно «новые люди», выдвинувшиеся на государственной службе и оттеснявшие старое, родовитое дворянство. Между тем Пушкин считал, что старинное, наследственное дворянство могло и должно было являться противовесом неограниченной власти самодержавия, принимая на себя тем самым функцию защиты общенародных интересов.

Революцией переворот, произведенный Петром, разумеется, не был, и классовая сущность реформированного им крепостнически-помещичьего государства оставалась прежней, хотя «русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией, — как указывал Ленин, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма" и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху" освобождать крестьян. . .» [1].

Существенно, однако, что, изучая Петровскую эпоху и пугачевское восстание, Пушкин пришел к социологическому пониманию исторического процесса. Освещая борьбу Петра с «дворянством» (то есть с помещичьей аристократией), Пушкин много внимания уделил в подготовительном тексте своей «Истории» теме «Петр и народ» (крестьянство).

Говоря об отношении народа к петровским преобразованиям, Пушкин не скрывал в своей «Истории» насильственного и до последней крайности обременитель-

[1] В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам.— Полное собрание сочинений. Т. 17, с. 346.

ного характера их. Уже в самом начале своего труда он отметил, что «народ почитал Петра антихристом». Но вместе с тем Пушкин показывает, что менялось отношение народа к Петру в ходе напряженной войны с внешним врагом «России и Петра». Описав триумф, последовавший за взятием Нарвы, Пушкин под 1704 годом пишет: «Знатнейшие люди всех сословий поздравляли государя. Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями».

Но в то время как в 1704 году народ, по мнению Пушкина, только «начинал мириться с нововведениями», после Полтавской победы, читаем мы под 1709 годом в его «Истории», Петр вступил в Москву при «восклицании наконец с ним примиренного народа: здравствуй, государь, отец наш!».

Свою оригинальную историческую концепцию, выработанную в основном еще до того, как он приступил в начале 1835 года к созданию подготовительного текста «Истории Петра», Пушкин развивал и обогащал в процессе работы над ним. Стремясь определить, кем был Петр, Пушкин уже в 1822 году называл его в черновике своих исторических замечаний и «деспотом», и «великим человеком» (а затем, в окончательном тексте, — «сильным человеком», «исполином»). Углубляя эту свою давнюю мысль, в подготовительном тексте «Истории Петра» Пушкин заметил:

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

NB (Это внести в *Историю Петра*, обдумав)».

Мысль эта является ключевой при оценке пушкинского понимания Петра: Пушкин с большой глубиной раскрывает здесь противоречивый характер его царствования, сумев различить в Петре великого исторического деятеля и «самовластного помещика».

Это поражавшее Пушкина противоречие современная историческая наука объясняет классовой, эксплуататорской сущностью помещичьего петровского государства. Энгельс называл Петра «действительно великим челове-

ком», подчеркивая его заслуги в области внешней политики[1]. Маркс в своей работе «Секретная дипломатия XVIII века» отметил, что Россия, вернув себе в результате победоносно оконченной Петром Северной войны Балтийское побережье, овладела лишь тем, что было обусловлено необходимостью для нормального развития страны. Но вместе с тем Энгельс указывал, что во времена Петра I наряду с ростом русской внешней торговли развивалось крепостное право и помещики получали возможность «все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»[2].

II

Книга Пушкина о Петре должна была явиться не только произведением передовой исторической науки, но и стать новым словом в развитии жанра художественной литературы. Друг поэта П. А. Плетнев, основываясь на беседах с ним, заметил, что труд его помимо «знаний, терпения, проницательности» требовал «оригинальной широкой кисти, чтоб ожила в подлинных красках вся эта чудесная эпоха»; в «Истории Петра», говорил он, открывалась бы не только историческая, но и «художническая правда»[3]. По словам Белинского, Пушкин задумал передать потомству «дела и образ» Петра Великого; и изучение подготовительного текста его «Истории», несмотря на незавершенность труда, дает действительно возможность судить о том, каким рисовался ему этот создаваемый им новый образ.

Уже историческая и художественная проблематика «Медного всадника» открывала возможность судить о масштабах, характере и уровне проблематики создаваемой Пушкиным «Истории Петра». Новое пушкинское ви́дение Петра («двойной лик» его) и постижение двойственности следствий его исторического дела нашли впервые образное выражение в этой великой поэме Пушкина; теперь оно получало глубокое конкретно-историческое раскрытие в труде Пушкина-историка.

---

[1] Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 22, с. 20.

[2] Ф. Энгельс. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20, с. 645.

[3] П. А. Плетнев. Сочинения и переписка. Т. I. СПб., 1885, с. 338—339.

Формулируя свою историческую концепцию, Пушкин выражает вместе с тем свое художественное решение: раскрытие противоречия, так ярко проявлявшегося во всей преобразовательной деятельности царя, становится основой художественного раскрытия его образа. Перед нами одновременно характеристика государственной деятельности и личности Петра — его «ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» («плодом» которого названы его «государственные учреждения», предназначенные «для будущего»), — и определение свойств его характера, проявившихся в его «временных указах», которые были, по словам Пушкина, «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Смело формулируя в «Истории» найденный им новый принцип построения образа Петра и диалектически раскрывая «достойную удивления» противоречивость его, Пушкин вместе с тем определяет характер царя как характер социальный, назвав его «нетерпеливым, самовластным помещиком».

Обширный подготовительный текст пушкинской «Истории» не однороден по своему составу. Местами, и притом как раз в важнейших местах пушкинского труда (в котором до недавнего времени принято было видеть только «выписки-конспекты», сделанные поэтом при изучении исторических источников), среди программ и других рабочих вспомогательных текстов можно обнаружить внешним образом не отделенные Пушкиным в рукописи страницы блестящей пушкинской прозы, которые предназначались, судя по всему, для перенесения в окончательный, так и не написанный поэтом текст «Истории Петра».

С первых же страниц пушкинской рукописи перед нами в живом изображении является юный Петр. Пушкин показывает его, противопоставляя соцарствующему брату Иоанну, после усмирения одного из стрелецких бунтов: в то время как «стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями, Иоанн оказывал тупое равнодушие, но Петр быстро смотрел на все стороны, оказывая живое любопытство».

Изображая прибытие Петра в Голландию, Пушкин рассказывает о том, как Петр «вышел на берег с веревкою в руках», и продолжает: «На другой день оделся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками».

Сказав далее о том, что «Петр упражнялся с утра до ночи в строении корабельном» и «записался в цех плотников», Пушкин заключает: «Корабельные мастера звали его Piter Bas[1], и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь». Страница кончается, как видим, пушкински выразительной характеристикой молодого Петра.

Так же как раньше, во Вступлении к «Медному всаднику» («Стоял *он*, дум великих полн. . .»), мысли Петра становятся в пушкинской «Истории» важнейшим средством характеристики его: излагая исторические замыслы Петра («И думал он. . .»), Пушкин раскрывает его образ. Под 1699 годом мы читаем: «Петр завоеванием Азова открыл себе путь и к Черному морю; но он не полагал того довольным для России и для намерения его сблизить свой народ с образованными государствами Европы. Турция лежала между ними. Он нетерпеливо обращал взоры свои на северо-запад и на Балтийское море, коим обладала Швеция. Он думал об Ижорской и Карельской земле, лежащих при Финском заливе, некогда нам принадлежавших, отторгнутых у нас незаконно во время несчастных наших войн и междуцарствия». В своей исторической прозе Пушкин передает не только содержание, но и динамизм и эмоциальную окраску мыслей Петра («Он нетерпеливо обращал взоры свои. . . Он думал. . .»).

Сходный характер носит и отрывок, посвященный Пушкиным в «Истории Петра» основанию Петербурга: «Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северо-западною Европою и сообщение с образованностью. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург. . .» Кратко, с выразительностью, свойственной ему как поэту, сообщая об основании Петербурга — «посреди самого пылу войны», Пушкин характеризует вместе с тем величие замыслов Петра и его волевой темперамент («. . .по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение. . .»).

---

[1] Петр-мастер.

Переход Петра от поражений к победам над шведами выразительно предстает на страницах, посвященных победе под Лесной, которую, пишет Пушкин, «Петр называл потом матерью Полтавской победы, последовавшей через 9 месяцев». В начале описания этого боя Пушкин говорит: «Казаки и калмыки имели повеления, стоя за фрунтом, колоть всех наших, кои побегут или назад подадутся, не исключая самого государя». А рассказав о разгроме шведов, пишет: «Ночь и вьюга спасли остаток шведского войска. Солдаты наши ночевали, кого где вьюга застала. Сам Петр, покрытый снегом и льдом, провел тут же ночь далеко от лагеря». Вслед за тем идут строки, кончающиеся словами: «Все было поражено. Казаки и калмыки кололи шведских беглецов в лесах и по болотам. Многие из них погибли даже от руки мужиков. Левенгаупт почти один явился к королю с известием о своем поражении».

После этого, оставшегося в целом недоработанным, описания победы Пушкин говорит: «В Смоленск Петр вступил с торжеством». И заключает: «Шведы потеряли свою самонадеянность и презрение к русским».

Таким изображен в «Истории» Петр-победитель, войны которого были, писал Пушкин в рукописи упомянутой статьи 1834 года, «благодетельны и плодотворны как для России, так и для человечества». «Наша торговля, наша Академия, наше просвещение были следствием Полтавской битвы», — заметил Пушкин в рукописи той же статьи.

Не менее ярко раскрывает он, готовя материалы для обрисовки Петра, отрицательные стороны его образа. Этой цели часто служат приводимые в подготовительном тексте пушкинской «Истории» указы Петра — те, в которых отражалось, по словам Пушкина, «своевольство и варварство» царя.

«Все состояния (т. е. сословия. — *И. Ф.*), — писал Пушкин о Петре еще в 1822 году, — были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

Пушкин пишет под 1722 годом о Петре и дворянстве: «Петр был гневен. Несмотря на все его указы, дворяне не явились на смотр... Он 11 января издал указ, превосходящий варварством все прежние... *Нетчики,* — подчеркивает Пушкин в рукописи, — поставлены *вне закона*». «Нетчика», не явившегося на смотр дворянина, всякий вправе был убить безнаказанно, а тому, кто

нетчика поймает и приведет, приказано было отдавать половину его имения.

«По учреждении синода, — замечает Пушкин, — духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха. Тогда-то... Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: „Вот вам патриарх“».

«...угнетаемый народ роптал и жаловался втуне», — пишет Пушкин, говоря под 1714 годом об огромных хищениях, в которых повинны были ближайшие сподвижники царя. Приводя содержание указа *«о вольности брака»*, Пушкин касается отношения Петра к крестьянству, поясняя: «Родители должны были давать присягу, что детей не принуждают (т. е. дворяне... а крестьян сей закон не касался)». «Петр почитал бани лекарством», — пишет Пушкин и добавляет: «Учредив все врачебные распоряжения для войска, он ничего такого не сделал для народа, говоря: „*с них довольно и бани*“». Отмечая: «Подтверждается ненаказание смертью», Пушкин трезво поясняет: «Люди были нужны». А под 1715 годом записывает: «...послано королю прусскому *в подарок* (подчеркнуто Пушкиным. — *И. Ф.*) 100 человек рослых солдат».

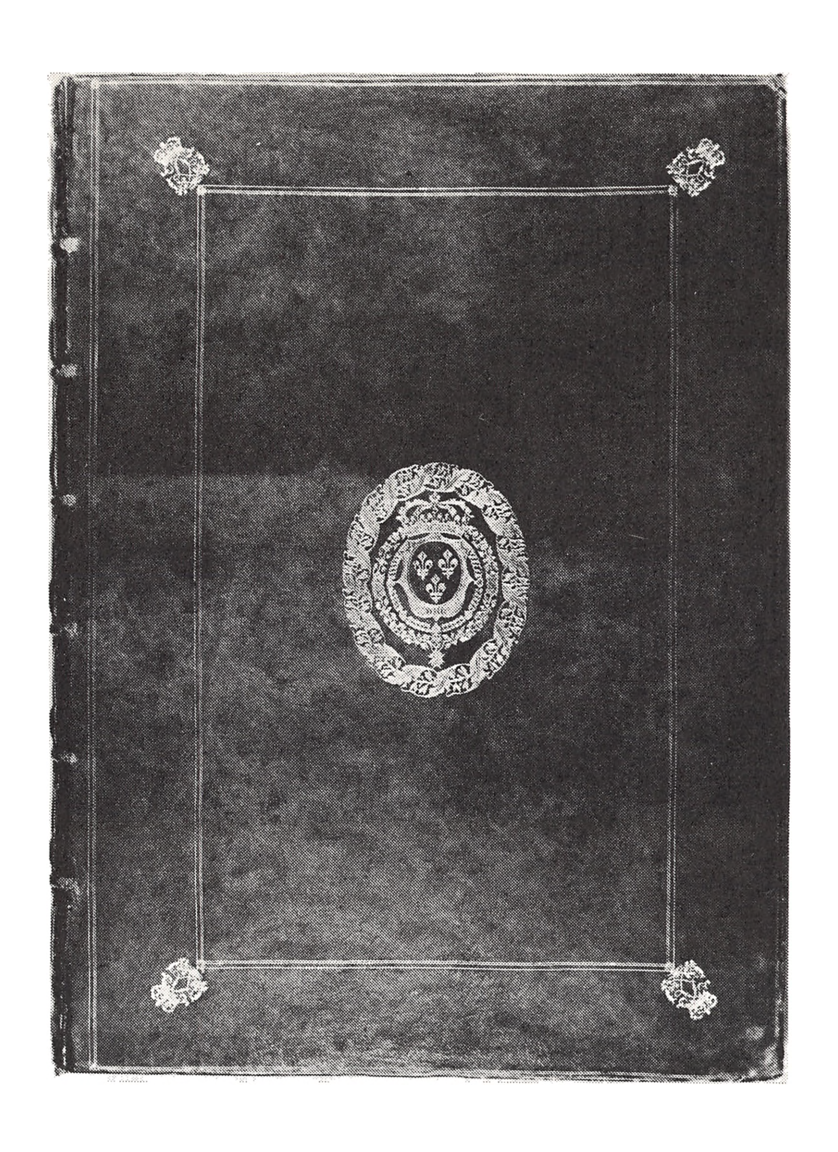
В «Истории Петра» конкретно показаны средства, которые он применял, осуществляя свои преобразования. В числе многих других указов Пушкин отмечает: указ Петра о «непродаже *русского* платья и сапогов; ослушников лишать имения и ссылать на каторгу». «...Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать *запершись*. Недоносителю объявлена равная казнь...». «Приказывают юфть для обуви делать не с дегтем, а с вареным салом под страхом конфискации и галер, как обыкновенно кончаются, — замечает Пушкин, — хозяйственные указы Петра».

Но вот речь идет о лицах, ближайших Петру. В связи с процессом, возбужденным против насильственно постриженной раньше в монахини первой жены Петра, Пушкин пишет: «Петр хвастал своею жестокостию: „Когда огонь найдет солому, — говорил он поздравлявшим его, — то он ее пожирает, но как дойдет до камня, то сам собою угасает“».

Раскрывая во многом таинственное для современников поэта дело царевича Алексея, Пушкин говорит: «Царевич был обожаем народом, который видел в нем будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духо-

Автопортрет А. С. Пушкина. 1829 г.

Петр I. Гравюра А. Шхонебека.
Голова Петра выполнена А. Зубовым. 1721 г.



Переплет книги Андрэ Фелибьена «Королевские шпалеры, изображающие четыре стихии и четыре времени года» (Париж. Королевская типография в Лувре. 1670), подаренной Петру I во время его пребывания в Париже и осмотра Королевской библиотеки 3 мая 1717 года. Красный сафьян с тисненой золотой рамкой и суперэкслибрисом Людовика XIV, изображающим французский королевский герб

DESCRIPTION

DE LA GROTTE

DE

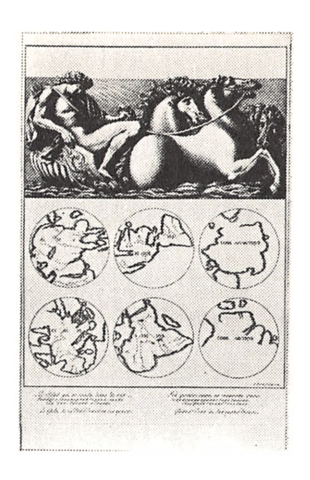
VERSAILLES.

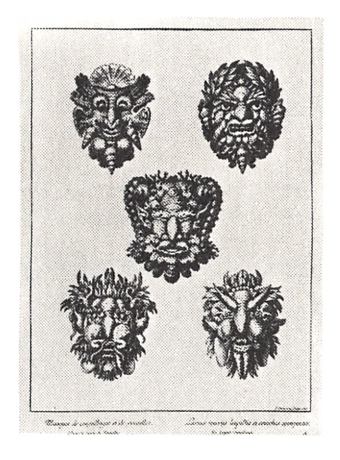
A PARIS.

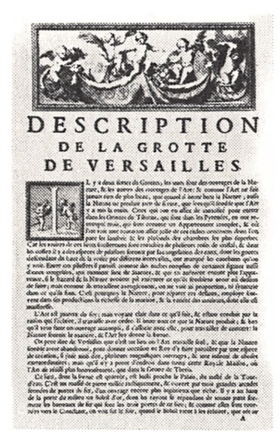
DE L'IMPRIMERIE ROYALE.

M. DC. LXXIX.

Титульный лист книги Андрэ Фелибьена «Описание грота в Версале» с суперэкслибрисом Людовика XIV, изображающим французский королевский герб, Париж. Королевская типография. 1679 г. Книга подарена Петру I во время осмотра Королевской библиотеки 3 мая 1717 года







DESCRIPTION
DE LA GROTTE
DE VERSAILLES

Гравюра 1673 г. из книги «Описание грота в Версале», изображающая мраморный фонтан с чашей в форме раковины

Гравюра 1673 г. брюссельского мастера Жерара Ванопшталя из книги «Описание грота в Версале», изображающая солнце, садящееся в море, в виде колесницы бога Аполлона. Ниже — карта с изображением шести частей света

Гравюра 1675 г. из книги «Описание грота в Версале», изображающая детали для фонтана в виде масок

Первая страница книги «Описание грота в Версале» с гравированными заставками

КНІГА 15

КВІНТА КУРЦІА

О ДѢЛАХЪ СОДѢЯНЫХЪ

АЛЕКСАНДРА

ВЕЛІКАГО

ЦАРЯ МАКЕДОНСКАГО.

ПРЕВЕДЕНА ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ЦАРСКАГО

ВЕЛІЧЕСТВА

съ латінскаго языка на россіискіи

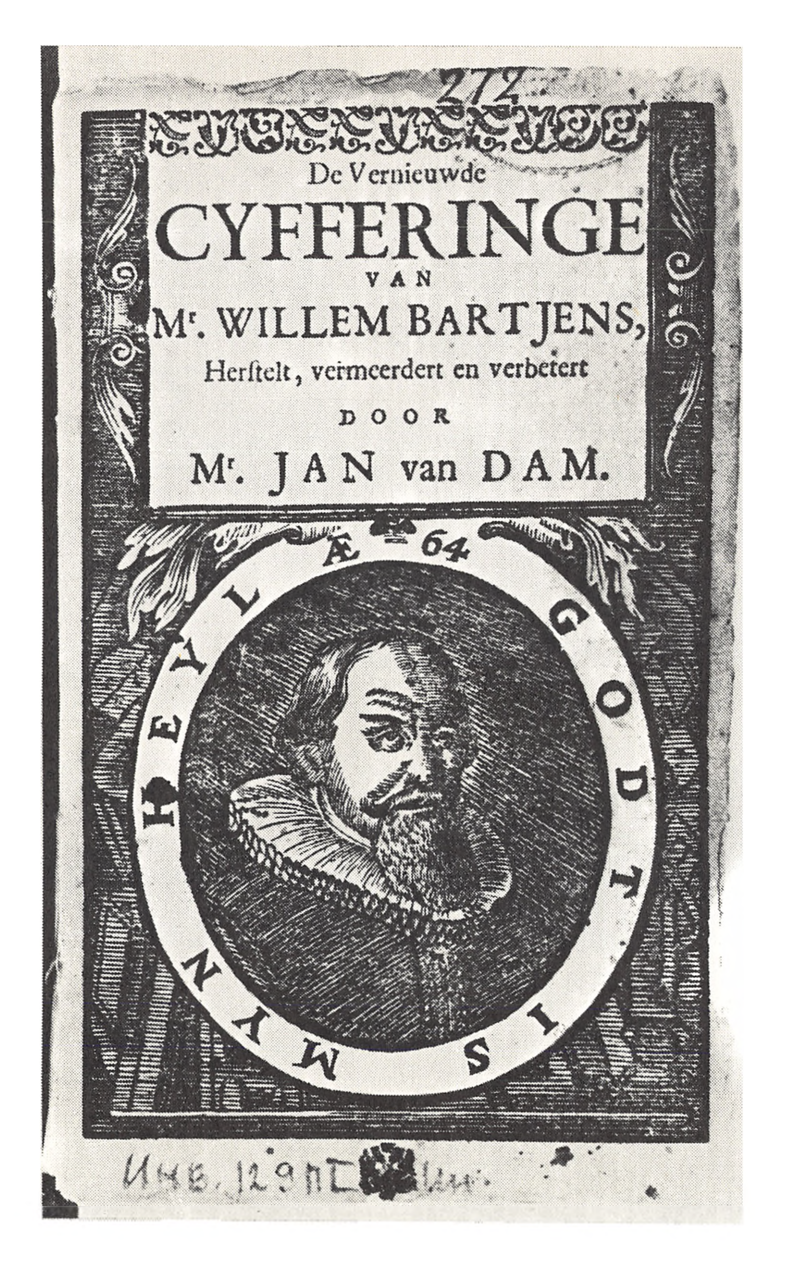
лѣта 1709 го.

І напечатана въ Москвѣ тогоже лѣта

въ октовріи мѣсяцѣ.

Книга Квинта Курция из библиотеки Петра I

Карта Марциальных вод (Карелия, р. Вегмас), выполненная Ганнибалом, на обороте карты надпись, сделанная его рукой: «План, где найдены марциальныя воды по корелской дороге. Снимал Абрам Петрович и принес в канторку 1724 году, сентября в 4-й день»



Арифметика Бартьенса на голландском языке, принадлежавшая А. П. Ганнибалу (тогда еще Абраму Петрову)

De Vernieuwde

CYFFERINGE

VAN

Mr. WILLEM BARTJENS,

Waer uyt

Men meeſt alle de Grond-Regulen van de Reeken-Konſt leeren kan.

Verſtelt/

Vermeerdert ende verbetert door

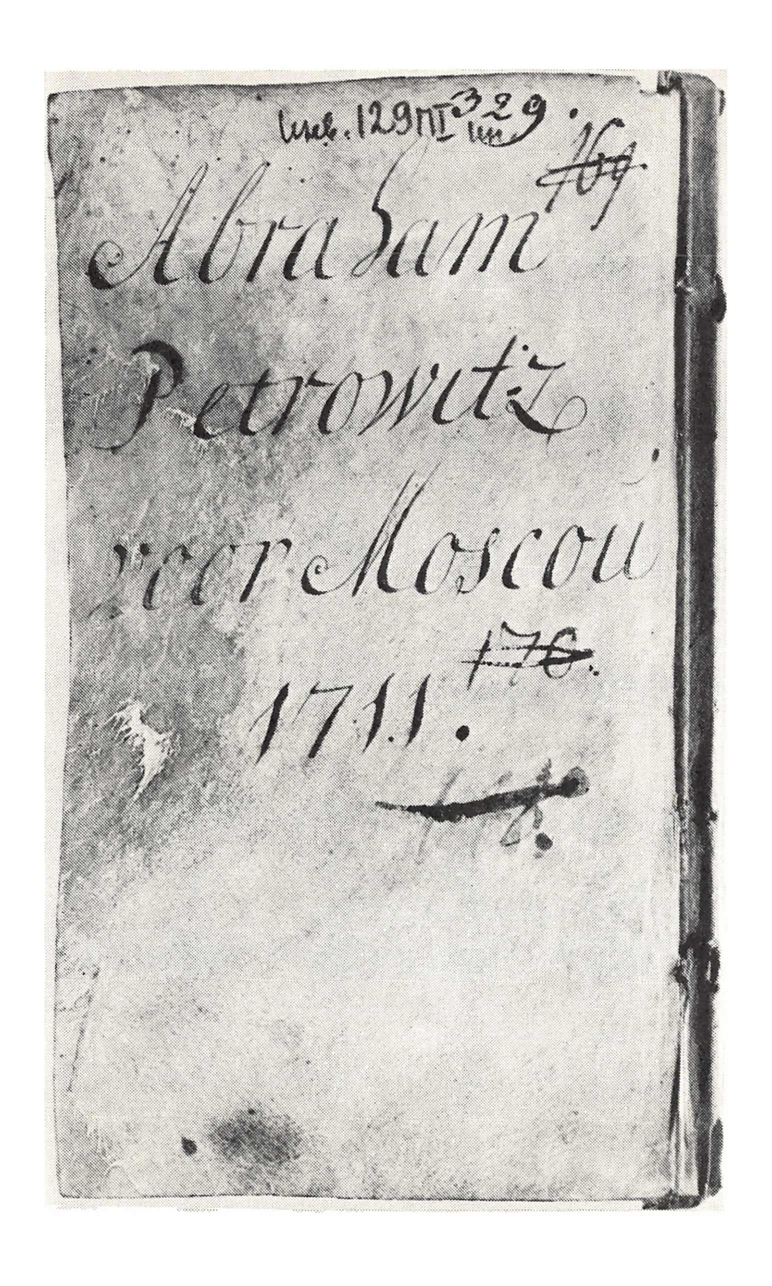
Mr. JAN van DAM,

En nu in deſen laetſten Druck neerſtig overſien en van alle voorgaende fauten geſuyvert.

t'AMSTERDAM,

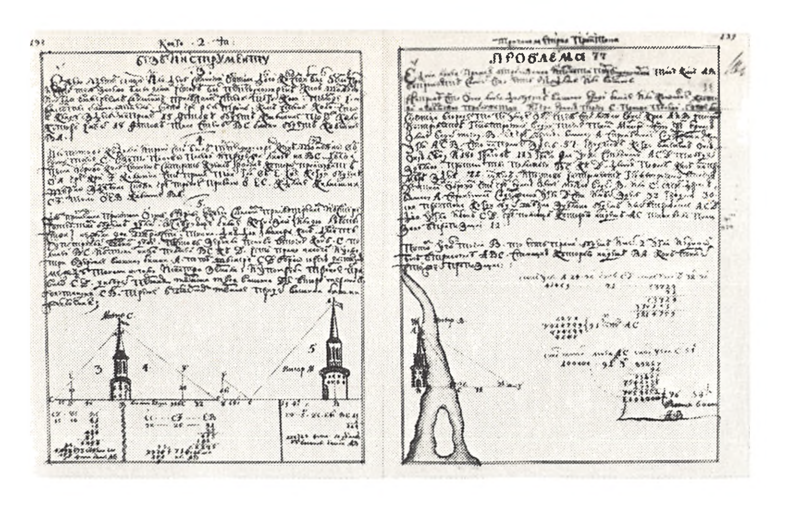
By de Weduwe van Gysbert de Groot, op den Nieuwen-dijk/ tuſſchen de twee Haerlemmer Sluyſen/ in de Groote Bybel/ 1708.

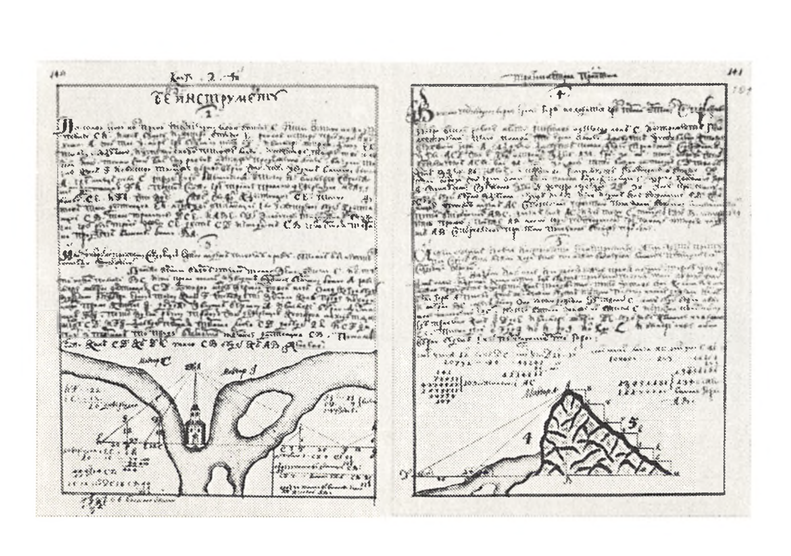
Титульный лист Арифметики Бартьенса на голландском языке



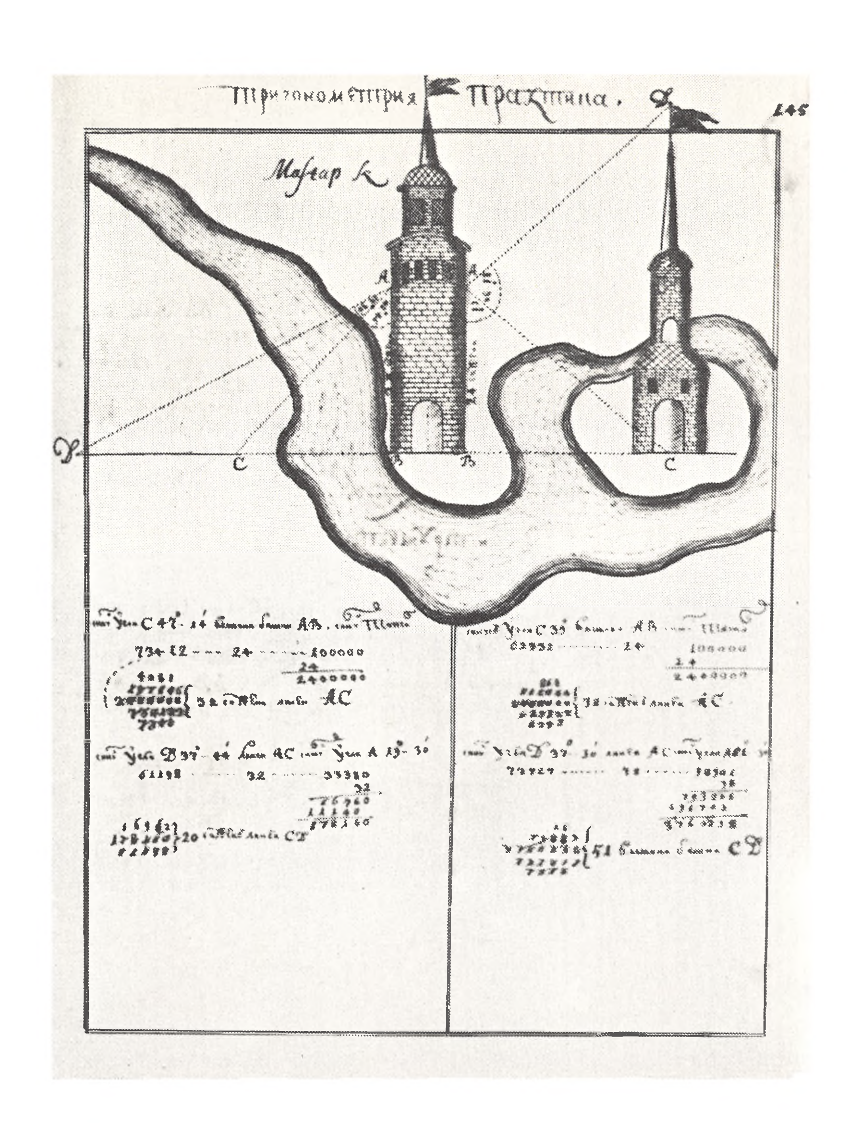
Обратная сторона верхней пергаментной обложки с владельческой надписью А. П. Ганнибала «Абрам Петров. Москва, 1711»

Посвящение Екатерине I на II томе рукописной книги «Геометрия и фортификация». 1725—1726 гг. На последнем листе рукою Ганнибала написано: «вашего императорского величества нижайший раб Абрам Петров»





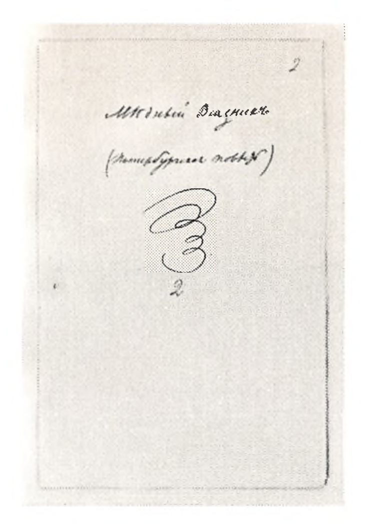
Страницы рукописной книги «Геометрия и фортификация», т. I, с. 138—139 и с. 140—141. Чертежи, по-видимому, выполнены А. П. Ганнибалом

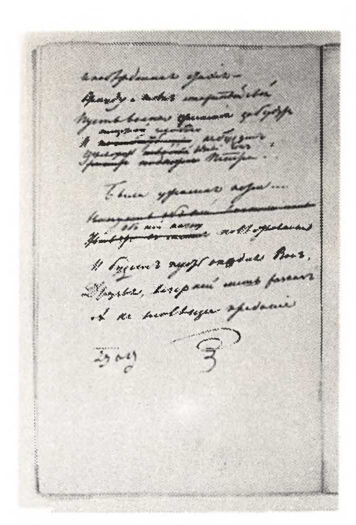


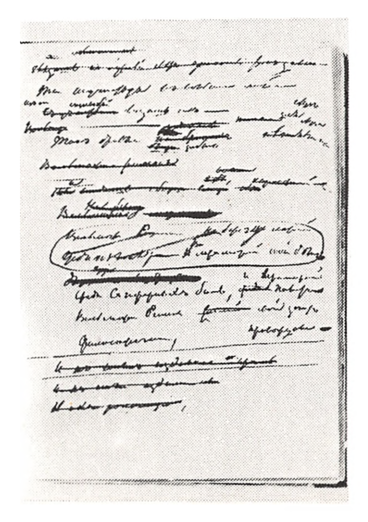
Страница 145 I тома «Геометрии и фортификации»

«Реэстр» I тома
рукописной книги «Геометрия и фортификация»

«Реэстр» II тома
рукописной книги «Геометрия и фортификация»







Вторая обложка рукописи поэмы «Медный всадник». 1833 г.

Черновик заключительных строф
Вступления поэмы «Медный всадник». 1833 г.

Черновик стихотворения «К вельможе». 1830 г.

Николай Борисович Юсупов.
Рисунок Пушкина. Титульный лист рукописи
стихотворения «К вельможе». 1830 г.

Лист из серии «Панорама Петербурга». Гравюра А. Зубова. 1716 г.

венство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания». В этих строках, представляющих один из образцов создаваемой Пушкиным исторической прозы, вместе с изображением исторической ситуации и объяснением государственных, а не личных причин ненависти Петра к сыну выразительно, одной чертой обрисованы чувства Петра.

Сообщая о пытке, которой был подвергнут Алексей по приказу Петра, Пушкин замечает: «Царевич более и более на себя наговаривал, устрашенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями». И вместе с тем, говоря о том, что на другой год после смерти царевича Алексея скончался любимый трехлетний сын царя, рожденный ему Екатериной, Пушкин пишет: «...смерть сия сломила наконец железную душу Петра». Таким образом, он отмечает перемену, совершившуюся в характере царя.

Пушкин видит самобытность и широту Петра, женившегося на Екатерине — «мариенбургской девке», которую он полюбил, «бывшей замужем за шведским трубачом, потом наложницей Шереметьева и Меншикова». И пишет в конце своей «Истории» о том, как поступил Петр, когда она изменила ему и он казнил ее любовника Монса: «Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? По крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз по просьбе любимой его дочери Елисаветы Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою». Перед нами вновь отрывок пушкинской прозы, полной драматического движения и освещающей психологию Петра. Наконец, изображая его кончину, Пушкин пишет о том, что, «кажется, при смерти помирился он с виновною супругою».

Великий писатель не прибегал в «Истории» к художественному вымыслу, но опирался на свой предшествующий опыт художника — прозаика и драматурга; он готовился изобразить Петра в борьбе с врагами и препятствиями, в действиях, выражавших характер царя — идет ли речь о государственных делах или о неотделимых от них событиях его личной жизни, раскрывая борьбу противоречивых начал, мощно сталкивавшихся в душе Петра.

Важным средством обрисовки Петра должна была служить в «Истории» речевая характеристика, материал для которой Пушкин черпал из выразительных изречений, писем и указов царя. Вот примеры. Петр из Польши писал Апраксину: «Здесь... еще все дело, как брага, бродит, и не знаем, что будет. Но ежели несчастия бояться, то счастия не будет». «Петр писал в сенат: пропущение времени, подобно смерти, — невозвратно». Выговаривая за то, что учение молодых матросов пренебрежено, Петр говорит: «...не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые».

В приводимых Пушкиным изречениях часто виден Петр — знаток и любитель текстов Священного писания. Петр нередко ссылается на примеры исторические. Пушкин приводит ответ его на надменные требования шведского короля: *«Брат мой Карл хочет быть Александром,* <но не найдет во мне Дария>» (царство которого завоевал Александр Македонский. Пушкин записывает здесь только первую часть этого изречения Петра).

Работая над созданием образа, Пушкин не ограничивался средствами собственно речевой характеристики: в своем подготовительном тексте он иногда рисует сцены, в которых передает жест и даже голос Петра. Рассказывая о том, как молодой Петр, едва не ставший жертвой заговора, «занемог горячкою», Пушкин говорит: «...многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования... Но Петр был непреклонен: *слабым, умирающим голосом* отказал он просьбе и сказал: „Надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством“» [1].

«Став главою *новых* идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства», — писал Пушкин о Петре в набросках своей статьи 1834 года.

Но, возражая против непонимания значения исторического прошлого России, сказавшегося в «Философическом письме» Чаадаева, Пушкин 19 октября 1836 года писал ему: «Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется)... Неужели все это не история... А Петр Великий, который один есть целая всемирная история!»

---

[1] Подчеркнуто нами.— *И. Ф.*

Несмотря на противоречивость преобразовательной деятельности Петра и применения им «варварских» мер, которые, на взгляд поэта, во многом подрывали достижение поставленной Петром великой цели, преобразования его были, с точки зрения Пушкина, исторически неизбежны, прогрессивны и имели великое историческое значение.

III

Выяснение круга источников, собранных Пушкиным, показывает, как глубоко и многосторонне поэт изучал Петра и его эпоху.

Пушкин знал взгляды на Петра и труды русских историков и писателей, начиная с Феофана Прокоповича, Татищева и Ломоносова, публикации и работы Миллера, Болтина и Щербатова. Ему была известна критика, которой подверглись уже в XVIII столетии преобразования Петра (продолженная позднее Карамзиным с позиций реакционных). В радищевском «Письме к другу», которое было Пушкину, по всей вероятности, известно, нашла свое выражение оценка личности и деятельности Петра с позиций революционных. Пушкин хорошо знал суждения о Петре представителей французского Просвещения — Вольтера, Монтескье, Дидро, Мабли и Руссо. Мысли Радищева развивали декабристы, взгляды которых на Петра были также, разумеется, известны Пушкину.

Чтобы исторически верно представить эпоху преобразования, Пушкин обратился, естественно, не только к сочинениям историков, публицистов и философов, но главным образом к изучению исторических источников петровского времени — многочисленным документам эпохи и запискам ее современников. Изучение сохранившейся библиотеки поэта показывает, что он собрал в ней — с большим знанием предмета — целую коллекцию источников и сочинений о Петровской эпохе. Помимо многотомного свода исторических материалов, изданного Голиковым, и десятитомного «Собрания разных записок. . . о жизни и деяниях Петра Великого», составленного Ф. Туманским, кроме изданной Новиковым в двадцати томах «Древней российской вивлиофики», в которую также входили некоторые материалы о Петре, в библиотеке Пушкина сохранилось много первоисточников, изданных на русском и на других языках; на первое

место среди них должны быть поставлены документы и сочинения, писанные либо лично редактированные Петром.

Это прежде всего «Журнал, или Поденная записка Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира», который является сочинением, где все важное, главное принадлежит самому Петру и представляет собой не что иное, как историю Северной войны, которую Петр вел против Швеции на протяжении большей части своего царствования.

Важнейшим источником должны были явиться для Пушкина письма Петра. «Большую часть писем сих, — замечает Голиков в своем труде, — великий государь писал, будучи в воинских походах — морских и сухопутных, в путешествиях своих вновь и вне государства — на почте при перемене лошадей, даже и при самых сражениях с неприятелем, и, словом, отовсюду, где он ни находился, не отлагая встречающихся ему мыслей до другого времени или места». В подготовительном тексте своей «Истории» Пушкин широко использует письма Петра, постоянно приводимые в своде Голикова, и часто ссылается на них.

Получив вышедшее в 1830 году «Полное собрание законов Российской империи», Пушкин 24 февраля 1832 года сообщал, что он обратился к нему «для совершения предпринимаемого... труда» (то есть для написания «Истории Петра»). На страницах собрания законов, многие из которых писались самим Петром, с большой полнотой отражены его государственная деятельность и вместе с тем личность Петра. В подготовительном тексте своей «Истории» Пушкин перечисляет, начиная с 1696 года, почти под каждым годом важнейшие указы Петра, упоминаемые в своде Голикова, имея в виду обратиться к ним в окончательном тексте своего труда: они должны были иметь важное значение для работы Пушкина как источник исторический.

Воспоминания современников, близко стоявших к Петру, часто именовавшиеся историческими анекдотами, привлекали особое внимание Пушкина. Он знал множество «характеристических анекдотов» о Петре наизусть и любил рассказывать их. Кроме голиковского собрания анекдотов о Петре (занимающего целый том) Пушкин хорошо знал и считал нужным использовать в своей «Истории» анекдоты о Петре, записанные Штелиным. Пушкин знал также воспоминания Неплюева о Пет-

ре и рассказы о нем Андрея Нартова — главного токаря и механика Петра Великого, пополненные впоследствии сыном Нартова рассказами, взятыми из других источников.

Восковую статую Петра, одетую в голубой кафтан, поэт видел в Петербургской кунсткамере и запомнил ее; в своей «Истории» под 1722 годом он замечает: «Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле». В библиотеке Пушкина сохранилась, кроме того, книга О. Беляева «Кабинет Петра Великого», в которой содержится «подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды собственноручных его изделий и всех вообще достопамятных вещей», лично ему принадлежавших. Описания и иллюстрации, содержавшиеся в этой книге, должны были представить для Пушкина, бесспорно, интерес как материал для изображения внешности Петра и своеобразия бытовой обстановки, характеризующей царя.

Кроме ряда сочинений, целиком охватывающих историю петровского царствования («История России при Петре Великом» Вольтера, «Житие и славные дела Петра Великого», изданное в Венеции в типографии Димитрия Феодози, «Житие Петра Великого» Антонио Катифоро в переводе С. Писарева, о котором Пушкин не раз упоминает в своей «Истории», и других), в библиотеке поэта сохранились источники, освещающие отдельные периоды и важнейшие события изучаемой им эпохи. О начале ее говорят записки современников, посвященные стрелецким мятежам, издания, освещающие историю Азовских походов, и прочее.

Большой интерес представлял для Пушкина дневник секретаря австрийского посольства Иоанна Корба, который был очевидцем стрелецких казней (и даже «измерил, — как сам пишет, — шагами длину плах»). Рукописный перевод этого редкого и в России запрещенного сочинения, печатное издание которого было вскоре по выходе сожжено в Вене по требованию представителей Петра, Пушкин получил из Государственного архива (он ссылается на «Дневник» Корба в одном месте своей «Истории»).

Шведский офицер Табберт, получивший вместе с дворянством от шведского короля фамилию Страленберг (Пушкин писал Штраленберг), возвратившись из русского плена, издал в 1730 году на немецком языке книгу

«Северо-восточная часть Европы и Азии». Полемикой со Страленбергом Голиков начинает свое Введение к «деяниям Петра Великого». В своем «Извлечении» из этого «Введения» Пушкин отметил: «Штраленберг говорит о двух сторонах, существующих в России, за и против Петра I». Пушкин записал по пунктам сущность разногласий между сторонниками и противниками Петра; кроме того, он приобрел книгу Страленберга.

«Записки» бригадира Моро-де-Бразе, участника Прутского похода Петра (1711), послужили Пушкину источником для изучения истории этого похода. Книга Моро-де-Бразе в библиотеке поэта не сохранилась, но он перевел и со своим предисловием подготовил к печати весь раздел его «Записок», «касающийся до турецкого похода 1711 года».

Из других записок иностранцев о Петре и его времени, сохранившихся в пушкинской библиотеке, необходимо упомянуть содержательную книгу Вебера, ганноверского резидента в Петербурге (известную под названием «Преображенная Россия»), и мемуары графа Дона́, изданные на французском языке в Берлине в 1833 году, которые Пушкин использовал в своей «Истории», описывая под 1709 годом свидание царя с прусским королем после Полтавской победы.

Говоря о пребывании Петра в Париже в 1717 году, Пушкин ссылается в своей «Истории» на книги Вольтера, Дюкло — французского историографа XVIII века, и историка Лемонте, которого еще в 1824 году назвал «гением XIX столетия». (Сочинения Дюкло и «История Регентства и малолетства Людовика XV» Лемонте также сохранились в библиотеке поэта.)

Написанную Вольтером «Историю России при Петре Великом» и его «Историю Карла XII» Пушкин знал с юности, а в период работы над своей «Историей Петра I» перечитывал и тщательно изучал (они входили в состав 42-томного издания сочинений Вольтера, принадлежавшего поэту). В своей рукописи Пушкин не однажды ссылается на Вольтера, имея в виду использовать содержащиеся в этих его книгах исторические данные для эпизодов, которые должны были рисовать пребывание Петра I в Париже, а также поведение Карла XII в «странном, — по словам Пушкина, — Бендерском деле» и во время осады Стральзунда. В этих местах своей «Истории» и там, где он говорит о смерти Карла XII, Пушкин указывает: «Смотри Вольтера».

Из числа других иностранных сочинений о царствовании Петра следует назвать шеститомную «Историю Петра Великого» Бергмана, на которую Пушкин ссылается в своей рукописи, касаясь заговора Цыклера. В своем экземпляре «Истории» Бергмана Пушкин разрезал страницы, посвященные казни стрельцов, измене Мазепы, Прутскому походу Петра, делу царевича Алексея, то есть разделы, говорящие о событиях, часто замалчиваемых или искажавшихся в то время официозной историографией.

«Одно из затруднений составить историю его <Петра I>, — говорил Пушкин Д. Е. Келлеру незадолго до смерти, — состоит в том, что многие писатели, недоброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия»[1]. Таким образом, Пушкин настоятельно подчеркивал необходимость критического отношения к многочисленным историческим сочинениям о Петре, которые, как мы видим, были ему хорошо известны. «Ученое сличение преданий», «остроумное изыскание истины» Пушкин, по собственным словам его, высоко ценил в работе историка. И в высокой степени сам одарен был этой способностью. Все это и дало ему возможность так далеко продвинуть свой исторический труд.

* * *

Решив написать подготовительный текст, охватывающий и излагающий год за годом события Петровской эпохи, Пушкин, как сказано, счел целесообразным всемерно воспользоваться для выполнения этой задачи многотомным сводом, изданным Голиковым, положив в основу своей работы первые девять томов этого свода, обнимающие жизнь и царствование Петра от его рождения до смерти, и критически восполняя содержащиеся здесь исторические данные сведениями, почерпнутыми из других источников.

Такой способ работы существенно облегчал подготовительный труд Пушкина, поскольку в голиковских «Деяниях Петра Великого» собрано было большинство основных источников, освещающих события петровско-

---

[1] Запись в дневнике Д. Е. Келлера 1837 г. (Сочинения Пушкина. Т. 8. СПб. Изд. Суворина, 1905, с. 587).

го царствования, известных тогда в печати. Голиков подчеркивал, что он «совсем не историк» Петра Великого, а «только усердный... собиратель материалов» о нем «и приводитель оных в хронологический порядок». Исторические источники приведены в его своде частью в нетронутом или в почти нетронутом виде, частью даны в извлечениях, частью изложены весьма близко к подлиннику. Свод его являлся поэтому для Пушкина ценным пособием, облегчавшим обращение к первоисточникам (ссылки Голикова на них Пушкин переносил в свой подготовительный текст, выделяя их в своей рукописи). Целый ряд неизданных материалов, кроме того, был впервые опубликован в голиковском своде, что придавало ему во многом значение первоисточника.

«Деяния Петра Великого» были изданы в 12 томах в 1788—1789 годах, а затем в 1790—1797 годах Голиков выпустил еще 18 томов «Дополнений» к ним. Пушкин ознакомился с «Деяниями Петра Великого» еще в 1825 году, когда внимательно читал их в Михайловском. Он пользовался «Деяниями» и «Дополнениями» к ним, уже работая над «Арапом Петра Великого» и «Полтавой»; записывая устные предания о Петре, он исправлял неточности в «Анекдотах» о нем, изданных Голиковым, и, таким образом, хорошо знал его монументальный труд задолго до того, как приступил в 1835 году к составлению подготовительного текста «Истории Петра».

Свод Голикова вместил огромное количество ценных материалов, но страдает неполнотой и даже искажает исторические данные при освещении многих событий петровского царствования. Объясняется это не только тем, что ряд источников остался неизвестен Голикову (поскольку он не имел, в частности, доступа к секретным архивам). Стремление Голикова охватить источники в возможной полноте лишь в редких случаях смягчает его апологетическую тенденцию. Утверждая, что, как государь, Петр Великий недостатков не имел и поэтому критике не подлежит, Голиков нередко сознательно опускал источники, освещающие отрицательные стороны личности и деятельности Петра. Кроме того, у Голикова встречаются фактические ошибки («Все описание Нарвского сражения в Голикове ошибочно», — пишет, например, Пушкин).

Рассуждения, которыми Голиков сопровождает приводимые им источники, являются, по собственному его признанию, панегирическими. Пушкин в своей «Истории»

называет их «простодушными» и обычно игнорирует. Он сумел, однако, чрезвычайно широко и проницательно воспользоваться громадным историческим материалом, собранным в голиковском своде.

Созданный Пушкиным подготовительный текст «Истории Петра», как мы знаем, принято было до недавнего времени называть «выписками-конспектами», сделанными поэтом при чтении «Деяний Петра Великого». Между тем, следуя хронологическому порядку, в каком Голиков расположил исторические источники (часто известные Пушкину и помимо Голикова), Пушкин создавал подготовительный текст, много более высокий по своему значению, нежели «выписки-конспекты».

«Выписки» в пушкинском подготовительном тексте сравнительно редки; в тех случаях, когда Пушкину необходим был для будущей «Истории» текст (а не только сущность) исторического документа, он, не выписывая его, отмечал обычно в своей рукописи том и страницу «Деяний Петра Великого», на которой воспроизведен нужный ему документ, либо кратко указывал на отсутствующий у Голикова исторический источник, касающийся событий, которые Пушкин считал нужным осветить в своей будущей «Истории».

Вместе с тем он не «конспектировал» собранные в своде Голикова источники, а на основе критического чтения их стремился установить, как в действительности происходили важнейшие исторические события петровского времени. Результатом работы Пушкина является поэтому текст, представляющий собой рабочую основу его будущей книги — местами уже развернутой и переходящей в исторический рассказ.

Чем же является в действительности подготовительный пушкинский текст? Он неоднороден по своему составу и нуждается поэтому в дифференциации.

Мы приводили образцы прекрасной исторической прозы, обнаруживаемые нами в обширном подготовительном тексте «Истории Петра». К числу их принадлежат кроме страниц, рисующих исторические замыслы Петра и Петра — основателя Петербурга, описание взятия Нарвы, начало раздела, посвященного «Делам персидским», строки о разрыве Петра с Екатериной и близкие к завершению страницы, изображающие смерть Петра.

Эти и другие, подобные им страницы предназначались, по-видимому, для перенесения в окончательный

текст «Истории Петра». Бóльшая же часть ее подготовительного текста писана была Пушкиным, как было сказано, для себя, сокращенно, вчерне; эти страницы представляют собой закрепленные Пушкиным иногда сжато, иногда развернуто программы, точней, конспективно данные наброски задуманных поэтом исторических сцен и эпизодов (то есть частей его будущей книги о Петре).

Способы сжатой записи, применявшиеся Пушкиным, затрудняют чтение, этого рода черновых текстов; однако они писаны так, что их можно все же прочесть и понять содержание их, главным образом с помощью облегчающих выполнение этой задачи исторических источников, на которых основывается и на которые большей частью тут же указывает сам Пушкин, имея в виду использовать их в своей книге. Таким образом, эти пушкинские тексты не только требуют раскрытия, но и поддаются ему.

Поэтому перед нами открывается возможность раскрыть содержание многих еще только намеченных Пушкиным исторических истин, какими он видел их и какими думал представить в своей «Истории Петра».

Но независимо от того, являются ли страницы подготовительного текста готовой или почти готовой исторической прозой или страницами, на которых Пушкин только закрепил тем или иным образом свои замыслы и решения, — все это творческие тексты, занявшие ныне по праву почти целый том в собрании его сочинений.

Стремясь установить, как совершались в действительности исторические события, скрываемые официозной историографией, и освещая «крутой и кровавый переворот», совершенный Петром, Пушкин обращался в своей истории к источникам, отсутствовавшим в голиковском своде, в том числе к источникам, труднодоступным и даже совсем недоступным в то время другим русским историкам.

Уже в самом начале своей «Истории», описывая поспешное бегство Петра в Троицкий монастырь (когда царевна Софья в августе 1689 г. «предначертала... новый мятеж»), Пушкин ссылался на не изданные в его время страницы дневника Патрика Гордона, где рассказывается о том, как Петр «с великой поспешностью вскочил с постели, не надев сапог, и — в конюшню, где велел оседлать себе лошадь, и отправился в соседний лес, куда ему доставили одежду».

Говоря далее, под 1718 годом, о судьбе бывшей царицы Евдокии (матери царевича Алексея), Пушкин замечает: «Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу». Голиков же о «бичевании» царицы умалчивает, хотя сам ссылается в сноске на ту страницу «Венецианской истории», где содержатся сведения о жестоком наказании, которому была подвергнута Евдокия. Источник этот Пушкину был известен и, как видим, использован им.

«Камнем претыкания» для историка Петра называет Голиков дело царевича Алексея. В столкновении Петра с Алексеем, окончившемся гибелью царевича, воплотилась борьба побеждающей молодой России, олицетворением которой был в глазах Пушкина Петр, с реакционной оппозицией, видевшей в царевиче свою надежду. Не становясь как историк на сторону Алексея, Пушкин стремился, однако, выяснить действительную картину событий, связанных с процессом и смертью царевича, которые оставались в то время неизвестны историкам.

Пушкин располагал «Объявлением розыскного дела», то есть печатным сборником документов о процессе Алексея, опубликованным Петром, где о многом, разумеется, умалчивалось.

Голиков в своем своде старался представить дело так, будто «розыск», которому подвергся царевич, не означал пытки. Вольтер в своей «Истории» также молчит о ней.

Законодательство петровского времени предусматривало применение пытки: официальные источники того времени умалчивали о ней только потому, что дело шло о наследнике русского престола и Алексей был пытан по приказу отца.

Пушкину известны были различные предположения и догадки зарубежных историков о процессе и смерти царевича Алексея. Но для того чтобы выяснить истину, он счел нужным ознакомиться с подлинным строго секретным тогда следственным делом царевича, хранившимся в Государственном архиве. В своей «Истории» Пушкин основывался на документах этого «страшного, — по его словам, — дела». Сопоставление текста «Истории Петра» со страницами следственного дела царевича Алексея, хранящегося ныне в Центральном Государственном архиве древних актов, дало нам возможность установить, откуда почерпнул Пушкин свои све-

дения о скрываемых в его время обстоятельствах следствия и суда над царевичем. «Смотри подлинник», — указывает Пушкин в своей рукописи, ссылаясь тем самым на секретную архивную выписку из следственного дела царевича, сделанную по приказу Петра. Пушкин упоминает и о «своеручных» ответах Алексея на вопросы Петра, «сначала — твердою рукою писанных, а потом после кнута — дрожащею». То есть Пушкин обнаруживает здесь, как видим, знакомство с одним из самых секретных документов следствия, обращая внимания на выразительный внешний вид его.

Мы убеждаемся, таким образом, что Пушкин не только нашел доступ к хранившемуся в глубокой тайне архивному делу царевича, он, хотя в связи с катастрофической судьбой рукописи «Истории Петра» это оставалось неизвестным в течение столетия, был первым историком, правдиво осветившим на основе подлинных документов дело царевича Алексея и написал, пусть еще только вчерне, историю этого дела, которым закончилось трагическое столкновение Петра и Алексея. Выяснив картину следствия, Пушкин не получил, однако, доступа к документу, позволяющему судить о причине смерти Алексея, умершего, по официальной версии, от апоплексического удара после того, как ему был объявлен смертный приговор. Отвергая это объяснение, Пушкин принял версию о смерти его, изложенную в недостоверных «Записках капитана Брюса», и потому писал в «Истории Петра», что «царевич умер отравленный». Между тем Алексей, судя по всему, умер, не выдержав пыток, которым был подвергнут в присутствии отца уже после объявления смертного приговора: Петр опасался, видимо, что царевич унесет в могилу имена сообщников, еще им не названных.

Важным — и замалчиваемым официозной историографией — был также вопрос о событиях, сопровождавших смерть Петра и воцарение Екатерины I. Петр, по словам Пушкина, «уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца», установив манифестом 5 февраля 1722 года, что самодержец вправе назначать наследником кого пожелает. За год до смерти Петр короновал Екатерину, как свою супругу, но умер без завещания, не в силах будучи произнести на смертном одре имя своего преемника и оставляя государство на произвол борющихся между собою за власть дворцовых партий.

С вопросом о правах Екатерины на русский престол и историей ее воцарения тесно связаны были события, происшедшие почти перед самой смертью Петра: неожиданный разрыв его с Екатериной и казнь Монса. Рассказывая о них в своей «Истории», Пушкин пишет: «Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за него просить... Петр был неумолим». Далее Пушкин сообщает о последовавшем разрыве Петра с Екатериной, обнаруживая, таким образом, полную осведомленность о существе этого чрезвычайно интересовавшего его дела и освещая выразительные подробности его.

Характеризуя методы работы Пушкина над подготовкой «Истории Петра», необходимо отметить, что не только Голиков, умалчивающий о действительной причине казни Монса, но и Вольтер, располагавший рукописными мемуарами, освещавшими дело Монса и историю воцарения Екатерины I, не решался воспользоваться своими источниками и раскрыть правду. За это его сурово упрекал французский историк Кастера, рассказывая о казни Монса и гневе Петра во Введении к своей «Истории Екатерины II». Пушкин хорошо знал книгу Кастера (так же как книгу Сегюра, сообщавшего те же сведения; обе они сохранились в библиотеке поэта). Но он имел, кроме того, возможность проверить рассказы французских историков, обратившись к рукописным источникам, хранившимся среди собранных Вольтером «Материалов по истории России». Получив доступ в библиотеку Вольтера, Пушкин мог прочесть и прочел, по-видимому, здесь рукопись так называемых записок Вильбуа, где рассказана была история Монса и Екатерины.

Здесь же, в библиотеке Вольтера, Пушкин получил возможность ознакомиться и, по-видимому, ознакомился с рукописью «Записок» Бассевича (министра герцога гольштейнского, «бывшего тогда в Петербурге», как отметил Пушкин в своей «Истории Петра»). «Записки» Бассевича являлись важнейшим и долгое время почти единственным источником, раскрывающим действительную историю воцарения Екатерины I.

Бассевич рассказал в них о сговоре сторонников Екатерины во главе с Меншиковым, которому деятельно помогали кабинет-секретарь Макаров и Феофан Прокопович; они действовали против сторонников возведения на престол малолетнего Петра (сына царевича Алек-

сея), стремившихся к восстановлению допетровских порядков. Свидетель и участник этой борьбы, Бассевич откровенно сообщал о средствах, которые были применены Меншиковым и его партией: сенаторам, генералам и боярам, собравшимся во дворец, было сказано, что казна, крепость, гвардия и синод находятся в распоряжении императрицы. Противникам ее дан был совет сообразоваться с этим, «если они дорожат своими головами»; «...вслед за тем раздался бой барабанов обоих гвардейских полков, окружавших дворец», и прочее [1].

Строки, посвященные Пушкиным в «Истории Петра» возведению на престол Екатерины I, подтверждают, что он знал, как оно совершилось; он пишет: «Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощию Феофана и тайного советника Макарова»). Публикуя больше ста лет назад отрывок, посвященный Пушкиным смерти Петра, Анненков принужден был поэтому исключить из него смелые пушкинские строки, говорящие о том, что Екатерина была возведена на престол «велением Меншикова».

Судьба рукописи «История Петра», ее творческая история, круг источников Пушкина и вопрос о характере текстов, входивших в ее состав, подробно рассмотрены в исследованиях о ней, вошедших в нашу книгу «Незавершенные работы Пушкина» [2].

* * *

«В Пушкине было верное понимание истории... Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость», — говорил друг поэта Вяземский по поводу работы его над «Историей Петра», поясняя: «Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению» [3]. Изучение подготовительного текста «Истории Петра» подтверждает этот вывод современника.

Общие контуры задуманной Пушкиным «Истории» были уже достаточно ясны. Он успел собрать, изучить

---

[1] «Русский архив». 1865, с. 259—271.
[2] Изд. 1-е. М., 1955; изд. 6-е. М., 1976.
[3] П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1879, с. 373.

и предварительно обработать поистине огромный исторический материал. В написанном им обширном подготовительном тексте отражена выработанная им общая историческая концепция, ставшая для Пушкина основой оригинальной художественно-исторической концепции, в свете которой различимы пушкинская обрисовка Петровской эпохи и создаваемый им образ Петра. Поэтому, несмотря на черновой характер пушкинского труда, мы вправе рассматривать «Историю Петра» как во многом подготовленное уже, хотя далеко не завершенное, произведение Пушкина.

Созданный подготовительный текст давал Пушкину возможность быстро написать «Историю Петра». Пушкин предполагал перенести в свою «Историю» уже написанные, готовые или почти готовые страницы, развернуть вместе с тем свои рабочие программы и наброски, композиционно перегруппировать и восполнить весь подготовленный им обширный материал и таким образом превратить весь свой текст в законченный исторический рассказ.

Сожалея о Пушкине как об историке, не завершившем своих работ, А. И. Тургенев писал: «... он... знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон... любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории» [1]. «Зная коротко Пушкина (и мое мнение разделено Жуковским, Вяземским, Плетневым), — подчеркивал Н. М. Смирнов, — я уверен, что он вполне удовлетворил бы строгим ожиданиям публики, ибо... он имел высокий, проницательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду малейших обстоятельств в самых дальних предметах, высокоблагородную душу, большие познания в истории — словом, все качества, нужные для историографа, к которым он присоединял еще свой блистательный талант как писатель» [2]. Таковы были свидетельства и надежды близких поэту современников.

О своей исторической трагедии «Борис Годунов» Пушкин сказал, что он в ней стремился «облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории». В «Истории Петра» новая, исполненная глубокого драматизма историческая эпоха долж-

---

[1] «Русский архив». 1903, кн. I, с. 143.
[2] «Русский архив». 1882, № 2, с. 229—230.

на была быть облечена в формы строго исторического и вместе художественно строящегося повествования. В работе над ней, так же как и в других сферах пушкинского творчества, сказались реализм исторического мышления Пушкина и глубоко раскрывающееся и воссоздающее историческое прошлое новое реалистическое искусство, создателем которого являлся великий поэт. Смерть оборвала его работу, и последний исторический труд Пушкина остался незавершенным.

1977

ЧЕРНОВИКИ ПОЭТА

Еще Анненков сказал, что в своих тетрадях Пушкин потрудился оставить нам почти всю историю своей души, почти все фазы своего развития и даже свои мимолетные мысли.

До нас дошли разговорные тетради Бетховена, который был глух, и потому собеседники в этих разговорных тетрадях писали ему то, что хотели ему сказать, а Бетховен отвечал устно, и ответы его уже в тетрадях не нужно было записывать. Музыковеды, историки музыки научились читать эти тетради Бетховена и по уцелевшей половине диалога понимать, что отвечал Бетховен.

Тетради Пушкина в более счастливом положении. Я имею в виду рабочие творческие тетради, изучая которые мы как бы присутствуем при процессе его творчества. Когда в наше время — это произошло только в советский период — наши замечательные текстологи научились читать черновики Пушкина, им удалось до конца прочесть сотни страниц его черновых вариантов, которые прежде прочитать не удавалось.

Разумеется, как ни поражает этот количественный результат, мы должны ответить на вопрос — каково качественное значение этого драгоценного пушкинского материала?

Перед нами не новое завершенное произведение, а черновое, то есть оставленные Пушкиным в черновиках ранние редакции многочисленных вариантов или незавершенные произведения.

Нужно прежде всего указать на различную природу тех текстов, которые мы объединяем под понятием черновые.

Ряд черновых редакций и вариантов представляют интерес в том смысле, что изучение их позволяет нам понять творческую историю — историю создания Пуш-

киным ряда произведений. Это одна часть черновиков и вариантов.

Но есть у Пушкина другие черновики, те, о которых мы вправе сказать, что они ценнее беловиков. Это те черновики, где Пушкин писал все то, что он хотел сказать, а затем, из опасений цензуры, он писал беловики, а черновики оставались в портфеле. Природа этих черновиков другая.

И наконец, должен сказать о третьей ценности этих новых текстов. Есть у Пушкина такие черновые, недавно опубликованные тексты, которые сами по себе не имеют художественного значения, но которые являются важнейшим, первостепенным материалом, помогающим нам воссоздавать недостающие слагаемые пушкинского творчества — составить себе представление, чем являлись такие произведения, которые вовсе не дошли до нас, как, например, его сожженные автобиографические записки, или позволяют нам, изучая историю Петра, увидеть, чем должен был стать этот великий незавершенный труд.

Таким образом, мы видим, что необходимо знать эти черновики, эти варианты, и не только для изучения отдельных произведений, но и для того, чтобы яснее представить себе всю историю творчества Пушкина и недостающие слагаемые пушкинского текста.

Первым актом исследования являлось — прочесть и опубликовать эти материалы.

Но для того чтобы этот драгоценный материал перестал быть мертвым капиталом, потому что в таком виде, как он напечатан, его читать нельзя, нужен второй акт исследований.

Нужно изучить эти черновики и соотнести с основным текстом, дифференцировать этот текст и посмотреть, как меняется наше представление о границах творчества Пушкина.

Начнем с той части этих текстов, которые позволяют нам судить о творческой истории произведений Пушкина и, если говорить о лирике, проливают новый свет на жизнь и судьбу самого поэта.

Большинство дошедших до нас вариантов — это такие варианты, которые мы должны назвать вариантами локального значения. Изучение их показывает, как Пушкин работал над данной строфой, над данным местом своего произведения.

Когда Жуковский впервые увидел черновые рукопи-

си Пушкина (после смерти поэта Жуковский вместе с Дубельтом по приказу Николая I опечатывал и просматривал рукописи Пушкина), то его поразило большое количество черновиков и еще большее количество помарок. Он с удивлением писал, что нет строки, которая не была бы по несколько раз перемарана, и что как раз те стихи, которые, казалось, живыми выпрыгнули на бумагу, они и стоили Пушкину большего труда.

Вспомним замечательные слова Гоголя в «Портрете»: «Все непринужденное и легкое художнику достается слишком принужденно и есть плод великих усилий».

То же самое говорил и Федотов: «Будет просто, если сделаешь раз со сто».

Гоголь сказал о Пушкине: «Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание. . .»

Как же достигался этот удивительный результат?

Конечно, «Онегин», как о том писал еще Белинский в своих прекрасных статьях о Пушкине, законченное произведение, но оно закончено в том виде, в каком Пушкин вынужден был его закончить по условиям своего времени. Декабристская часть «Онегина» осталась либо в зашифрованном виде (в десятой главе), либо вообще не получила воплощения. И когда мы читаем «Онегина» вместе с рукописными вариантами, вместе с отрывками, сохранившимися из сочиненной десятой главы, разумеется, наше впечатление о замыслах Пушкина и о его творчестве значительно расширяется и обогащается.

Когда изучаешь рабочие тетради Пушкина, становится ясно, что то, что мы читаем, то, что нам известно как окончательный текст пушкинского произведения, это не только результат его поэтического труда, это выбор художественного решения. Ведь не всегда существовал «Онегин» и «Медный всадник», а нам это даже трудно представить себе, и работа Пушкина заключалась в создании замысла и в выборе творческого решения. Читатели и друзья упрекали Пушкина в том, что он «Онегина не дописал». Но так продолжать роман, как советовал «любезный Плетнев», Пушкину не хотелось, а продолжить его так, как он сам хотел, нельзя было.

Белинский писал, что «Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле этого слова, хотя в ней

не выведено на сцену ни одно историческое лицо. Он не мог знать, что декабристы появлялись во второй части «Евгения Онегина» (в восьмой и десятой главах).

Только в XX веке была найдена и расшифрована десятая глава, и лишь совсем недавно, в 1940 году, мы узнали, что в бывшей восьмой главе «Онегина» начиналась вторая, политическая часть «Онегина» — аракчеевские военные поселения.

Конечно, «Евгений Онегин», так, как он дошел до нас, есть произведение законченное, но оно закончено в вынужденно ограниченном объеме — закончено не так, как хотелось бы Пушкину. Хотя он, как великий художник, сумел и в этих пределах создать великое законченное произведение. Но наше время, которое снимает многие исторические споры, многие великие недоразумения (если только можно назвать недоразумения «великими»), снимает и спор об Онегине.

Когда явился Писарев, он ожесточенно напал на Белинского, назвавшего пушкинский роман в стихах «энциклопедией», за столь высокую оценку «Онегина». Как можно, спрашивал он, назвать «Онегина» энциклопедией русской жизни, когда там нет крепостного права и борьбы с ним, а лица, которые там выведены, посещают балет, ресторан, разновременно влюбляются друг в друга...

Крепостническая крестьянская Россия не обойдена в «Онегине». Это роман о судьбах людей, жизнь которых определена крепостным строем. И Герцен сказал, что Онегин есть следствие того страшного разрыва между Россией образованной и Россией народной, а Ленского Герцен назвал «другой жертвой русской жизни».

Но Писарев не знал и не мог знать, что во второй части «Евгения Онегина» были аракчеевские военные поселения — квинтэссенция крепостного права; там были декабристы, которые выступали против самодержавия и крепостного права. То есть мы вправе сказать, что все это у Пушкина было в «Онегине» и не вина поэта, а историческая наша беда в том, что Пушкин жил «под гнетом власти роковой» и что об этом до нас дошли только отрывки, впрочем достаточные для того, чтобы иметь представление о том, что должна была по замыслу великого поэта представлять из себя эта энциклопедия русской жизни в целом.

Черновики «Евгения Онегина» показывают нам, что такими, какими мы знаем героев, они стали не сразу.

Начнем с детства героя. Мы читаем во второй главе о гувернере Онегина. Сначала в черновиках мелькнул «Мосье Швейцарец очень умный». Потом им стал

> Monsieur l'Abbé француз убогой,
> Чтоб не измучилось дитя,
> Учил его всему шутя.

И про него в печати сказано:

> Когда же юности мятежной
> Пришла Евгению пора,
> Пора надежд и грусти нежной,
> Monsieur прогнали со двора.

Почему так грубо? Черновой вариант этих стихов объясняет, почему мосье прогнали (или «согнали») со двора:

> Когда же юности мятежной
> Пришла Онегину пора,
> (Мосье же стал наперсник нежный)
> Monsieur согнали со двора...

В вариантах второй главы было сказано обидней — теперь Онегин «ученый малый, но педант». Раньше же было: «В нем дамы видели талант». Пушкин прочил ему разных гувернеров.

Но вот роман становится серьезнее. Отношение Пушкина к тогдашней русской действительности все более выражается не в иронических замечаниях, а в раскрытии судьбы героев: Онегина, Ленского, Татьяны. И мы переходим ко второй главе.

Прежде всего Ленский. Обращали ли вы внимание, что оценка Ленского как поэта невысока? О его поэзии в печатном тексте сказано:

> Так он писал *темно и вяло*...[1]
> Он в песнях гордо сохранил
> Всегда возвышенные чувства,
> Порывы девственной мечты
> И прелесть важной простоты.

Почему двоится образ Ленского и поэта? Потому, что это следы первоначальной черновой обрисовки. И действительно, давно известно, что Ленский, о котором теперь сказано, что он «поклонник Канта и поэт», раньше был «крикун, мятежник и поэт».

В черновиках ко второй главе было сказано: «Но чаще гневною сатирой // одушевлялся стих его». Это

---

[1] Подчеркнуто Пушкиным. — *И. Ф.*

была политическая сатира, и тогда становится понятным, почему Пушкин говорит о судьбе Ленского, что он мог быть повешен, как Рылеев.

Еще более резким превращениям подверглось семейство Лариных.

Мы читаем о старике Ларине, когда Ленский приходит на его могилу:

Он был *простой и добрый* барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир[1].

Раньше в черновиках он вовсе не был «простой и добрый барин»:

Супруг — он звался Дмитрий Ларин,
Невежда, толстый, хлебосол

. . . .

Был настоящий русской барин.
Немного скуп,
Отменно добр и очень глуп.

Жизнь Лариных была тоже изображена совсем иначе. В печатном тексте:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод...

Патриархальные, старосветские, но чем-то милые помещики.

В черновике было сказано:

Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
По праздникам обедню слушать,
Всю ночь храпеть, а днем зевать.

Другая жизнь, другие люди.

В «Онегине» говорится об их гостях:

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья...

---

[1] Последние три строки подчеркнуты Пушкиным. — *И. Ф.*

Раньше при сатирической обрисовке было сказано:

Под вечер у него сходилась
Соседей милая семья
Исправник, поп и попадья...

Но особенно изменилась под пером Пушкина обрисовка матери Татьяны. В романе рассказана история ее жизни и говорится о ее молодости:

В то время был еще жених
Ее супруг, но поневоле;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу; —
Но не спросясь ее совета,
Девицу повезли к венцу.
И чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она.

Это очень грустная сентенция.

Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по суботам,
Служанок била осердясь;
Все это мужа не спросясь.

В первом издании «Онегина» сказано, что написано «Как Простакова управлять» и что это ошибка. В действительности это, конечно, не типографская ошибка, а след первоначальной обрисовки Лариной.

В первоначальном варианте, в черновике о ней было сказано гораздо резче:

Секала [...], брила лбы,
Ходила в баню по суботам.

Это было приведено Пушкиным для того, чтобы сказать про грубость барыни.

Когда вы посмотрите второе издание главы «Онегина», то увидите, что там приложен список ошибок и опечаток, которые Пушкин считал нужным исправить. И только в печатном тексте убрал этот ставший ненужным след первоначальной резко сатирической обрисовки Лариной.

Естественно задать вопрос: почему Пушкин произвел такую перемену? Ведь Простаковы фонвизинские не были запретным произведением. В «Онегине» Пушкин постепенно оставил сатирически изображенными только персонажи третьего плана. Почему? Потому что в семье Простаковых не могла явиться Татьяна. Там, в лучшем случае, могла вырасти Ольга; потому что в семье Простаковых вырос недоросль — Митрофан. И Пушкин дал Татьяне такую семью, в которой она могла действительно явиться.

Когда рассматриваешь рисунки Пушкина на полях его рукописей, рисунки эти кажутся иногда иллюстрациями к «Мертвым душам». Пушкин видел Россию Гоголя, видел гоголевские свиные рыла. Но его искусство другое. Искусство Гоголя — это увеличительное зеркало сатиры. А о поэзии Пушкина Гоголь верно сказал, что Россия отразилась в поэзии Пушкина в той очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Когда мы читаем рукопись «Медного всадника», мы видим, как решал Пушкин как художник свои высокие идейно-художественные задачи.

Белинский сказал как-то, что есть у мастеров кисти картины, которые ценят за их колорит. Колоритом решает художник свою задачу, выражает содержание картины.

И вот подумайте о том, каков колорит в поэме «Медный всадник».

Ненастный, бурный, дождливый день, мрачная осень; а все другие времена года и красота Петербурга вынесены во Вступление к поэме, где сказано:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз.

Там говорится о красоте белых ночей:

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады
И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Пушкин в отличие от поэтов, которые стремятся подчеркнуть смелость и оригинальность своих художественных средств, наоборот, стремится несколько прикрыть смелость своих эпитетов и метафор.

Золотые небеса — не очень обычный, скорей гомеровский эпитет, а у Пушкина он звучит естественно — не поражая нашего слуха:

И не пуская тьму ночную
На золотые небеса.

(В черновике сначала было «на голубые небеса».)

Когда Пушкин рисует наводнение, ненастье, он говорит, что тяжкий вал (сначала было — серый вал) плескал в гранит. А еще раньше было сказано: *синий* вал плескал в гранит. Но поэт решил, что «синий вал» создал бы совсем другой образ Петербурга — Петербурга «золота в лазури», и тут он неуместен. И Пушкин написал наконец: *тяжкий вал*. Пушкину нужен был другой Петербург — и вместо синего вала появляется серый тяжкий вал. Здесь не тот образ Петербурга, который является нам в стихах Языкова:

Там, где картинно огибая
Брега, одетые в гранит —
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит...

Иначе шумит и бьется тяжкий вал ее в петербургской повести Пушкина.

Скажу подробнее об этих вариантах.

Там, где теперь читаем:

Невы державное теченье,
Береговой ее гранит

раньше было так:

Невы *широкое* теченье
. . . .

И затем:

В гранитный вал втекла Нева.

Это — крепость. Столица, которая сначала была создана как крепость. А потом надобность в ней миновала. И она стала мрачной тюрьмой. Пушкин рисует Петербург после ненастья:

...Утра луч
Из-за усталых темных туч
Блеснул над тихою столицей.

Но Пушкин написал вместо того:

Из-за усталых, *бледных* туч
Блеснул над тихою столицей.

Он пробовал краски и после наводнения увидел облака другими.

Николай I целиком зачеркнул в «Медном всаднике» десять стихов:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

И не скоро эти стихи увидели свет. А там, где Пушкин написал об угрозе Евгения памятнику Петра:

«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав,—
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился...

(В черновике сказано было: «Евгений в бешенстве упал»), — там Жуковский после смерти Пушкина все изменил и написал:

...он... мрачен стал.
Пред дивным русским великаном.
И перст свой на него подняв,
Задумался. Но вдруг стремглав
Бежать пустился...

Вступление к «Медному всаднику» открывается словами:

На берегу пустынных волн
Стоял *он*, дум великих полн [1],
И вдаль глядел.

---

[1] Подчеркнуто Пушкиным.— *И. Ф.*

Вначале же Пушкин написал:

На берегу *варяжских* волн...
...На берегу *балтийских* волн
Стоял, задумавшись глубоко,
Великий царь... (Великий муж...),

а потом стало:

На берегу пустынных волн (еще не названных).

Сначала Пушкин написал:

Из Ливерпуля и Сардама
Сюда по северным волнам
Всемирны флаги придут к нам —
И заторгуем на просторе...

а потом сказал:

И запируем на просторе.

Когда входишь в Летний дворец Петра в Ленинграде и видишь сперва его кафтан, повешенный на гвоздь, то как-то невольно отшатнешься, кажется, что это кафтан Гулливера.

1703 год — год основания морской столицы, Петербурга, и это тот год, когда Гулливер вступил на берег страны Великанов.

Искусство, особенно поэзия, такая волшебная область, что когда поэт сообщает, что он о чем-то говорить не будет и описывать нам то, о чем он не будет говорить, то все это присутствует на полотне художника.

Вот молодой 23-летний Пушкин пишет стихотворение, в котором создает поэтический обзор минувших исторических событий. Александр I изображен в своих чертогах. Ему предстоит видéние, он видит великого полководца, который так описан Пушкиным:

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя...

Сначала кажется — это Кутузов, а оказывается — это Наполеон, постаревший на острове св. Елены, о котором сказано:

Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

Пушкин знает, каким стал Наполеон в изгнании: обрюзгший, отрастивший бороду, которого можно было

рассмотреть с корабля в подзорную трубу во время его ежедневной прогулки.

(Позднее Толстой описал Наполеона в «Войне и мире» как еще не старого, которому камердинер обрызгивает жирную грудь одеколоном.) В поэзии Пушкина Наполеон представлен обычно иначе. Хотя поэт сам сказал о нем: «Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман» — и оставил герою сердце, добавив: «Что же он будет без него? Тиран. . .»

Все мы знаем вторые «Воспоминания в Царском селе», которые Пушкин написал взрослым, а теперь оказывается, что в черновике этого стихотворения удалось разобрать замечательное продолжение, посвященное 1812 году.

Вот эти стихи, теперь напечатанные:

Среди святых воспоминаний
. . . .
Россия двинулась и мимо нас летят
И тучи конные и пыльная пехота
(*тяжкая* пехота).

(Так и в «Полтаве» сказано:

Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И *тяжкой* твердостью своею
Ее стремление крепит.)

Россия двинулась и мимо нас летят
И тучи конные... *брадатая* пехота
И медных пушек светлый ряд.

Петр брил бороды, и недаром Денису Давыдову нужно было отрастить бороду для того, чтобы не так отличаться от тех, к кому обращался он с призывом встать на защиту России.

Пушкин вспомнил бородатое народное ополчение в год, когда Россия двинулась навстречу Наполеону. И когда кто-то из бар в Москве вздумал смеяться над бородами русских мужиков, им ответили: народ, отстоявший при Петре свою бороду, отстоит свою Родину.

О 1812 годе Пушкин пишет в оде на смерть Наполеона:

Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

А в одной из рукописей сказано иначе:

В Москве не царь, в Москве Россия!
Война по гроб наш договор.

Вот где началось противопоставление народной войне Александра I, о котором он сказал: «Нечаянно пригретый славой... Под Аустерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал!»

И неудивительно, раз «в Москве не царь, в Москве Россия», когда Пушкин в Онегине пишет свои знаменитые стихи, обращенные к Москве, то в черновике:

В изгнаньи, в горести, в разлуке,
Москва! как *помнил я* тебя,

Потом:

Москва, как *жаждал я* тебя.

Еще иначе:

Москва, как *я любил* тебя.
Святая родина моя!

Потом:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца *моего* слилось!..
Как сильно в нем отозвалось!

И, оставив в черновой рукописи эти строки, написал:

Для сердца *русского* слилось!..

То есть сказал, что речь идет о каждом русском сердце.

Мы знаем стихи Пушкина:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

В рукописи, прежде чем Пушкин нашел слова, которые можно было назвать его девизом, было сказано так:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей

(Равнодушное терпенье)
(Равнодушное презренье)
(Терпеливое презренье)
(окажу ль судьбе презренье)

Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Когда читаем стихотворение Пушкина «К вельможе», вспоминаются слова Белинского, который так хорошо сказал, что в лице одного представителя XVIII века Пушкин гениально изобразил целое XVIII столе-

тие. Как ни близка была еще Россия XVIII века, которую видел Пушкин в лице князя Юсупова, когда посетил его дворец в Архангельском, он был для него уже лицом историческим.

Но вот мы приходим туда, ходим по залам этого прекрасного дворца. Помните, как Пушкин описывает его в начале послания «К вельможе» (несколько казалось бы, устаревшим александрийским стихом, шестистопным ямбом)?

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет эфир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученый прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Пушкин описывает встречу с Вольтером и говорит о нем:

С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его *вкусил,* земных богов напиток.

В рукописи же сначала было чувственней сказано:

Ты лесть его *глотал* земных богов напиток.

Вы помните, вероятно, прекрасный мадригал, посвященный Пушкиным Зинаиде Волконской. Пушкин окончил его стихами:

Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Портрет Каталани — черной, худой и горбоносой итальянки — висит и сегодня в одном из залов Архангельского дворца. Там и увидел, вероятно, Пушкин этот прекрасный портрет.

Послание Пушкина «К вельможе» некоторые современники приняли за лесть Юсупову. Над этим недоброжелательным и вместе с тем наивным отношением к поэту посмеялся Белинский.

Современникам Пушкина было тогда непонятно также, что Пушкин возвысился до понимания того, что портрет человека можно строить на раскрытии противоречий, которые живут в одном и том же человеке.

Между тем Пушкин сам сформулировал этот свой художественный принцип. Говоря о бюсте Александра I, он сказал:

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

Арлекин разделен на две половины: одна половина у него одного цвета, другая контрастного, — другого, то есть совсем иная.

Черновики Пушкина показывают, как создавал он в Полтаве образ Петра.

Петр является только в торжественные мгновения — в бою, на победном пире. В бою он дан таким же сверхкрупным планом, как на огромной мозаической картине Ломоносова. Даже вражда Мазепы с ним начинается в поэме ссорой на пиру. Перед Полтавским боем Мазепа вспоминает:

...Под Азовым
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.

Сначала же в черновике Пушкина было сказано: «И за усы меня седые *рукою пьяною ухватил*».

Но образ пьяного Петра явиться перед читателем не мог: он выпадал бы из всего поэтического строя поэмы.

Когда читаешь рабочие тетради Пушкина, то видишь, как он был щедр и богат, как много художественных идей и образов теснилось в его воображении, а он из них выбирал — прекраснейшие из возможных.

Вот стихотворение «Бесы», стихотворение очень русское, непохожее уже на те романтические баллады, которые так прекрасно переводил с немецкого Жуковский.

И вдруг в рукописях открывается тебе, что Пушкин вспомнил здесь русские сказки, русский фольклор, вспомнил Аленушку, когда говорит о звуках, какие слышатся ему в завывании ветра:

Что за звуки!.. аль бесенок
В люльке охает, больной,
Или плачется козленок
У котлов, перед сестрой.

Но он оставил эти строки в рукописи и не включил их в «Бесы».

Мне хочется сказать еще об одной черте Пушкина. Пушкин вначале в рукописи так скажет, как говорили поздней поэты XX века, как ему было доступно, как он понимает, но потом отбросит и напишет иначе, как писали в XIX веке.

В первой главе «Евгения Онегина» он пишет:

Адриатические волны,
О Брента, нет увижу вас,
И вдохновенья снова полный,
Я слышу ваш *прозрачный* глас!

А потом заменил свой этот смелый эпитет, сказав: «Услышу ваш *волшебный* глас». И так он делал часто. В рукописи Пушкин описывает, например, верблюда и говорит:

И в темноте, как призрак безобразный
Стоит вельблюд, вкушая отдых праздный.

И это заставляет вспомнить о поэтической манере Заболоцкого.

А когда вы читаете первоначальный текст письма Татьяны, то тут уже какое-то мистическое чувство возникает, потому что в вариантах и по тексту, и по интонации, и даже по словарю Пушкин предвосхищал монолог Тамары из лермонтовского «Демона».

Вот Татьяна писала вначале (в черновике у Пушкина):

Ты мне внушал мои моленья
Любви небесной чистый жар
И грусть и слезы умиленья
Они тебе, они твой дар.

...Кто ты, мой ангел иль хранитель
Иль *демон* сердца искуситель?
Приди, сомненья разреши...

А между тем Лермонтов этих рукописей Пушкина не знал и никогда не читал...

Когда Некрасов описывает Английский клуб, он пишет:

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть

Тут бы нужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза, не будем робеть.
Начинаю.
Москва. День субботний
(Петербург не лишен едоков,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип.) Среди полных столов
Вот рядком старики объедалы:
Впятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их немалы,
Толщиною же равных им нет...
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек, подавал ты мне суп?..»

И это все предвосхищено в рукописях «Онегина».

И не только в зародыше. Когда Онегин приезжает в Москву:

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает
Стерляжьей подчует ухой —
В палате Английского Клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.

Можно было бы привести много таких примеров.

Хочу сказать еще вот о чем. У Пушкина есть лермонтовские интонации, которые возникают у него в стихе, когда зрелым поэтом он вспоминает о юности:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Я читал очень усердно знаменитые пушкинские рассуждения о прозе, точней, о том, какой она должна быть, которые суть не что иное, как цитаты из Цицерона.

«Точность и краткость — вот первые достоинства прозы», — писал Пушкин (а в другом месте заметил: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна. . .»). Говоря о речах и записках Цезаря, Цицерон пишет: «. . .ясная краткость — самое лучшее украшение истории» и «. . .в них есть прелесть нагой простоты».

Он вспоминает, как побывал на Кавказе. И тут те же интонации. Это неотработанные, но прекрасные стихи:

Во время оное былое!..
В те дни ты знал меня Кавказ
В свое святилище пустое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно,
Меня приветствовал ты шумно
Могучим гласом бурь своих...

Те же интонации уже не о природе, а о юности. А в конце:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа...

И вот Пушкин погиб. Его рукописи просмотрены и описаны. Их начал читать Жуковский.

И вот тут, когда опубликовали многое из найденного, пришлось современникам пересмотреть представление о творчестве поэта и расширить его.

Баратынский, человек такого таланта и ума, когда ему довелось познакомиться с тем, что осталось в рукописях Пушкина, писал жене: «Все последние пьесы его отличаются — чем бы ты думала? — силою и глубиною».

Пушкина критиковали, говорили, что он исписался, а между тем в портфеле у него лежал «Медный Всадник», «Путешествие из Москвы в Петербург», лежала незавершенная рукопись «Истории Петра I», не издан был «Каменный гость». Белинский, прочитав «Каменного гостя» и другие появившиеся после смерти создания Пушкина сказал, что Пушкин, как теперь только становится ясно, поэт всемирного значения.

Когда стали доступны новые тексты Пушкина, пришлось снова существенно расширить наши представления о нем.

Но необходимо помнить и о той части пушкинского наследия, которую постигла катастрофическая судьба, в силу чего эта важная часть его наследия до нас не дошла.

Впервые Пушкин сжег свои запретные рукописи в 1820 году, совсем молодым человеком, перед тем как он был сослан. Его вызвал тогда генерал-губернатор Петербурга Милорадович, а к нему на дом послал крупного своего агента для того, чтобы подкупить слугу Пушкина и получить у него рукописи. Но слуга оказался человеком верным, денег не взял и бумаг Пушкина не отдал.

Когда Пушкин явился к Милорадовичу и узнал, зачем тот требовал его — а предупредил его об этом Федор Глинка, который служил в канцелярии Милорадовича, — Пушкин на слова Милорадовича сказал: «Не трудитесь, граф, посланный ваш не найдет того, что вам надо. Бумаги уже уничтожены. Но прикажите подать бумаги и перо, и я тотчас напишу все свои запретные произведения».

Так это и было сделано, и известно со слов осведомленных свидетелей, что Пушкин сидел целый час и писал у Милорадовича. Эта не дошедшая до нас тетрадь называется Милорадовической тетрадью.

Сам Милорадович был убит 14 декабря на Сенатской площади, когда он поехал увещевать восставших (его застрелил, как известно, Каховский). Известно даже, что Пушкин записал в этой Милорадовической тетради свои политические сатиры и эпиграммы, за исключением одной эпиграммы на Аракчеева, которая, как замечают современники, никогда ему не простилась бы. Нет, не *одна* эпиграмма. Это был способ отречься от всего, от чего можно было только отречься.

(Надо сказать, что Аракчеев сыграл важнейшую роль в судьбе Пушкина. Он настаивал, чтобы Пушкина сослали в Сибирь или в Соловецкий монастырь.)

Из этого я позволяю себе сделать вывод, что смелое пушкинское признание (исписанная им тетрадь, по поводу которой Милорадович сказал, что это по-рыцарски) было не только признанием, но и средством, может быть, что-то скрыть, причем не только эпиграмму на Аракчеева.

О тетради доложили Александру I.

Куда делась эта тетрадь, мы до сих пор не знаем. Поиски ее не увенчались успехом.

После 14 декабря Пушкин сжег свои важнейшие запретные политические рукописи. Пушкин их сжег, когда узнал о разгроме заговора декабристов. Пушкин сжег тогда свои Автобиографические записки, судьбой которых я много лет занимаюсь.

Пушкин пишет, что он сжег свои «Записки», потому что они могли бы умножить число жертв.

Но оказалось, что сжег он их не целиком. Ряд отрывков сохранился. Из политических запретных отрывков Пушкин сохранил только такие, которые могли быть опасны по своему опасному революционному содержанию только для него самого, но где не были замешаны

друзья поэта, декабристы, которых можно было бы привлечь к следствию.

Там были отрывки и такого содержания, которые можно было свободно сохранить и даже напечатать. Он так и делал. Но делал он это под видом примечаний и приложений к своим поэтическим произведениям.

Так он написал биографию своего прадеда Ибрагима Ганнибала.

Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

К стихам Пушкин сделал примечание: «Автор со стороны матери происхождения африканского». Тут следовал отрывок из «Записок» Пушкина.

В огне погибли автобиография Пушкина, его дневники, которые он вел с 1821 по 1825 год. Это было второе большое сожжение.

Наконец, в 30-х годах он сжег так называемую десятую главу «Евгения Онегина», из которой зашифровал несколько четверостиший.

В ней он писал об Александре I:

Властитель слабый и лукавый
Плешивый щеголь враг труда
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда
Его мы очень смирным знали
Когда ненаши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

Сохранилась строфа, где Пушкин изобразил себя.
И наконец, черновая строфа:

Так было над Невою льдистой
Не там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли
Дела иные уж пошли.

И постепенно *сетью тайной* (Но искра *тайная*).
Но искра пламени иного.

Вот на нее и был, вероятно, отклик «Из искры возгорится пламя», ответ из Сибири.

И наконец, мы знаем, что, лежа на смертном одре,

Пушкин попросил доктора Спасского достать из ящика стола какую-то бумагу, и она была при нем сожжена. Я принадлежу к тем, кто думает, что существует большой неизвестный нам дневник Пушкина, который может быть сейчас за границей, у его знатных потомков, находящихся в близком родстве с английской королевой...

Когда умер брат Пушкина — Лев Сергеевич, то П. А. Вяземский, который близко знал его, записал, что с ним вместе навеки мы лишились многих, особенно запретных, как он пишет «контрабандных», стихов Пушкина.

Но хочу надеяться, что будут еще найдены неизвестные рукописи Пушкина и будут еще изучаться и восстанавливаться многие его, казалось бы, навсегда утраченные страницы [1].

---

[1] Доклад, прочитанный 10 февраля 1968 г. в Центральном Доме литераторов на вечере «Перечитывая Пушкина».

ПРИЛОЖЕНИЯ

В ходе работы над подготовкой книги об Арапе Петра Великого И. Л. Фейнберг составил список текстов, которые он считал нужным дать в приложении.

Тексты печатаются по следующим источникам:

1. Посвящение А. П. Ганнибала (Абрама Петрова) Екатерине I на рукописной книге «Геометрия и фортификация» в 2-х томах. Отдел рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук (Ленинград), шифр ПБ 24/1, т. I, лл. 3—4об.

2. Прошение А. П. Ганнибала императрице Екатерине Петровне. Впервые опубликовано А. Барсуковым по подлиннику — «Русский архив». 1891, № 5, с. 101—102, с некоторыми сокращениями.

Полностью опубликовано по копии, сохранившейся в бумагах Пушкина — Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 864—865. Печатается по этому изданию. Сверено с копией, сохранившейся в бумагах Пушкина (ф. 244, оп. 3, № 161. Жандармские пометы «39», «46»).

3. Список книг, принадлежащих А. П. Ганнибалу. Печатается по изданию: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XVII—XVIII, 1913, с. 231—234 (с сохранением особенностей орфографии).

4. Примечание А. С. Пушкина к 1-му изданию I главы «Евгения Онегина», 1825. Примечание к строфе L к стиху «Под небом моей Африки». Печатный текст. Печатается по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. 1937—1949, т. VI, с. 654—655.

5. Немецкая биография А. П. Ганнибала. Печатается по изданию: Рукою Пушкина..., с. 50—56. Перевод Н. Г. Зенгер.

6. Перевод немецкой биографии, сделанный Пушкиным. Печатается по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XII, с. 434—437. Свере-

но с рукописью (ф. 244, оп. I, № 1195. Рукопись черновая, содержащая ряд вариантов).

7. Начало автобиографии. Текст, относящийся к Ганнибалу. Печатается по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. Т. XII, с. 311—314. Сверено с рукописью (ф. 244, оп. I, № 828. Беловой текст с пятью зачеркиваниями и одной опиской).

8. Биографическая заметка «Ганнибал».—Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской Земли. М., 1836. Ч. 2, с. 12.

Неточности и ошибки, встречающиеся в документах, особо не оговариваются, так как они являются специальной темой работы И. Л. Фейнберга, готовящейся в настоящее время к печати.

ПОСВЯЩЕНИЕ ЕКАТЕРИНЕ I НА РУКОПИСНОЙ КНИГЕ «ГЕОМЕТРИЯ И ФОРТИФИКАЦИЯ»

Всепресветлейшая Императрица
Государыня

Ежели мое дерзновение нынешнее будет простительно, то есть тому притчина. Его Величество, блаженныя и высокодостохвальныя памяти Петр Великий, Отец Отечествия, Ваш Государыня любезный супруг, потому что всегда имел свои принципиальныя труды марсовы, чему и Ваше Величество последствуете; и я не возмогу лутче оная славная учения поднести, токмо неусыпно и неутруждаемо по нем во всех делех наследнице.

Вся Еуропа удивлялася его императорскому величеству. И уверена была чрез некую фабулу, которую сказавали прежде сего о трудах марса короля траскаго, которого и обоготворили, нынешния же истории скажут истинную правду о трудах Петра Великаго. Его Величество никогда не делал, чтоб не было полезно к услуге и к покою своему народу и к славе своего владения. Тако и Ваше Величество во всем том Его Величеству подражаете.

Тогда я всеподданнейший имел честь служить с самого моего младенчества, а именно лет седми или осми от возраста моего при стопах Его Величества, такожде и Вашего величества, и был мне восприемником от свя-

тые купели Его Величества в Литве в городе Вилне 1705-м году; а в 1717-м году изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел.

Того ради сам монарх великий Отец Отечеству изустно меня рекомендовать соизволил Дюку Дюмену принцу Домберу и великому генералу фелть цейх мейстеру Франци сыну натуральному славного короля французского Людвика Великаго; где я имел честь быть в службе от 1717 году, и дослужился до капитанскаго рангу, на которыя ранги имею патенты за рукою его королевского величества Людвика 15 от начала моей службы. А когда мир славной которой Его Величество соблаговолил дать короне Шведцкой с таким авантажем, что едва можно изобрести в историях всего света, впользу своим верным подданным российской империи, что все четыре части земли были наполнены от звону трубы Фамы о славе Героической Его Императорского Величества. То мне было сатис-факция слышеть при армии сочиненной, почитай всеми славными народами Эвропскими, где реномея распустила славу нашего пресветлого Российского Марса труды; что ненадобно было вопрошать, понеже сила самая истинная исторгала из уст многих, которыя натурално имели ненависть к распространению славы Империи Росийскиа.

Тогда я указ Его Величества о моем возвращении получил, и себя дегажировал честным маниром из службы короля французскаго, и поехал в Россию в таком намерени, чтоб принести мой живот на жертву для интересу моего государя, который мне дал свет и учение; я имел честь по моем возвращении в Россию обнять стопы Вашего Величества в 1723-м году, и Его Императорское Величество соизволил своею обыкновенною милостию к сиротам меня определить в свою роту бомбардирскую лейтенантом, а изустным указом повелел мне обучать молодых ундер-офицеров и салдат лейб-гвардии архитектуре милитарис. Неусыпным тщанием и радением Его Величество отеческим желая в Российской Импери всякое учение в совершенство привести Петр Великий денно и нощно попечения имея о сей науке милосердуя о народе своем особливо указал, чтоб российский народ обучался всяким наукам нетокмо в главных академиях но и в войске при полках указал быть школам для обучения некоторых частей инженерства.

Того ради сия книга Фортификация и геометрия практика переведена с французскаго на росийскиа, выбрана из книг славных разных авторов и искусных инженеров в которой находятся все части геометрии и фортификации, какова есть при сем; с показанием практики со всеми циркулными приемами и с некотараю частию вымеривания партикулярнаго действуемаго к строению фортификаций и иных пропорциев.

Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше подношу сии мои малыя труды под протекцию августейшим Вашим стопам надеяся что Ваше Величество как во всех делех наследствуете мужу славному Петру Великому, славная и великая государыня Екатерина, тако соблаговолит Ваше Величество усмотрит сию книгу колика потребна быть может молодым людям, желающим учения но и совершенным инженерам.

вашего императорского величества
нижайший раб
Абрам Петров

ПРОШЕНИЕ А. П. ГАННИБАЛА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая. Бьет челом Генерал-майор и Ревельский обер комендант Аврам Ганнибал а о чем мое прошение тому следуют пункты.

1

Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города; в 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче, волею своею, в Малых летах и привезен в Москву в дом блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого и крещен в православную, Греческого исповедания веру; а восприемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею высочайшею персоною; и от того времени был при Его императорском величестве не отлучно.

2

По нескольких же летах по Высочайшей Его Императорского Величества милости послан я был для наук в чужие краи и по всемилостивейшему его императорского величества соизволению, был в службе Его Королевского Величества Французского в Лейб-Гвардии капитаном, и потом паки выехал в Россию и служил в лейбгвардии в Преображенском полку в Бомбардирской роте порутчиком. И во время той моей службы, был в разных многих военных походах, баталиях и акциях безотлучно.

3

По кончине же Его Императорского Величества и Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и Государя Императора Петра Второго; с 730 года служил в Инженерном корпусе капитаном, а в 1741 году определен в Ревельской Гарнизон Подполковником, а в нынешнем 1742 году по Всемилостивейшему Вашего Императорского Величества указу, за верные мои и беспорочные службы, пожалован в Генерал-Майоры от Армии и в Ревель обер-комендантом и деревнями Всемилостивейше награжден; а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было, дворянство мое Вашего Императорского Величества Грамотою Всемилостивейше подтвердить и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорского Величества милости Гербом меня пожаловать.

Всемилостивейшая Государыня, прошу Вашего Императорского Величества, о сем моем прошении решение учинить. Генваря «   » дня 1742 года. К поданию надлежит в Правительствующий Сенат. Прошение писал Статс-Конторы Копиист Василий Власов.

1781 года, марта 15 дня в журнале Герольдмейстерской конторы записано:

По челобитной генерал-майора и Ревельского обер-коменданта Ганибала, о подтверждении его дворянства и о пожаловании ему диплома и Герба определено: как резолюциею правительствующего Сената 1768 года Ген-

варя 11-го велено: по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения генеральное о том положение учинено будет, да и самый проситель Ганибал с 1742 года хождения по делу не имеет, почему и жив ли он неизвестно, для чего сие дело и отдать в архив. Подлинное за подписанием Герольдмейстерской конторы.

РЕЭСТР КНИГАМ

Генерала Ганнибала, кои в 1730 вступили в Императорскую Библиотеку, а по возвращении его из ссылки в 1742 году после напечатания каталога, по его требованию, ему обратно отданы.

Classes	*Nro*	
H. Univers.	79 — 80.	Bossuet, Histoire universelle. 2 Tomes. 1707.
	81 — 82.	Pratique de la Memoire universelle. 1719. 2 T.
	83 — 87.	Geographie universelle par de la Croix. T. 1—5.
H. Graeca.	31 — 33.	Histoire de la guerre de Peloponese. T. 1—3. 1714.
	67.	Histoire d'Alexandre le Grand par Q. Curce. 1709. 2 T.
H. Romana	57.	Histoire Romaine depuis la fondation. 1716.
	58.	„ des deux Triumvirats. Amst. 1715.
H. Galliae	38.	Le Sacre et Couronnement du Roi de France. 1620.
H. M. Britan	68 — 70.	Histoire der revolutions d'Angleterre p. le P. d'Orleans. 3 T.
	79.	Histoire de Cromwel. Utrecht. 1692.
H. Belgii	12 — 14.	Histoire de la guerre de Flandre par Strada. T. 1—3.
	22 — 23.	Histoire de Hollande par Neufville. Paris. 1702.

Classes	Nro	
H. Hispan.	50.	Histoire de la vie du Cardinal Ximenes. 1704.
H. Eccles.	93 — 94.	Histoire des iconoclastes. Par. 1683. 2 T.
	106 —120.	Histoire des Juifs par Basnage. 1716. T. I—XV.
	138.	Moeurs des Chretiens par Fleury. Par. 1713.
	139.	„ des Israelites par Fleury. 1712.
H. German.	83 — 86.	Histoire de l'Empire. T. 1—4. 1715.
	104.	La vie de l'Empereur Charles V. Amst. 1704.
E. Exotica.	39 — 41.	Voyage de Lucas. 1714. T. 1—3.
	47 — 48.	Voyages de Lahontant. 2 Vol. 1718.
	49 — 50.	Histoire de la Conquete du Mexique. Par. 1714. 2 T.
	72 — 81.	Voyages de Chardin en Perse. Vol. 1—9. 1711.
	115.	Voyage de Struys en Moscovie. T. 1. 1719.
Epistolog.	110.	Lettres de Rabutin C. de Bussy. 2 Vol.
	196.	Lettres de Fontenelle. 1716.
	202.	Lettres d'amour d'une Religieuse Portugaise. 1701.
	205.	Mercure galant.
Lexicogr.	200.	Veneroni, Maitre Italien. 1713.
	201.	„ , de la prononciation de la Langue franç. 1703.
Mathemat.	7.	Dictionair Mathematique par Ozanam. 1691. 4°.
	43 — 44.	Ozanam, Recreations mathematiques. 1694. 2 Tomes.
	24 — 28.	Ozanam, Cours de Mathematique. 1693. 5 Tomes.
	49.	„ Nouvelle Geometrie pratique. 1693.
	86.	Les Elemens d'Euclides. Paris. 1709.

Classes	Nro	
Mathemat.	140.	Les Elemens de Geometrie par Mess. de Port Royal. 1711.
	200.	Pratique d'Arithmetique par Claire Combe. 1702.
Archit. Mil.	7.	L'art universelle des Fortifications p. Bitainvieu. 4°.
	24.	Ingenieur François. 1696.
	50.	Pratique de la guerre par Malthus. 1681.
	74.	L'Experience de l'architecture militaire. 1685.
	81.	L'Art de la guerre. 1672.
Politici	75.	Le Prince par Machiavel. 1714.
	142.	L'Homme de Cour par Gracian. 1710.
	174.	Le Testament politique par Colbert. 1694.
	221.	Le Testament politique par Louvois. 1706.
	289.	Nouveaux Interets des Princes de l'Europe. 1686.
	347.	Les devoirs de la Vie domestique.
	354.	Les Caracteres du faux et du veritable Amour. 1716.
Critici	81.	Apophegmes des Anciens. 1664.
	96 —101.	L'Espion dans les Cours des Princes Chretiens. T. 1—6.
	132 — 35.	Le Spectateur 1722. T. I—IV.
	164 — 66.	Explication des fables par Banier. T. 1—3.
	201 —202.	Oeuvres de Cyrano Bergerac. 1709. 2 Tomes.
	281 — 89.	Memoires des Hommes illustres par Brantome. 9 T.
	348 — 50.	Lucein de la traduction de Mr. d'Ablancourt. 3 T.
	271.	Les Galanteries Angloises. 1700.
Philosoph.	40 — 41.	Rohault. Traité de la Physique. T. I. II. 1705.
	209 —210.	Malebranche. De la recherche de la Verité. 1721. T. 1—4.

Classes	Nro	
Philosoph.	211 —212.	Malebranche. Entretiens sur la Metaphysique. 1711. 2 T.
H. Litter.	321.	Des Enfans célebres par leurs Ecrits. 1688.
	329 — 30.	Histoire des 7 sages par Larrey. 2 T. 1714.
Poetae	264 — 65.	Oeuvres de Racine. 1713. 2 T.
	266 — 67.	Les metamorphoses d'Ovide. 1718. 2 Tomes.
	309 — 13.	Le Théâtre de P. Corneille. Vol. 1—5.
	386.	Histoire poetique par Gautruche. 1705.
	396.	Les Propheties de Nostradami. Lyon.
Geneal.	7 — 9.	Les Maisons Souveraines de l'Europe par Buffier.
	14 — 17.	Les Souverains du Monde. 1721. T. I—IV.

ПРИМЕЧАНИЕ А. С. ПУШКИНА К СТРОФЕ L В ПЕРВОМ ИЗДАНИИ I ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (1825 г.)

Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем, как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою *Лагань,* плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он

возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жесткостию климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во все время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы, с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит бесспорно к числу отличнейших людей екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы современем надеемся издать полную его биографию.

Примеч. соч.

НЕМЕЦКАЯ БИОГРАФИЯ А. П. ГАННИБАЛА

Авраам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны. Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима. Его отец был вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот он восстал в конце прошлого века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; этому последовали разные небольшие, но кровопролитные войны; однако же, в конце концов победила сила, и этот Ганнибал, восьмилетний мальчик, младший сын владетельного князя, был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника.

Собственно, по молодости лет, этот жребий должен был миновать его. Однако, так как у его отца, по му-

сульманскому обычаю, было много, и даже чуть ли не тридцать, жен и соответственно этому множество детей, эти многочисленные старые княгини с детьми, объединенные стремлением спасти себя и своих, нашли способ хитростью и интригами почти насильно посадить его, как младшего сына одной из младших княгинь, не имеющей при дворе достаточно приверженцев на турецкий корабль и поручить его предназначенной ему судьбе.

У его единственной родной сестры Лагани, бывшей на несколько лет его старше, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная наконец уступить большинству, она еще, в тлеющей надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата, проводила его до борта этого кораблика; однако, видя, что все последние усилия ее нежности бесплодны, она бросилась <в отчаянии> [1] в море и утонула. Еще в конце своих дней проливал сей достопочтенный старец слезы, вспоминая об этой нежнейшей дружбе и любви, так как, несмотря на его чрезвычайную молодость в момент этого трагического происшествия, это печальное воспоминание вставало перед ним как новое, во всех подробностях <каждый раз, что он думал о сестре; ибо этой жертвы тем более заслуживала ее нежность сестры, что она боролась за его свободу, и что они были единственными детьми своей матери>. Вскоре после этой разлуки навеки прибыл Ганнибал в Константинополь и был с прочими юношами-заложниками заключен в сераль <для воспитания в числе пажей> султана; он пробыл здесь год и несколько месяцев.

<В это время в России царствовал император> Петр Великий, который насаждал искусство и науку в своем государстве, старался распространить их в благороднейшей части своих подданных, в дворянстве. Правда, ему удалось достичь в этом предприятии известных успехов, однако, если иметь в виду громадную массу дворянства широчайшей империи мира, то число проявляющих охоту к учению было слишком незначительно; это-то и вызывало в благородном государе болезненное огорчение и озабоченность. Он обдумывал средство воспитать несколько таких человеческих образцов, которые бы поражали самым внешним видом, чтобы выставить их

---

[1] В ломаные скобки заключены слова, не переведенные Пушкиным.

затем примером своему народу; тут он напал на мысль написать своему, тогда находившемуся в Константинополе, послу, чтобы тот ему достал и переслал <нескольких> африканских арапчат, отличающихся хорошими способностями. Его посол <в точности выполнил это повеление: он познакомился с заведующим сералем, где воспитывались и обучались пажи султана, заметил себе нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и наконец тайным и> отнюдь не безопасным способом, при посредстве тогдашнего великого визиря, получил трех мальчиков <расторопных и способных, как это покажут последствия>.

В это время <умер отец покойного генерал-аншефа Ганнибала, которого он оставил в пожилом и почти дряхлом возрасте, и> очередь наследования досталась на долю одного из его сводных братьев <который примерно в это время и начал править>. Российский императорский посол <счастливый выполнить волю своего государя>, отправил этого Ибрагима Ганнибала, еще одного черного мальчика <знатного происхождения, его соотечественника (который в пути скончался от оспы)>, и одного рагузинца <почти сверстников, все моложе десяти лет, в Москву>. — Государь <опечаленный потерей третьего> и был доволен <получением этих двух прибывших мальчиков> и взял на себя заботу об их воспитании, с тем большим усердием, что, как было сказано, он из них хотел извлечь образец <который бы он мог ставить своему народу в пример и в посрамление, как доказательство, что из каждого народа, и не меньше из негров, почти диких людей, которых наши цивилизованные нации определяют только в сословие рабов, могут быть выработаны люди, способные прилежанием получить знания в науках и тем приобрести способность быть полезными и нужными, во всех случаях пригодными слугами своего государя>. — Император Петр Великий, в качестве не менее великого знатока людей, установил сразу наклонности своих прибывших питомцев и предназначил своего Ганнибала, живого, расторопного и горячего мальчика, в военную службу, рагузинца же, впоследствии известного в России под именем графа Рагузинского, как более тихого и вдумчивого, — к гражданской службе.

Что касается Ганнибала, то он спал в дополнительном кабинете государя, в токарне, и вскоре сделался во многих важных случаях секретарем своего государя; у

последнего над постелью всегда висело несколько аспидных досок; <как бы он ни был утомлен от дневных трудов и как бы ни нуждался в покое, его великий дух, вечно деятельный во благо подданных, этот почти никогда не отдыхающий дух, часто будил его и поддерживал в бодрствующем состоянии>; и тут в темноте, без света, записывал он по вдохновению важные и длинные проекты; на утро его питомец должен был эти заметки переписывать начисто и после надлежащего подписания рассылать их по коллегиям <и соответственным учреждениям, в качестве новых законов и повелений для исполнения>. — Великий монарх <которому не свойственно было проглядеть заслуги и хорошие качества> и здесь изо дня в день все больше убеждался в способностях этого юноши <которые предвещали большее, чем судьбу писца; чтобы их в полной мере развить и образовать, и чтобы выработать из Ганнибала того мужа, которым он впоследствии стал>, он назначил ему под собственным присмотром <лучшие и наиболее действительные награды>: во многих же науках, особенно математических, и в других знаниях, наряду с языками, приставил он самых искусных учителей. Эти занятия продолжались <с неугасимым прилежанием> даже во время самых тяжелых путешествий, кампаний и походов государя, в коих Ганнибал неизменно присутствовал. Приблизительно в 1707 году был он в Польше окрещен в греческую веру, и сам император вместе с польской королевой, супругой Августа II, почтили этот обряд своим высочайшим присутствием в качестве восприемников. По имени своего высокого восприемника был он назван Петром, но так как прежде, на родине, его именовали Ибрагимом <что по-арабски значит Авраам, и ввиду того, что он так долго оставался некрещеным, то> по общей привычке звать его Авраамом сохранилось за ним до самой смерти не новое, а старое имя; он даже получил затем разрешение именоваться и подписываться этим именем, и только в церковных книгах его называли Петром. По отчеству, употребляемому согласно греческому обычаю, назван он Петрович в честь своего августейшего восприемника.

В это время его правящий сводный брат, я думаю, побужденный тогда еще живой матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что этот сводный брат еще находится в Константинополе в качестве заложника, захотел его выкупить через посредство других,

и выполнение этого поручил одному из своих младших братьев; последний отправился по следам увезенного нового Иосифа; <сперва он искал его в Стамбуле>, а затем был в Петербурге <где рассчитывал его выкупить за большую сумму и захватить с собой.> Однако <было невозможно возвратить язычеству и варварству столь многообещающего юношу, уже чувствующего себя убежденным христианином; привыкнув к европейскому образу жизни, он и сам не проявлял желания вернуться, и> этому домогающемуся брату было отказано в его просьбе <тогда, одарив младшего брата ценным оружием и арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал он на родину, не добившись поставленной цели> с большой скорбью с той и другой стороны.

Много позже, уже в наше недавнее время, покойный родоначальник ныне в Европе существующего рода Ганнибалов хотел притязать на возобновление княжеского титула, опираясь на свое рождение от княжеских предков согласно этим документам и доказательствам; однако его старший сын, генерал-лейтенант и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, отсоветовал ему это предприятие на основании того аргумента, что княжеское достоинство требует и княжеского состояния.

Достичь этих требований старого времени в нужной степени было бы покойному главе этого рода вполне легко в нашем государстве, где заслуги столь достаточно вознаграждаются, если бы он отличался меньшей скромностью и умеренностью. Ибо блаженной памяти императрица Елизавета была его особенно милостивой и благосклонной защитницей, нередко оказывала ему честь, именуя братом, и неизменно встречала с особыми отличиями перед многими другими.

Однако он ни разу не воспользовался в свою выгоду представлявшимися случаями и не просил ничего для себя или своих; поэтому дело ограничилось теми подарками, о которых будет сказано ниже; к этому состоянию прикупил он еще несколько имений на собственные благоприобретенные средства, так что после его смерти его наследие могло состоять из тысячи четырехсот душ мужского пола.

Император Петр Великий с удовольствием видел растущие успехи своего крестника в знаниях и науках; для усовершенствования соответственно обстоятельствам тогдашнего времени послал он его с значительной стипендией и особыми рекомендациями к тогдашнему ре-

генту Франции герцогу Орлеанскому с горячей просьбой взять на себя наблюдение за ним; там он полностью закончил в дворянском военном училище свою военную подготовку, особенно же изучение математики при великом Белиоре; произведенный оттуда в офицеры артиллерии, он затем участвовал в войне за испанское наследство во всех походах в чине капитана артиллерии; тогда же он был использован и в инженерном деле в минных галереях, участвовал здесь в подземных сражениях; при этом однажды был сильно ранен в голову и в конце концов взят в плен.

Петр Великий тем временем неотступно следил за ним, замечая все его деяния. Если государь его и прежде любил почти отечески, то вследствие его хорошей славы, отзывов об усердии, способностях и поведении стал к нему милостивее <желая использовать в собственной службе своего питомца, в воспитании коего он заложил фундамент>, он его вызвал по истечении 6 или 7 лет обратно.

Однако заметные преимущества, которые Франция в то время имела перед Россией, тогдашняя роскошь двора и даже климат, более благоприятный природе африканца, представляли для него столько неотразимой прелести, что он не сразу последовал вызову на север и в течение еще двух лет отговаривался то еще неполным освоением всех математических наук, то плохим состоянием здоровья, и все откладывал свое возвращение. Настоящая причина этой проволочки не могла укрыться от проницательности государя. Он написал регенту, что Ганнибала к своей службе не неволит и настоящим предоставляет ему полную свободу действовать по собственной совести и доброй воле. Герцог показал ему письмо государя. Это вновь оживило в нем признательность, и его благодарность к своему лучшему благодетелю заставила его сейчас же благодарить (французов) за всю честь и милости, которые он испытал на французской службе. Он подал в отставку <и поспешил к своему государю, чтобы верноподданнически представиться для возобновления службы. Получив известие об его приближении>, государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему навстречу из Петербурга до Красного села, на 27-ю версту, а затем назначил его на 28-м году капитан-лейтенантом бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка; в последнем каждый правящий монарх всегда сам является

капитаном, и потому Ганнибал по своей должности имел ежедневный верный случай часто говорить со своим капитаном, без предварительного доклада.

Затем, в качестве испытанного и заслуженного человека, он был использован для различных важных дел; и с окончанием каждого из них входил все крепче и крепче в милость своего благодетеля. Незадолго до смерти государя он был командирован в Ригу для закладки нескольких крепостных верков. Ощущая недостаток в деньгах для личных расходов, он доложил это государю, который немедленно распорядился о пересылке ему 2000 голландских дукатов <вскоре же затем скончался. Еще большее доказательство высокой милости приснопамятного императора дает следующий факт: на смертном одре он не забыл своего Ганнибала, но в присутствии всех, окружающих его в момент кончины, настоятельнейшим образом> поручил <своей высокой наследнице — августейшей супруге и высокой принцессе> своей дочери, впоследствии императрице Елизавете, дальнейшую заботу о нем и защиту его как иностранца. Вскоре, по выполнении поручения, он вернулся из Риги ко двору, искреннейше помог оставшимся верным и преданным слугам почившего императора оплакивать столь болезненную и невознаградимую потерю своего горячо любимого государя и после многих усилий и хлопот все же наконец получил при посредстве великой княжны Елизаветы назначенные ему две тысячи дукатов (немалая сумма по тому времени).

Императрица Екатерина I немедленно приставила его, как первого и лучшего инженера России, к своему внуку, наследнику, великому князю Петру Алексеевичу, будущему императору Петру II, для преподавания, главным образом математических наук; в течение всего ее царствования он отправлял это поручение со всем прилежанием и усердием, был чрезвычайно любим этим государем <и всегда неотлучно при нем находился>. После смерти блаженной памяти императрицы Екатерины I этот наследник вступил на дедовский престол, и в это время Ганнибал был удален от двора. <Однако это удаление не было знаком немилости. Воспитанный в кабинете Петра I, этого великого созидателя столь могущественного и громадного государства, в котором он и сам был не совсем бездеятельным, зная все планы и предположения, он был вследствие своей испытанной верности и честности следовательно не такой человек, ко-

торый бы в этот момент и в такой близости ко двору, при столь хитром, всемогущем министре, каким был князь> Меншиков <мог сделать свое счастье. Последний> нашел ему чрезвычайно важное по виду поручение и удалил его таким образом из столицы, именно по ту сторону реки Амура, к тогдашней китайской границе, к предприятию, которое, как казалось, почти только для той цели и было создано, чтобы удержать Ганнибала по возможности долго вдали от двора до окончательного забвения. И даже после падения Меншикова стоящие у кормила государства князья Долгоруковы проявили столь же мало потребности видеть Ганнибала при дворе, и он по-прежнему остался на границе Китая.

<По своему деятельному усердию он мог бы справиться больше, чем только с этим поручением. Следовательно, он скоро его выполнил. Написав доклад об этом, он повторял это несколько раз, но все тщетно, — ответа не поступало. Под конец в этом диком месте недоставало необходимого для удовлетворения даже первых потребностей. Он думал, что его рапорт пропал вследствие бесконечно далекого расстояния, и пребывал в крайне неприятном положении, потому что его привычный к деятельности дух требовал лучшей пищи, и он желал таких обязанностей, которые бы более соответствовали его свойствам и карьере, на которую его звала честь.

В это время уже царствовала Анна Ивановна. При влиянии тогдашнего министра графа Бирона (будущего герцога Курляндского), который имел столь же мало основания, как сам Меншиков или Долгоруковы, терпеть вблизи столицы Ганнибала, как питомца Петра Великого, а следовательно, обращал очень мало внимания на его столь жалобные донесения из Сибири; однако> его старый верный друг граф Миних оказал ему помощь в возвращении из Сибири и в известном роде запрятал его затем в Перновский гарнизон в качестве инженер-майора <(в каковую должность он действительно был снижен во время своего отсутствия). Здесь же он был хоть вновь в обитаемой местности, среди людей, довольно далеко от лица своих завистников и, так сказать, незамеченным. Однако ему, человеку, который себя чувствовал способным к большему, чем это новое местопребывание, было достаточно скучно (он его терпеливо выносил все же, сколь мог, долго)>. За это время он <вторично> женился, именно на дочери тамош-

него капитана Матвея фон Шеберг (Schöberg). Этот капитан Шеберг был родом швед, жена же его, урожденная фон Альбедиль (Albedyl), — лифляндка. Он решился оставить эту ему больше невыгодную службу <не дающую никаких видов на новое счастье и дальнейшее повышение в чинах. Он взял свои унаследованные 2000 и то, что он отложил из содержания за время своей службы> и купил себе расположенное недалеко от Ревеля имение Каррикулла <в 1 1/2 ревельских гакенов> и жил сельским хозяином, как нетребовательный мудрец с растущим семейством (которого без этого шага он не мог бы как следует обеспечить), столь хорошо и довольно, как это ему повелевала судьба.

Тут к нему вторично приблизился новый момент его счастья> Елисавета <дочь Петра Великого> вступила на по праву принадлежащий ей отцовский престол. <Хорошо ей знакомый> он написал ей только следующие слова: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие свое!» <В качестве милостивой и благосклонной принцессы вспомнила она тотчас верного слугу своих родителей, спутника ее молодости, выписала его к себе, по-царски одарила> пожаловала ему имение Рагола в Эстляндии, недалеко от Ревеля, с 600 крепостных в Плесковской провинции. Сделала его бригадиром и обер-комендантом Ревеля, и вслед за тем генерал-майором. Затем он производится в инженер-генералы, потом в генерал-аншефы, состоя при этом директором каналов Петра Великого в Кронштадте и Ладожского, пока в царствование Петра III, вследствие болезненного состояния здоровья, особенно же своей жестокой подагры <и ранений, полученных за время французской службы>, не вышел в отставку и не начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое. Тут же он окончил и дни свои. Он умер в 1781 году, 14 мая, на 93-м году жизни. Похоронен он вместе с своей супругой <в церкви своего главного имения> Суйда <Софийского уезда, в 58 верстах от С.-Петербурга. За 8 дней до смерти пребывал он в состоянии сильнейшего упадка сил, но столь хорошей памяти, что смог припомнить в полной точности события за много лет и их рассказать>.

Его первая жена была родом гречанка и называлась Авдотья Алексеевна, она родила ему дочь Авдотью и вскоре после того постриглась в Тихвине в монахини, где и скончалась. Дочь же ее умерла помолвленной невестой, в расцвете лет.

Его 2-я супруга Христина Регина фон-Шеберг умерла на 76-м году 13 мая 1781, пребывая в своем же лютеранском вероисповедании, в котором она воспитывалась. Она похоронена в той же церкви, в Суйде. От нее у него было одиннадцать детей.

БИОГРАФИЯ А. П. ГАННИБАЛА. ПЕРЕВОД А. С. ПУШКИНА

Абрам Петрович Анибал был действительно заслуженный Генерал в Императорской Русской службе, кавалер орденов Александра Невского и Анны. Родом был африканский арап из Абиссинии, сын в тогдашние времена сильного Владельца в Абиссинии, столь гордого своим происхождением, что выводил оное прямо от Аннибала. Сей Владелец был Вассалом Отоманской Империи в конце прошедшего столетия, взбунтовавшегося противу Турецкого Правления вместе со многими другими князьями, утесненными налогами. После многих жарких битв сила победила. И сей Ганнибал 8 лет как меньшой сын Владельца, вместе с другими знатными юношами был отвезен в залог в Константинополь. Жребий сей должен был миновать отрока. Но мать его была последняя из 30 жен Африканского Владельца.— Проччие Княгини, поддержанные своими связями, через интриги родственников, обманом посадили его на корабль, назначенный для отвоза залогов. — Единственная, любимая сестра его, старее его несколькими годами, имела довольно духа, чтоб бороться за него. — Она уступила силе, проводила его до лодки, надеясь просьбами его избавить или искупить жертвою всех своих драгоценностей. — Но, видя, что все ее старания были тщетны, бросилась она в море и утонула. — В самой глубокой старости текли слезы его в воспоминании любви и дружбы и всегда живо и ново представлялась ему сия картина. — Вскоре после привезен был Аннибал в Константинополь и вместе с другими юношами принят в сераль Султана, где пробыл год и несколько месяцев.

Петр имел горесть видеть, что подданные его упорствовали к просвещению, желал показать сим пример над совершенно чуждою породою людей и писал к своему посланнику, чтоб он прислал ему Арапчинка с хороши-

ми способностями — Сей (за одно с Визирем) с немалой опасностию прислал ему трех. Между тем один из его братиев наследовал их престарелому отцу. В сие время посланник послал Ибрагима Аннибала, другова арапа, и еще одного Рагузинца. Император был чрезвычайно доволен и принялся с большим вниманием за его воспитание, придерживаясь главной своей мысли. — Петр, по своей прозорливости, увидел тотчас расположение детей, Аннибала как живого, смелого назначил в военную службу, *Рагузинца* тихого, рассудительного глубокомысленного — в статскую — и сей был известен впоследствии под именем графа Рагузинского.

Ганнибал неразлучный с Императором спал то в его кабинете, то в его *токарне*, и вскоре потом сделался тайным секретарем своего императора. — Государь имел всегда над своей постелью аспидную доску (- - - - -); государь писал ночью приходившие ему мысли, а Аннибал утром переписывал и рассылал по разным коллегиям. — Государь был день ото дня более убежден дарованиями сего юноши, и под собственным своим надзором дал ему лучших учителей — особенно математиков. — Сии занятия продолжались беспрерывно, в самых трудах и походах императора до 1707, где он в Польше крещен — Государем и Королевою Польскою, супругою Августа II. Он получил имя Петра, но имея уже привычку называться Ибрагимом, с позволения Петра подписывался везде Ибрагимом — хотя в книге свидетельства церковного назван Петром, а как Император заступал ему место отца — Петром Петровичем.

В сие время брат его, полагая его в Константинополе и вероятно побужденный к тому матерью сего последнего — послал брата для искупления сего нового Иосифа. — Он приехал и в Петербург, но, к сожалению, двух братиев горячо простившихся на веки *Петр* его не отпустил. Впоследствии старик хотел возобновить требование на Африканское владение, но Ив. Абр. Ганнибал отсоветовал ему сию странную мысль — говоря для Княжеского звания нужно и княжеское богатство и старый арап с ним согласился. В государстве, где так хорошо заслуги награждаются, легко было бы Аннибалу иметь великое богатство естьлиб он жил с меньшею расточительностью.

Императрица Елизавета отличала его ото всех, называла братом и осыпала его своими милостями. Но он никогда сим не пользовался ни для себя, ни для род-

ных, и удовольствовался одними подарками. После его смерти осталось только 1400 душ.

Петр с удовольствием видел успехи своего ученика, и для усовершенствования в науках послал его с рекомендательными письмами и с хорошим пенсионом к Регенту, который поместил его в *Ecole militaire*, где он окончил курс математических Наук под руководством Belior (Belior), выпущен был оттуда офицером *артиллерии*, служил в Гишпанской наследственной войне капитаном артиллерии, был во всех походах, был употреблен в копании мин, ранен в голову в одном подземном сражении и взят в плен. Петр I не спускал с него глаз, и слышал часто свидетельства о его прилежании, способностях и хорошем поведении, и лет через шесть вызвал его в Россию.

Но просвещение, роскошь и самый климат Франции остановили молодого арапа — и для того он отлагал свое возвращение, то под предлогом болезни, то неокончания Наук. Петр угадал причину сию, и писал Регенту, что он Аннибала принуждать никак не намерен вступить в свою службу, что он совершенно свободен и что предоставляет он всё его совести. — Герцог показал Ганнибалу сие письмо. Ганнибал немедленно оставил службу, благодарив французов за их ласки и честь. Государь поехал ему навстречу с Екатериной до 27 версте до Красного села и сделал его (28 лет) бомбардирской роты Л. Г. Преображенского полка, коего полка сам Петр был — капитаном, капитан-лейтенантом, в коем чине мог он Государя всегда видеть без доклада, после был он употребляем в разных делах более и более заслуживая доверенность Петра.

Перед смертью Петра послан он был для поправки укреплений в Ригу. При чем Государь пожаловал ему 2000 червонцев Голландских. Петр умирая просил об нем свою наследницу и Великую Княжну Елизавету дабы его как чужестранца (- - - - -). После его смерти возвратился он в Петербург, оплакивая с верными Слугами Отечества потерю Государя. Много труда стоило ему получить было деньги свои, в чем помогла ему Елизавета. Екатерина сделала его учителем математики Петра II, коим был очень любим — во все 2 года Царствования Екатерины. После ее смерти Петр II взошел на престол и Аннибал был отдален от двора.

Меншиков под предлогом благовидным сослал Африканца на берега Амура, мерить Китайские границы,

препоручение, найденное токмо для его удаления. После падения Долгорукие не почли за нужное призвать Аннибала, он всё оставался там.[1]

но Миних помог ему возвратиться из Сибири и спрятан был в Перновской гарнизон инженерным майором.—

Женился он там на дочери Капитана Матфея фон *Шеберха* — урожденного Шведа, женатого на Лифляндке рожденной фон *Альбедиль* — и вышел в отставку.— Купил он себе около Ревеля деревню *Карикула*, где он жил с своею фамилиею.

Елизавета воцарилась — Аннибал написал ей только — Помяни мя Господи Егда etc. — Она тотчас подарила ему 600 душ в Псковской Губернии и село *Рагола* около Ревеля, сделала его бригадиром, обер-комендантом Ревеля, генерал-майором, после генерал-инженером, генерал-аншефом и директором каналов в Кронштадте и Ладожского сообщения. При Петре III попал он в отставку по болезни, подагре и кончил жизнь философом, 1781 14 мая на 93 году погребен в *Суйде* близ своей супруге.

Первая жена называлась Авдотья Алексеевна — (греческого исповедания), родила ему *дочь Авдотию,* пострижена в Тихвине; дочь умерла невестою — вторая жена его Христина Регина фон Шеберх умерла 13 мая 1781 г. на 76 году, имел 11 детей от нее.

А. С. ПУШКИН
НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИИ

...Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал

[1] Далее оставлено более половины страницы чистой.

в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что представляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в Ревельскую деревню, где он и жил около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню *Раголу,* близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни. Он

написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленах, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 году выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Январий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт*, говорила она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о

смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807[1] году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. 11 лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в святогорском монастыре.

ГАННИБАЛ

Ганнибал, Авраам Петрович, арап, похищенный с берегов Африки на осьмом году своего возраста и купленный российским посланником в Константинополе, прислан в С. Петербург к Петру Великому, который был его восприемником от св. купели и наименовал *Ганнибалом*, в воспоминание славного полководца Карфагенского. Полюбив крестника за расторопность, природный ум и чрезвычайную чуткость, государь сделал его камердинером и велел ему ночевать в своей спальне. Каждую ночь он подносил Петру Великому несколько раз свечу и аспидную доску, а потом, когда выучился грамоте русской, записывал его словесные приказания. Несмотря на привязанность свою к Ганнибалу, Петр, желая образовать его для Отечества, расстался с ним: отправил его в Париж и не оставлял денежными пособиями. Окончив науки с успехом, в особенности по части инженерной, Ганнибал вступил в французскую службу, участвовал в войне гишпанской, был ранен в голову и в мирное время предался всем удовольствиям шумной столицы, до того завеселился, что не хотел ехать в Россию. Петр Великий поручил тогда герцогу Орлеанскому уверить Ганнибала, «что он может возвратиться без всякого опасения», и великодушием своим победил неблагодарность. Облагодетельствованный арап явился к монарху с повинною головой во французском офицерском мундире; Петр сдержал свое слово: определил его порутчиком лейб-гвардии в Бомбардирскую роту. По кончине государя императрица Екатерина 1-ая поручила Ганнибалу обучать математике великого князя Петра Алексеевича. Вскоре восстановил он против

[1] В рукописи описка: 1707.

себя Меншикова и был удален в Сибирь (1727 г.) для построения Селенгинска на новом месте. Ганнибал, отзываясь своею неопытностью, не исполнил возложенного на него поручения и отправился обратно в С. Петербург; но возвращен с дороги в Селенгинск и сослан (1729 г.) в Томск, где содержали его под стражею, выдавая на пищу по десяти рублей в месяц. Когда вступила на престол императрица Анна Иоанновна: он снова бежал в С. Петербург, явился к графу Миниху и, по совету сего заслуженного воина, скрылся в деревне от преследования Бирона, управлявшего кормилом государства. В уединении Ганнибал описывал, на французском языке, историю своей жизни: но, однажды услышав звук колокольчика близь деревни, вообразил, что ехал за ним нарочный из С. Петербурга и предал огню любопытную рукопись. Императрица Елизавета Петровна возвратила свободу любимцу ея родителя, пожаловала его обер-комендантом в Ревель (1743 г.); генерал-инженером в 1756 году; кавалером ордена св. Александра Невского, 30 августа 1760 г., наконец генерал-аншефом. Маститая старость заставила Ганнибала просить об увольнении от службы: на что императрица Екатерина II-я изъявила свое согласие 9 июня 1762 г. Он скончался в 1782 году, на девяносто втором от рождения; был нрава горячего, ревнивого; отличался чрезмерною скупостию; любил воспоминать о своей молодости, о роскошной жизни Африканской; помнил, как водили к отцу девятнадцать старших братьев его, с руками, связанными за спину; как он один наслаждался свободою под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблем, на коем он удалялся, и всегда с восторгом, с слезами говорил о Петре Великом. *Из Анекдотов г. Голикова; Дипломатич. собрания дел между Российским и Китайским государствами; Московских ведомостей, Примечаний к первой главе Онегина, и по словесному преданию, переданному мне родным правнуком А. П. Ганнибала, Александром Сергеевичем Пушкиным.*

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Львович Фейнберг

АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ
ПРАДЕД ПУШКИНА

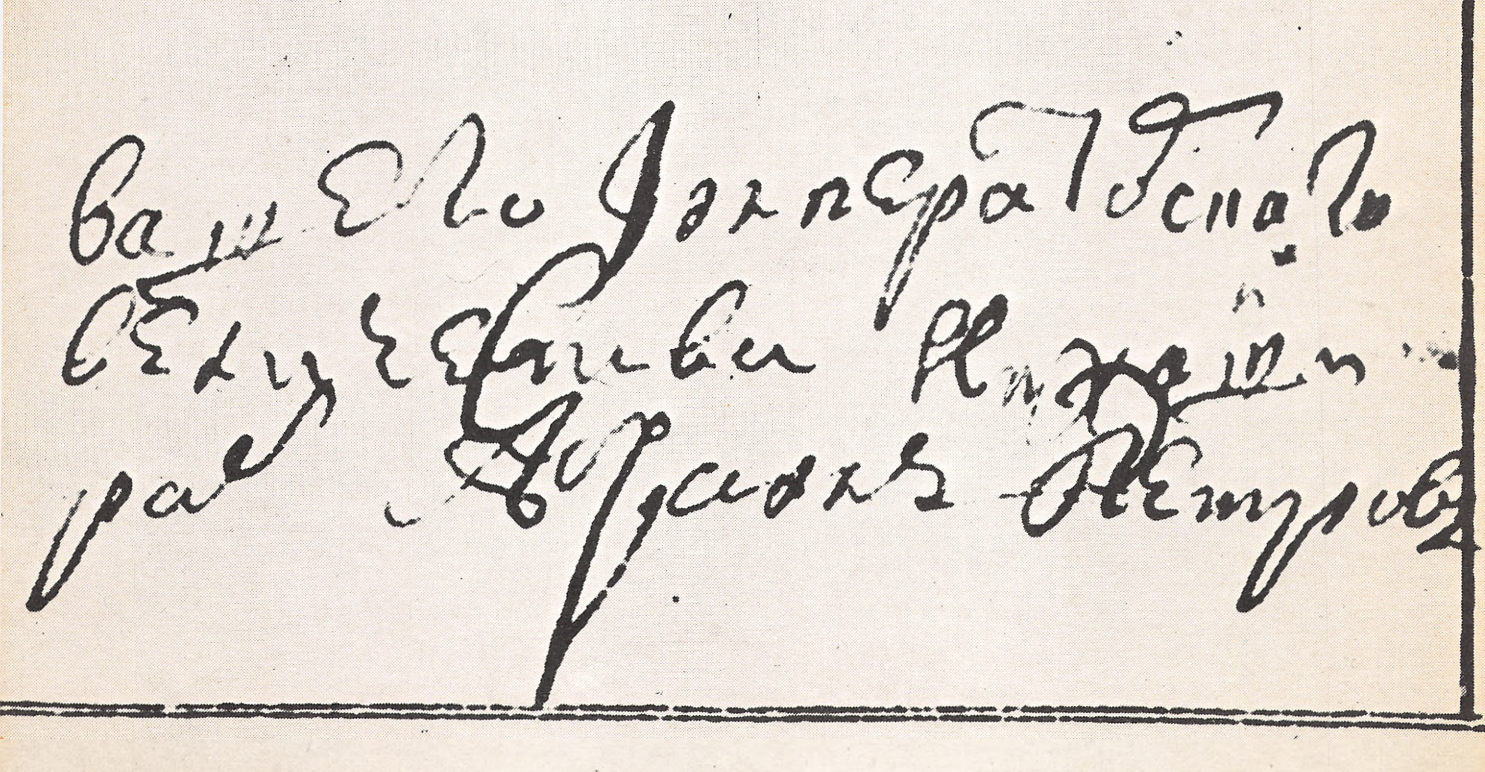
Редактор **Н. Я. Северина.** Младший редактор **Г. А. Бурова.** Художник **В. В. Локшин.** Художественный редактор **Э. Л. Эрман.** Технический редактор **Л. Е. Синенко.** Корректор **Р. Ш. Чемерис**

ИБ № 14790

Сдано в набор 06.07.83. Подписано к печати 17.11.83. А-13744. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Вкл. отпечатана по офсету. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,72+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 7,77. Уч.-изд. л. 8,27. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5126. **Зак. № 846. Цена 55 к.**

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова 12/1

Типография издательства Агентства
печати Новости
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46


раб Абрамъ Петровъ

55 к.